

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУБАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Научный центр пропаганды и внедрения инноваций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Материалы II Международной научно-практической конференции
10 декабря 2016 год

Краснодар 2016

УДК 340
ББК 67.9(3)
П 78

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жинкин С.А.

*доктор юридических наук, декан юридического факультета,
Кубанский государственный университет, Россия.*

Лунарев Е.Б.

*доктор юридических наук,
Кубанский государственный университет, Россия.*

Флудас Д.А.

*доктор юридических наук, доцент колледжа Хьюз Холл
Кембриджского университета, Греция.*

Жаксыбеков А.С.

*доктор политических наук,
Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Республика Казахстан.*

Лебедева А.Д.

*кандидат юридических наук, декан юридического факультета,
Кубанский социально-экономический институт, Россия.*

Жинкин А.А.

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
Зав. кафедрой общетеоретических и государственно-правовых
дисциплин Кубанского социально-экономического института, Россия.*

Проблемы развития правовой системы России: материалы II Международной научно-практической конференции, 10 декабря 2016 г. / Краснодар: КубГУ, КСЭИ 2016. – 160 с.

ISBN 978-5-91276-154-6

УДК 340
ББК 67.9(3)
П 78

© Издательство Кубанского государственного университета, 2016 г.
© Издательство Кубанского социально-экономического института, 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

I Раздел:

Общетеоретические проблемы развития правовой системы России

<i>Арпентьев Ю.Е., Арпентьева М.Р.</i>	5
ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО И НРАВСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВ РОССИИ	
<i>Жинкин А.А.</i>	18
ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ПРАВА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Кич И.С.</i>	21
НАУЧНАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
<i>Тараканова Л.А., Коротков В.С.</i>	24
ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА	
<i>Чибизов В.В.</i>	28
ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ	

II Раздел:

Развитие отраслей Российской права: тенденции и перспективы

<i>Аникин В.А.</i>	39
БЛАНКЕТНОСТЬ ДИСПОЗИЦИЙ СТАТЕЙ 228.2 И 233 УК РФ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	
<i>Байдин А.Н.</i>	45
НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ	
<i>Бакаев С.В.</i>	50
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ И СОДЕРЖАНИЕ	
<i>Батютина И.Н.</i>	59
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕДУРЫ АТТЕСТАЦИИ ЭКСПЕРТА В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Бацун Я.В., Дынько А.П.</i>	67
ФОРМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОСТЬ	
<i>Жинкина Т.Ю.</i>	72
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
<i>Ильин А.В., Мартынова Т.В.</i>	77
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ	

ЧЕЛОВЕКА	
<i>Коновалов А.К., Прохорова М.Л.</i>	83
АКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОСТАВА И ВОПРОС ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ	
<i>Коновалова К.В.</i>	90
ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	
<i>Кривошея С.А., Мартынова Т.В.</i>	96
ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	
<i>Лаухин А.Л., Прохорова М.Л.</i>	101
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ГУМАНИЗМ: ВЗГЛЯД «ИЗНУТРИ»	
<i>Лю Юйнин</i>	108
СЕРТИФИКАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ, ЭКСПОРТИРУЕМЫХ В КИТАЙ	
<i>Моногарова А.Г., Кобышева Е.И.</i>	112
ПРОБЛЕМА ИНФОРМИРОВАНИЯ В МЕДИАЦИИ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Мустафина С.А., Лебедев М.О.</i>	119
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВЫХ ОСНОВ БОРЬБЫ С МИРОВЫМ ТЕРРОРИЗМОМ	
<i>Пилюгина Т.В., Бацун Я.В.</i>	122
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Пилюгина Т.В., Сопина Л.Ю.</i>	127
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ	
<i>Пятница Е.Ю.</i>	133
ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ, ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ	
<i>Расулова З.О.</i>	139
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИИ	
<i>Сёмик А.А.</i>	146
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО ДЕПУТАТА	
<i>Сопина Л.Ю., Дынько А.П.</i>	151
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	
<i>Тараканова Л.А., Пономаренко М.С.</i>	155
ПЕРЕМЕНА ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ В РАМКАХ ЦЕССИИ И ЕЁ ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ	

I Раздел:
Общетеоретические проблемы развития правовой системы России

*Арпентьев Ю.Е.,
специалист фирмы «CORT» г. Кишинева, Республика Молдова*
*Арпентьева М.Р.,
профессор кафедры психологии развития и образования,
доктор психологических наук, доцент
Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского*
*Arpentiev Y. E.,
Specialist of the «CORT» Firm, Chisinau, Moldova*
*Arpentieva M. R.,
doctor of psychological science, professor of the department of
psychology of development and formation of the Kaluga state University*
K.E. Tsiolkovsky

**ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО И НРАВСТВЕННОГО
ПРОСТРАНСТВ РОССИИ**

DEFORMATIONS OF THE LAW AND MORAL SPACE IN RUSSIA

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы деформации и соотношения правового и нравственного пространств, обозначающие основные пробелы правового регулирования и правоприменительной практики в области осуществления прав и свобод человека и гражданина. Авторами вводится понятие пространства арбитражных привилегий. Отмечается, что концепция морального права, при всей ее ограниченности, представляет собой важную альтернативу доминирующей в наше время позитивистской концепции права.

Ключевые слова: правовое пространство; нравственное пространство; пространство арбитражных привилегий, права человека.

Annotation. The article examines the deformations and interactions between the law (legal) and moral spaces, indicating the main gaps of legal regulation and law enforcement practice in the implementation of the rights and freedoms of man and citizen. The authors introduces the concept of space arbitration privileges. They are note that the concept of moral rights represents an important alternative to the dominant in our time, the positivist concept of law.

Key words: law (legal) space, moral space; arbitration privileges space; human rights.

Правовое пространство - один из компонентов социального пространства, в котором с помощью норм права устанавливается и поддерживается стабильность в обществе, правопорядок и законность.

Нравственное или моральное пространство – еще один компонент социального пространства, в котором с помощью норм морали устанавливается и поддерживается стабильность в обществе, ценности жизни и гармония.

В становлении и развитии правового государства, по мнению юристов, ведущее значение имеет укрепление законности и правопорядка, предполагающее безусловное подчинение его субъектов правовому закону: верховенство правового закона во всех сферах жизни общества. Однако, право основано на нравственных нормах и, без них, практически невозможно. Правовое пространство, имея в основе такие критерии как свобода, равенство, справедливость, объективно направлены на устойчивость и стабильность социальных отношений. Однако, в реальности, при отсутствии нравственной основы, правовое пространство многих цивилизованных стран опирается на полностью оторванный от этих критериев «закон». Перечисленные выше и иные гуманистические ориентиры правового пространства предполагают, что человек, общество и государство развивают в себе способность и потребность к уважению права как необходимого регулятора общественной жизни, к уважению своих и чужих прав и свобод. Однако, помимо прав, человек и общество, а также государство нуждаются в уважении обязанностей по отношению друг другу и своих. Кроме того, и прав и обязанности должны быть основаны на нравственных принципах. Еще Ш. Монтескье назвал обязанности высшей добродетелью, присущей демократии. А добродетель он определил как «любовь к законам и отечеству, требующую постоянного предпочтения общего блага личности» [7, с.191]. И здесь мы видим, что правоохранительные и правозащитные организации сейчас злоупотребляют поверхностными «правами» и «свободами», игнорируя нравственные, глубоко человеческие основы взаимоотношений.

По определению И.Н. Барцица: «Правовое пространство представляет сферу регламентации юридическими нормами моделей правомерного поведения государства, его составных частей и граждан в границах территории данного государства и конкретного исторического времени» [2, с.24]. И.Н. Барциц считает, что существует необходимость в использовании универсального понятия при регулировании правовых комплексов - «правовое пространство», а «феномену регулирования правовых массивов в рамках межгосударственных отношений более подходят понятия международного публичного права, если речь идет о взаимоотношениях различных государств между собой, либо права региональных организаций... В то же время, когда речь идет о правовом пространстве конкретного госу-

дарства ... допустимо использование ... термина «правовое пространство Российской Федерации»...». Ю.А. Тихомиров, вводя понятия границ действия разных правовых комплексов и поддерживаемых ими юридических режимов, предлагает применить следующие термины: «а) для правовых семей - «зоны правового влияния»; б) для правовых массивов в рамках межгосударственных отношений - «правовое пространство»; в) для правовых систем в рамках федерации - «государственно-правовая территория».

Рассматривая структуру правового пространства в широком смысле, следует отметить его системный характер [12; 15; 16; 17; 20; 21]. Правовое пространство структурно с точки зрения составляющих его элементов (компонентная структура), как функциональную систему. По словам П.К. Анохина, образования, составляющие функциональные системы, обладают высокой «мобилизуемостью» [1]. Элементы системы правового пространства отличаются высокой подвижностью, изменемостью. Именно изменчивость права приводит к его многообразию и многовариантности, трансформации его роли и места в различных обществах и, соответственно, к различным подходам к пониманию права, его связей с моралью, нравственностью [4; 6; 13; 15]. Однако, можно усмотреть и прямо противоположные источники правовой «мобильности»: дисфункциональные аспекты правовых отношений и коррупция правоохранительной деятельности в России и тотальное уничтожение правового пространства как пространства хотя бы отчасти опирающегося на нравственные ценности, а не только произвол правящих, государственных, структур и бизнеса, чьи интересы эти структуры представляют. Отсутствие в России единого и целостного, внутренне и внешне непротиворечивого правового пространства, обнаруживается уже на уровне анализа законов: многие статьи ГК РФ, УК РФ, УПК и ГПК РФ противоречат Конституции РФ, а также многим международным законам, и, в массе своей, абсолютно противоречат нравственным императивам, сложившимся в истории развития и страданий человечества. Данные императивы были фактически изъяты из законодательства России, что и привело к тотальному развалу не только нравственного пространства ка такового (фактически объявленного ненужным на уровне Конституции РФ, легализовавшей отсутствие национальной идеологии и, значит, нравственных опор жизни, России), но и самого правового пространства, отказавшегося от создания даже минимальной видимости легитимности и обоснованности претензий государства и бизнеса на все усиливающиеся репрессии в отношении граждан России и граждан иных стран.

Исследователи отмечают возможность выделения видов правового пространства по различным основаниям: 1) Региональное правовое пространство имеет свой субъектный состав, обусловленный его местом в системе мирового пространства, эмерджентностью. По данному признаку его можно классифицировать на: 1) мегапространство, субъектами которого

выступают государства, или межгосударственное региональное правовое пространство (например, региональное правовое пространство Африканского союза, Организации исламской конференции, Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества, Содружества Независимых Государств и др.); 2) макропространство, субъектами которого являются крупные регионы в составе государства, имеющие сложную системную структуру (например, федеральные округа в составе Российской Федерации); 3) микропространство, субъектами которого можно считать системные элементарные составляющие государства (например, субъекты Российской Федерации, включающие, в свою очередь, в свой состав муниципальные образования). Два последних вида регионального пространства можно называть разновидностями внутригосударственного регионального правового пространства; 2) по отношению к государству региональные правовые пространства делятся на межгосударственные и внутригосударственные. В зависимости от места регионального правового пространства в соответствующей иерархии его субъектный состав может существенно отличаться [3; 4; 14; 15; 16]. В межгосударственном региональном пространстве принимают участие, прежде всего, государства, объединенные в составе международных региональных организаций. Однако, на деле, такое подразделение не несёт никаких важных функций: деструкция правового и нравственного пространств множества регионов и стран приводит к тому, что исследованию и сравнению подвергаются практически фантомные образования. Как можно увидеть, анализируя различные исследования в области права России, ничего кроме фантомных деклараций, в том числе о связи и опоре права на моральные императивы («*honestum*», «*moralis*»), о морально-нравственной основе права они не содержат: на рубеже веков во многих цивилизованных странах мира правовое («*lex*», «*juris*») пространство превратилось в пространство коррупции и тотального, арбитражного («*arbitrium*») или «лицензированного («*licentia*») бесправия».

Называемое правовым пространством России пространство арбитражных привилегий выступает как свод имеющих силу закона («*ut lex valeat*») установок относительно преимуществ и привилегий насилия и обмана одних групп по отношению к другим («*corpus privilegium*»). В целом же, если не идти по пути научных симулякров, постулируя существование несуществующих в России действующих и поддерживаемых государством и обществом правовых и моральных законов, можно утверждать, что, рассматривая так называемое «правовое пространство», или точнее пространство арбитражных привилегий России как целостный феномен, можно выделить в системе этого три уровня: государственный уровень - единого федеративного государства; региональный уровень - региона (как совокупности субъектов Федерации); федеративный уровень – уровень субъектов Российской Федерации. Относительно данного деления нужно отме-

тить неоднородность и различия этих пространств арбитражных привилегий, связанные с различиями правовых доктрин и т.д. можно отчасти согласиться с тем, что созданная система бесправия в России имеет подуровни и подразделения, однако, как мы отмечали выше, важно осознавать, что к правовому пространству эта система имеет отношение лишь в части своего названия. Более точно его можно было бы назвать именно пространством арбитражных привилегий.

Можно также выделить уровень сообщества профессионалов и используемых ими профессиональных процедур и имитаций этих процедур) и непрофессионалов (обывателей и используемых ими процедур, так или иначе воспроизводящих идеи права, при этом многие обывателей с правом и его процедурами знакомы поверхностно). В отношении этого деления можно отметить что и на сегодняшний день по-прежнему справедливы слова И. Канта, что «юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права» [5, с. 432]. Можно дополнить – этики и моралисты до сих пор ищут дефиницию морали и нравственности. Им это удастся несколько больше, чем юристам, поскольку произвольный характер правовых и «имманентность» нравственных доктрин и принципов более очевидна, поскольку более очевидна противоположность естественных и неестественных аспектов морально-нравственных и правовых отношений: если для пространства арбитражных привилегий отнять у человека семью, личное пространство и жизнь, пищу и иные «естественные права», - не связано ни с какими затруднениями и барьерами, а лишь с сиюминутной выгодой государства и бизнеса, причем само лишение выступает как нормализовавшаяся повседневность работы системного монолита «арбитражных привилегий», то для пространства нравственности / морали – это прямое нарушение «законов любви» и «законов» самой жизни, за которое расплачиваются уже сами – судьи и те, чьи интересы они представляют.

Нельзя не вспомнить Р. фон Иеринга, который охарактеризовал состояние научного познания права следующим образом: «Мы нисколько не преувеличим, если скажем, что у большинства юристов полностью отсутствует подлинное понимание их метода и что наша наука знает все другие науки лучше, чем законы самой себя» [19, s. 310]. В целом, большинство исследователей правового пространства достаточно мягко отмечает, что современная правовая практика – и на уровне профессионалов - по сей день не изжила своих недостатков и ограничений и, как следствие, остается весьма далекой от идеала, активно сопротивляется изменениям, поскольку именно изменения способны подточить фундамент ее всемогущества: власть вершить чужие судьбы, толкуя законы так, как удобно конкретным лицам, ловко манипулирующими различиями правовых и нравственных- пространств [7; 9; 10; 11; 13; 15; 18; 19]. Именно это обстоятельство дает основания констатировать, что «для реально складывающейся

ситуации характерны такие типично феодально-рабовладельческие явления, как отсутствие в стране единого правового пространства, общего правопорядка и единой законности, девальвация и извращение роли закона, бездействие общих правовых принципов и норм, конкуренция источников права, разнობой и противоречие между различными нормативными актами, раздробленность, мозаичность и хаотичность правовой регуляции...», а главное – полное отсутствие нравственной основы права [8, с. 394]. Эта основа была изъята позитивизмом, созданным буржуазией для тех, в отношении кого и было создано в середине XX века пространство арбитражных привилегий, полностью подменившее во многих странах, в том числе в конце XX века в России, их правовые пространства. Попытавшимся упростить и раз и навсегда решить проблемы права таким образом, чтобы это не мешало ни правящей элите, ни ее представителям в сфере закона. Как писал Р. фон Иеринг два века назад, право - результат по сути вне-нравственной борьбы за власть. Право развивалось и продолжает развиваться в ожесточенной борьбе классов и сословий, которые стремятся закрепить в законодательстве свои интересы, создав те или иные арбитражные привилегии: «Все великие приобретения, на которые может указать история права: отмена рабства, крепостного состояния, свобода земельной собственности, промыслов, вероисповедания и пр., — все это пришлось добывать лишь таким путем ожесточеннейшей, часто целые столетия продолжавшейся борьбы, и путь, по которому шло при этом право, нередко отмечен потоками крови...» [18]. Современная борьба за право часто включает лишь борьбу за отстаивание субъективного права индивида, нарушенное другим лицом, однако, на пороге нового века человечество опять вошло в зону существенных трансформаций правового пространства под воздействием трансформаций пространства нравственного:

- «жизнь права есть борьба народов, государственной власти, сословий, индивидов... безостановочная борьба», «цель права — мир, путь к нему — борьба», это борьба открытого произвола и арбитражных привилегий и нравственных норм и законов жизни;

- «право — это юридически защищенный интерес», «право есть система социальных целей, гарантируемых принуждением», то есть - пространство арбитражных привилегий;

- «Чтобы обновиться, праву необходимо отказаться от собственного прошлого». Источники права – обычаи и цели. Субъект борьбы за право в целом - безличный народный дух (Voiksgeist), то есть – духовно-нравственные императивы жизни людей [18; 19].

Однако, позитивистские поиски не увенчались никаким особым успехом, а их ограниченность – нравственная и процессуальная – хорошо видна на продолжающихся попытках внедрения паноптикума не только как тюрьмы для преступников, но и модели «гласности» всего челове-

ства, во введении все более изощренных пыток над тюремным человеком и обществом под видом «условий содержания», в создании препятствий и так еле функционирующим правозащитным организациям, превращение института правозащиты в симулякр и подмены правового пространства пространством арбитражных привилегий. В наиболее развитых странах от такой подмены отказались: «закон любви», честь («*honestum*», «*honestas*») были поставлены выше «права» и частных привилегий. В России же «Ментальные особенности российского общества в оценке системы наказания в большей степени связаны с продвижением карательной парадигмы. Пожелания, связанные с ужесточением наказания в отношении правонарушителей и восприятие этих мер как панацеи, говорит о несформированности готовности в обществе к реализации восстановительного подхода», - отмечают специалисты. Более того, «В сознании большинства россиян преступление воспринимается как повод для мести и наказание – есть кара за совершенное. Сама возможность вступать во взаимодействие с преступником вне системы правосудия и судебного преследования оценивается крайне негативно», при этом любое подозрение. Вопреки декларациям «презумпции невиновности» является поводом изоляции и отчуждения человека от общества, практически гарантией того, что в системе ориентированных на репрессии арбитражных привилегий человек окажется вне зависимости от причастности к ситуации, осужденным и выброшенным из общества « Это во многом связано с отсутствием другого опыта и знания в данной области, а так же со стереотипом делегирования всех полномочий в отношении ведения дела и вынесения решения правоохранительным и судебным органам». Делегирование полномочий анонимным, консюмеристским сообществом, живущим по законам социального каннибализма, системе арбитражных привилегий, превращает множество людей в бессильные жертвы произвола, а саму страну – общество, государство и бизнес, ведет к тотальному и неизбежному коллапсу [16, с.35-36]. По замечанию Л.Н. Карнозовой: «не только (и даже не столько) первичное отклоняющееся поведение, но и реакция общества на такое поведение толкают человека ... в криминальную среду» [4, с. 168]. К.°Сессар отмечает «карательное отношение общества» к своим членам, являющееся основной почвой арбитражных привилегий в XXI веке [14]. Альтернатива – восстановительное правосудие, которое реализует как важнейший принцип– предоставление самим сторонам полномочий на разрешение их конфликта», в России пока не востребована: система арбитражных привилегий выгодна по отмеченным выше причинам и государству, и бизнесу, и обществу [4, с. 168–180]. Вместе с тем, восстановительное правосудие, опирающееся не только на арбитражные привилегии, но и пытающееся вернуться к законам нравственности, любви и уважения человеческого достоинства, выполняет целый ряд важных функций, позволяя перейти от арбитражных привилегий

хотя бы к какой-то системе охраны прав / правосудия: позволяет избежать дальнейшей эскалации конфликта, способствует более быстрому и полному возвращению – реинтеграции - правонарушителя в общество, удовлетворяет потребности потерпевшего от преступления, возвращает былое значение основополагающим общественным - нравственным - ценностям, воспитывая сообщество и бизнес, а также государство и его представителей, прививает членам общества обязательные и общие а не произвольные и «привилегированные» для исполнения нормы, предлагает процедуры правоохранения и судопроизводства в нетрадиционных ситуациях, в том числе в случае нарушения общепринятых правил, при спорных и неясных обстоятельствах дела, при фальсификациях уголовных и иных дел и т.д. [24, с. 34–35]. В этом оно полностью противостоит пространству и системе арбитражных привилегий, основным механизмом работы которого является именно фальсификация законов и правонарушений, уголовных и гражданских дел и процедур т.д.

Как отмечает Г. Радбрух, «закон резко выделяет комплекс признаков преступного действия, а судебный процесс направляет узкий луч света своего прожектора на отдельный поступок, заслуживающий наказания, - однако можно сказать, и это не прозвучит парадоксально, что нет отдельных поступков, есть только человек как единое целое, или, говоря шире: только изменчивая целостность его жизни. Пока мы будем наказывать правонарушителей, а не заниматься людьми, до тех пор справедливого карательного права не будет» [17, с.35].

М. Платек отмечает, что «у нас путают ответственность и реституцию с наказанием. Практически для любого периода мы можем привести примеры неоднородных стандартов, применяемых к данному лицу в зависимости не от его поступков, а от принадлежности к тому или иному классу (в прошлом) либо к той или иной социальной группе (сейчас)» [9, с.1]. Она подчеркивает несимметричность правового пространства как пространства арбитражных привилегий: «Осуждать и сажать - предназначение «других», избранных. Эти «другие» не входят в категории людей, не имеющих привилегий, не слишком состоятельных, не обладающих влиянием. Последних мы приговариваем к лишению свободы, полагая, что это удовлетворит потерпевших, станет для них утешением, суррогатом возмещения ущерба» [9, с. 1]. Аналогично, Н.°Кристи отмечает, что «Вот только дела - если приняты во внимание все нюансы - никогда не бывают одинаковыми. ...в официальном правосудии не все может быть принято во внимание. Неизбежно из рассмотрения исключается большая часть связанных с конкретным случаем фактов с целью вычленив, сформировать казус, который можно будет посчитать подобным или идентичным уже существующим. ... Но несущественность устанавливается догматически ...Такой вид правосудия достигается путем установления границ того, что может

быть принято во внимание, ибо в противном случае равенство недостижимо» [8, с.83-84]. Восстановительное правосудие не столько осуждает произвол и власть, «*jus puniendi*» государства, не призывает вернуть право мести, но дает шанс осуществляемому государством привилегированному арбитражу как насилию, стать хотя бы отчасти справедливым правосудием, дает возможность сделать шаг в направлении равновесия и гармонии, обращает внимание на интересы потерпевших и обвиняемых /осужденных.

Как показала доктрина «*Nothing works*» - «Ничто не эффективно», в системе арбитражного произвола (привилегий) наказание не достигает цели и не перевоспитывает: наказание как средство, удовлетворяющее потерпевших, не продуктивно и не эффективно ни для кого. Однако, это не существенно повлияло на изменение отношений государства к нарушителям, в карательный процесс не был введен принцип реституции, хотя, в США и ряде других стран, были частично ликвидированы как несправедливые неограниченные наказания, обосновываемые процессом ресоциализации. Вместо ресоциализации была обоснована и внедрена доктрина справедливого возмездия - *just desert*, расплаты: «столько, сколько тебе причитается». Эта доктрина в одних странах со временем привела к облегчению систем наказаний и ее сокращению, а в других, в том числе США, к ужесточению и увеличению пенитенциарных учреждений. Таким образом, переход от ресоциализации к ретрибуции состоялся не везде: часть сообществ сохранили идеал арбитражных привилегий, который и вернул системы правосудия и юстиции «на круги своя». Ацефаличные, то есть свободные от государственности, клановые сообщества, независимо от того, оседлый или бродячий образ жизни они ведут, обычно предпочитают мирные способы разрешения споров, они реализуют экономическую и политическую социальную кооперацию, тяготея к эгалитарности, а, в отношении к нарушениям, к компенсации, а не ретрибуции и ресоциализации. Р. Михайловский выделяет в числе способов разрешения конфликтов кровную - прямую - месть, прямую расплату, замещающее - ритуальное возмездие, замещающую расплату - реституцию. В современных гражданских и уголовных кодексах кровная месть, прямая расплата и ритуальное возмездие постепенно слились в так или иначе понимаемое возмездие, но реституция отделилась. Вместе с тем, она очень важна, поскольку направлена на возмещение ущерба, упорядочивание взаимоотношений, создание условий, которые не разбивали общество и группы и способствовали их выживанию и дальнейшему развитию [23; 25].

В ситуации же арбитражного произвола, как отмечает Н.Кристи, дело совсем в ином: «Недавние исследования, посвященные концентрационным лагерям и ГУЛАГу, привели нас к новым важным идеям. Проблема не в том, как это могло случиться. Проблема скорее в том, почему это не случилось чаще, а также когда, где и как это произойдет в следующий раз».

«По моим довольно мрачным предположениям, весьма значительная часть мужского населения низших классов может провести большую часть жизни в тюрьмах или лагерях. Я не утверждаю, что это неминуемо, но вероятность этого достаточно велика. У нынешней цивилизации нет гарантий против такого поворота событий. Напротив, мы видим энергичные начинания по изменению правового аппарата, по разработке идеологии «правосудия по заслугам», по увеличению эффективности контроля, по увеличению количества заключенных» [22].

Г.В. Мальцев отмечает в этой связи, что юридическая мысль «судя по всему, обречена на бесконечный поиск определения права, побуждаемая к этому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности...» [6, с.30]. В мире постмодерна и постпостмодерна для формирования и дальнейшего развития правового пространства исходное и определяющее значение имеет лежащий в основе этого процесса тот или иной тип правопонимания. Различные типы правопонимания, или способы осмысления права — методологические парадигмы, обладающие целостностью мировоззренческого, нравственно-смыслового содержания права и его обоснования. Кроме того, они являются обобщенным выражением системы познавательных средств, позволяющих исследовать многогранную правовую реальность в ее многообразных связях с иными сферами общественной жизни и тем самым выяснить качественное состояние регионального правового пространства с точки зрения его социальной направленности.

К сожалению, сейчас борьба за право часто борьба одиночек, государство за право не борется, используя закон лишь там, где его использовать выгодно. На переломе эпох отрицательное отношение к обычаю приводит к возвышению роли законодателя как сознательного творца права как «разумной политики власти» и отчуждению правомочного от возможности защитить свои права: «разумный» законодатель снимает с себя обязательства, переводя их в «услуги», торгуя законом [19]. Обязанность человека защищаться связана и с тем, что каждый отвечает перед обществом: «Каждый призван и обязан подавлять гидру произвола и беззакония, где только она не осмеливается поднимать свою голову; каждый, пользующийся благодеяниями права, должен в свой черед также поддерживать по мере сил могущество и авторитет закона ...». Борьба за право есть обязанность «правомочного» перед самим собой: «Защита собственного существования есть высший закон всего одушевленного мира», имеющий не только физический, но и нравственный смысл. Примирение сторон в качестве средства разрешения правовых конфликтов возможно лишь при условии, что не будет ущемления личности [18; 19]. Однако, государству до личности, дела нет. И в этом качестве борьба будет длиться и несомненно

выльется в еще не одно восстание: пока общество и государство не станут партнерами, пока право и нравственность не станут опираться друг на друга, пока «лечить» преступников будут новыми преступлениями и узаконенными пытками «условий содержания».

В современном мире на смену позитивизму приходит концепция права, основанная на специфических нравственных, моральных требованиях к праву как таковому. К числу этих требований относятся такие, как непротиворечивость, общий характер норм, ясные и понятные нормы, напрямую опирающиеся на нравственный закон, общеизвестность, отсутствие норм, имеющих обратную силу, отсутствие неисполнимых требований, стабильность, соответствие административных и судебных действий законам. Эти требования отвечают природе права и позволяют выстроить пространство права, не конфликтующее с пространством нравственности. Эти требования являются внешними по отношению к правоустанавливающим институтам, в позитивистской модели узурпировавшими власть и контроль над своей деятельностью. Концепция нравственного или морального права представляет собой разработанную альтернативу доминирующей в наше время позитивистской концепции права. Как отмечалось, без нравственной опоры право лишено смысла и вырождается в произвол. И, хотя, современная наука исходит из существования единой основы нравственности и права, - им называется постулат или догмат о справедливости, можно утверждать, что с самого начала право имело и собственные источники, со справедливостью никак не связанные. Так, многие постулаты права изначально внутренне отрицают вытекающий из догмата справедливости императив И. Канта, согласно которому свободное волеизъявление одного лица не должно противоречить свободе других. Само по себе право есть фиксация определённого, произвольного отношения: иначе в нем не было бы нужды и «право» называлось бы «нравственностью». Напротив, вопреки идеализациям современных ученых и представлениям многих классиков, право связано не с нравственностью, а с утверждением того, что нравственность не регулировала (как минимум) или отрицала (чаще всего). Это особенно заметно в кризисные, переходные моменты и эпохи: тогда проблема нравственности и права встает очень отчётливо и в жизни общества и в жизни государства: есть возможность пересмотра произвольно установленных правил. Мораль и нравственность здесь играют лишь роль более или менее важных регуляторов или компонентов, но не отражают суть права. В. Соловьев, видимо говоря об идеале, а также фиксируя расхожие представления начала XX века о праве, отмечал, что «право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества. Задача светского закона - не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад» [10, т. 1, с. 454.]. Можно отметить, что данное мнение,

при всей его очевидности, совсем не бесспорно: то, что государство транслирует обществу и то, что есть «на самом деле», различно: правовая регуляция удобнее и выгоднее, поскольку это регуляция произвола и подчинения - в своем итоге – определенному лицу, нравственная регуляция – обращена к нравственным основам жизни и лишена персональной обращенности, привычной человеческому сознанию, она требует воспитания и выраживания, а не контроля и подавления. Другой вопрос, что существует проблема легитимности права: вот тут и используется «обманка нравственности». До тех пор, пока человек не столкнулся с «правом» в его конкретной форме, он этой «обманке» - верит. Право же обществом во многом рассматривается как воля правящего класса и прикрытие произвола власти [15]. Представляется, что понимание обществом права несколько точнее, чем государством и наукой: тот, кто непосредственно испытывает на себе применение и нравственного, и правового законом в больше мере способен понять суть происходящего. В основе морального права, как системы юридических норм, лежат именно нравственные законы, однако, в других случаях, отделяющих зону пересечения правового и морального пространств, существует масса искусственных норм, вторым полюсом которых является закон тюрьмы, закон преступников правового закона: его образуют абсолютно искусственные нормы, которые закреплены государственным законодательством или «законодательством» преступного сообщества, но имеют иную природу – это насилие и произвол, закон сильного. С эти связаны многие трагические события в России, например, репрессии и террор, осуществленный государством в отношении реально или потенциально «несогласных» с законом в XX веке, «умолчания» и реформы юстиции и иных структур государственного контроля (здравоохранение, образование, СМИ) на фоне нравственного разложения в веке XXI и т.д. Таким образом правовое пространство современности это пространство арбитражных привилегий (arbitration privileges space), которое включает нормы, в основе которых практические отсутствуют или сведены к минимуму нравственные принципы, господствует «произвол сильного», а нравственное пространство включает нормы «естественного права», общечеловеческие и культурно-специфические, «гибридные» с нормами права.

Источники:

1. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций — М., «Наука», 1973. С. 5—61.
2. Барциц И. Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М. : МГУ, 2000. - 496 с.
3. Гроенхейзен М. Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в некоторых европейских странах//Восстановительное правосудие/Под ред. И. Л. Петрухина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 16-19.

4. Карнозова Л. На пути к новой парадигме уголовной юстиции (краткий очерк о восстановительном правосудии) // Досье на цензуру: Евроремонт Гулага. М., 2003, № 18 (23). С. 168–180 .
5. Кант И. Критика чистого разума. - М.: Мысль, 1994. - 591 с.
6. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. - М.: Прометей, 1999. — 419 с.
7. Монтескье Ш. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1955.- 803 с.
8. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. - СПб.: Алетейя, 2006. - 182 с., - Варшава: Польское объединение правового образования, 2004. С. 83-84.
9. Платек М. Восстановительное правосудие - теория, порожденная практикой // Неволя. – 2005. - №4. Режим доступа: http://index.org.ru/nevol/2005-4/pltk_n4.htm (дата обращения 01.12.2016)
10. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч. в 2-х тт. – М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 454.
11. Суханов В.В. Правовое пространство и его формы: Дис. ... канд. юрид. Наук. М.: Московский университет МВД России, 2005 176 с.
12. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. - 278 с.
13. Фуллер Лон Л. Мораль права. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 306 с.
14. Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф//Правоведение. 1998. № 4. С. 162-171.
15. Шитов А.Н. Моральные основания права. Автореф. дис. .канд. юрид. наук. М., 1996. - 20 с.
16. Чередова Е. А. Восстановительное правосудие: перспективы развития в России // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. - 2010. - № 12. – С. 34-37.
17. Хольцхайдер Х. Месть или наказание //Форум, 2004. №31/2004. С. 35 .
18. Ihering von R.R. Der Kampf ums Recht, Wien: Vortrag, 1872.
19. Ihering von R.R. Yeiat des tomischen Rechts. Berlin, 1881. Bd. 11. S. 310.
20. Orucu E. Law as transposition / E. Orucu // Intern, a. comparative law quart. - L, 2002.-Vol. 51, N2,- P. 205-223.
21. Petrella R. Nationalist and regionalist movements in Western Europe / R. Petrella // Ethnic Minorities in Western Europe / ed. by Ch. R. Foster. New York: Praeger, 1980.-P. 26-28.
22. Christie N.Crime Control as Industry: Towards GULAGs, Western Style? London and New York: Routledge, 2000. – 210p.
23. Michalowski R.J.. Order, law and crime. New York: Random House, 1985.
24. Nader L., Combs-Schilling E.. Restitution in cross-cultural perspectives // J.Hudson, B.Galaway (eds.) Restitution in Criminal Justice. Lexington MA: Lexington Books, 1977. P. 34-35.
25. Weitekamp E. G.M.. The history of restorative justice // A restorative justice reader. Texts, sources, context. Ed. By Gerry Johnstone. Willan Publishing. Plymouth, 2004. P. 111-125.

Жинкин А.А.

*Доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

Zhinkin A.A.

*Associate professor of criminal law and criminology
Kuban State University,
Candidate of Law Sciences, associate professor*

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ПРАВА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LEGAL DOCTRINE AS THE SOURCE OF RUSSIAN LAW: REALITY AND PROSPECTS

Аннотация. В статье рассматривается понятие правовой доктрины, ее роль в правоприменении и возможность признания вспомогательным источником российского права.

Ключевые слова: право, правовая доктрина, источники права

Annotation. In the article the concept of the law doctrine, her role of law enforcement and a possibility of recognition is considered by an auxiliary source of Russian law

Key words: law, law doctrine, source of law

Правовая доктрина в литературе понимается как мнения самых известных и признанных в своей научной специализации ученых-юристов по тем или иным правовым вопросам, высказанные ими в своих работах (статьях, монографиях), используемые при разрешении определенных практических вопросов.

В Древнем Риме всякое дело (решение) могло истолковываться видными учеными-юристами. В Риме даже действовал закон об обязательности учета судьями и иными правоприменителями в неясных и спорных случаях положений работ наиболее видных ученых-юристов – Папиниана, Гая, Павла, Ульпиана и Модестина («О цитировании», 426 г.).

В современном мире подобной «чистой» формы уже не существует. Однако ГК Швейцарии в случае пробела в праве отсылает к мнениям наиболее известных специалистов в области гражданского права, а в мусульманском праве правовая доктрина и поныне играет важнейшую роль.

Отечественная правовая традиция не признает доктрину в качестве самостоятельного источника права. Но, тем не менее, специалисты-практики повсеместно используют (для уточнения или совета), в частности авторские комментарии к тем или иным кодексам и другим нормативно-правовым актам. Такое чрезвычайно распространенное обыкновение позволяет с полным правом рассматривать юридическую доктрину как неофициальный источник права.

Российское законодательство в качестве официальных (формально-юридических) источников признает международный договор, закон, правовой обычай. В различных отраслях права допускается применение аналогии закона и аналогии права, Арбитражный процессуальный кодекс РФ допускает применением судами норм иностранного права. В последние десятилетия в трудах ряда известных отечественных ученых (Венгеров А.Б., Явич Л.С., Черданцев А.Ф., Ковалев М.И. Демидов В.В., Наумов А.В., Коняхин В.П., Рарог А.И., Ображиев К.В. и др.) получил отражение широкий подход к определению числа источников права. Согласно этому подходу круг источников права дополняется судебными решениями (прецедентами), результатами обобщения судебной практики, проводимыми Верховным Судом РФ (постановления Пленума Верховного Суда РФ), а также постановлениями Конституционного Суда РФ (акты «негативного» правотворчества).

Правовая доктрина предусмотрена в качестве источника международного публичного права (ст. 38 Устава Международного суда ООН); она используется при установлении содержания норм иностранного права (ст. 1191 Гражданского кодекса РФ, ст. 116 Семейного кодекса РФ, ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ). Кроме того, специализированный арбитражный суд в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения ученых, специалистов и прочих лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого специализированным арбитражным судом спора, может также направлять запросы (п. 1.1 ст. 16 АПК РФ). В уголовном процессе (ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса РФ) и административном процессе (ст. 50 Кодекса административного судопроизводства РФ), допустимо использование познаний специалиста.

Вполне очевидно, что доктрина находит активное применение в правоприменительной практике. Поэтому с нашей точки зрения, признание ее вспомогательным источником права в ряде отраслей Российского права является уже состоявшимся фактом. Речь идет в первую очередь об отраслях частного права. Тем не менее, в публично-правовой сфере доктрина, хотя и не являясь формальным источником, давно уже приобрела статус вспомогательного источника. Однако далеко не любое учение о праве приобретает характер источника права. Для того чтобы стать

источником права, правовая доктрина должна быть признана обязательной для правоприменительных органов официально в нормативно-правовых актах либо неофициально юридической практикой.

Можно сказать, что правовая доктрина «пронизывает» всю правовую материю, закладывая в фундамент права основополагающие идеи, которыми руководствуется как законодатель, так и правоприменитель. В этой связи правовая доктрина в целом гораздо ценнее, чем труды отдельных правоведов. Н.М. Коркунов писал: «Понимая источники права в таком смысле (в смысле факторов правообразования), можно согласиться с Адикесом, что общий источник права есть субъективный разум, или, как мы бы сказали, субъективное сознание. Все другие факторы влияют на правообразование только через посредство нашего сознания. Божественные веления, природа вещей, требования разума, соображения целесообразности, внушения нравственного долга – все это может вызвать образование соответствующих правовых норм лишь тогда, когда будет воспринято человеческим сознанием. Вместе с тем, общее сознание есть лишь суммирование субъективного сознания отдельных личностей. Поэтому субъективное сознание действительно является как бы фокусом, в котором сосредотачивается действие всех факторов правообразования. Но источником права в техническом смысле оно не может быть признано, потому что субъективное сознание какой-либо нормы не есть признак ее общеобязательности, не есть форма ее объективирования».

Правовая доктрина выполняет важнейшие функции, присущие праву в целом: воспитательную, ценностно-ориентировочную и трансляционную.

Подводя итог отметим, что правовая доктрина играет и должна играть в будущем роль как вспомогательного источника права (в правоприменительном аспекте), так и мировоззренческой, идеальной основы правовой системы России в целом.

Кич И.С.
*кандидат юрид. наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета*

Kich I.S.
*Ph.D., Associate Professor,
assistant professor of theory and history of state and law
Kuban State University*

НАУЧНАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

THE SCIENTIFIC VALIDITY OF LAW-MAKING DECISIONS AS THE QUALITY FACTOR OF THE RUSSIAN LEGISLATION

Аннотация. В статье рассматривается один из принципов правотворчества – принцип научной обоснованности правотворческих решений, подчеркивается его значимость при создании проектов актов.

Ключевые слова: правотворчество, качество, эффективность, научная обоснованность.

Annotation. The article discusses one of the principles of law-making – the principle of the scientific validity of legislative decisions, emphasizes its importance in the creation of draft acts.

Key words: creation, quality, efficiency, scientific validity.

Научную обоснованность правотворческих решений принято считать одним из важных принципов правотворчества, то есть таких руководящих идей, базисных начал, на которых основывается вся правотворческая деятельность. Как правило, это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что качество принимаемых нормативных предписаний, их реализуемость, социальная эффективность зависят от тщательной проработки проектов актов, включение в их содержание научных достижений. Во-вторых, реализация первого обстоятельства невозможна без привлечения к разработке правотворческих решений специалистов определенной отрасли знаний (в этом частично проявляется и другой принцип правотворчества – профессионализм), а также ученых-юристов, обладающих профессиональным и доктринальным правосознанием.

Безусловно, «рождение» нормативного правового акта, в том числе, связывают с объективной необходимостью – еще одним принципом правотворчества. Ведь создание общеобязательного предписания связывается с назревшими в обществе потребностями, с динамикой обще-

ственных отношений, требующих закрепление со стороны государства. Так как отношения, не формализованные не могут являться правовыми, на основе которых будут возникать, изменяться или прекращаться правовые отношения, требуется государственная воля и облечение в правовую оболочку.

В целом, идея создания нормативных правовых актов, исходя из широкого понимания правотворчества, складывается под воздействием объективных и субъективных факторов. Несмотря на то, что объективные факторы (экономический, политический, экологический, демографический и т.д.) должны превалировать, немаловажна роль и субъективных, например, определенных уровень правового сознания, правовой культуры, правового менталитета субъекта правотворческого решения.

Еще в конце XX века ученые обращали внимание, что принятие правотворческого решения и его реализация требуют постоянного углубления знаний о закономерностях развития общества, о возможностях и путях прогнозирования такого развития, о связях и взаимодействии права с реальными процессами общественной жизни и с другими системами нормативного регулирования. Познание этих закономерностей, связей и взаимодействия требуют широкого сотрудничества правовой науки с рядом общественных и естественных наук. При этом именно правовая наука может на основе объективного анализа определить меру использования данных других наук для решения проблем правового регулирования, формы такого использования, степень обеспечения оптимального современного уровня используемых данных.

Однако, к сожалению, в настоящий момент у нас нет эффективно-результативного взаимодействия правотворческих органов и представителей научного корпуса. Не создав такого механизма, невозможно говорить о научной обоснованности российского законодательства. Необходимо оговориться, подчеркивая двустороннюю связь, так, как правовая наука должна откликаться на «запросы создателей» правовых решений, разрабатывать конструктивные, обоснованные научные рекомендации. В свою очередь, правотворческие органы должны учитывать данные рекомендации в принятии правотворческих решений.

Следует уточнить, что формы взаимодействия субъектов правотворческих решений могут быть различными. К примеру, подготовка учеными определенных материалов, затрагивающих тематику проектов актов, научное обоснование объективной необходимости принятия актов, прогнозирование их действия, реализацию и т.д.

Формы взаимодействия могут быть и иными: проведение методических семинаров, мастер-классов для субъектов правотворческих решений. Ведь не каждый юрист-профессионал, даже имеющих степень кандидата или доктора юридических наук предрасположен к правотворче-

ской работе, к структурному юридическому моделированию и наполнению содержания нормативных предписаний предоставительно-обязывающими нормами. Не каждый юрист, обладающий определенным уровнем правосознания, может облекать те или иные правотворческие идеи в соответствующую правовую форму.

Реализации принципа научной обоснованности служит и научная экспертиза нормативных правовых актов и, в первую очередь, законопроектов, как актов, содержащих первичные нормы.

Научная экспертиза включает в себя правовую экспертизу, направленную прежде всего на формальную сторону проекта (выяснение непротиворечивости актов актам более высокой юридической силы, определение его места в системе действующего законодательства, контроль за соблюдением требований законодательной техники), и специализированную, состоящую из профессиональной оценки его содержания.

Конечной целью научной экспертизы является обеспечение объективной, научной обоснованности, законности проектов актов, выявление возможных негативных социальных, экономических и других последствий после его принятия, следовательно, определение эффективности будущего акта.

Таким образом, научная обоснованность нормативных правовых актов предполагает:

1. Проведение правотворческим органом научных исследований той сферы общественных отношений, которую предполагается урегулировать соответствующим актом.

2. Учет факторов (экономических, политических, социальных, культурных, территориальных и иных), формирующих правотворческое решение.

3. Подготовка нормативного правового акта с учетом данных естественных и общественных наук.

4. Привлечение научных учреждений, отдельных ученых, специалистов различных отраслей знаний к подготовке концепции и текста проекта нормативного правового акта, а также к его научной оценке.

5. Создание консультативных советов в помощь правотворческим органам в подготовке нормативных правовых актов.

6. Использование требований законодательной техники при разработке и принятии нормативных правовых актов, а также обязательность прогноза последствий принятия того или иного акта.

Тараканова Л.А.
Преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Кубанского социально-экономического института
Коротков В.С.
студент Кубанского социально-экономического института
Tarakanova L.A.
Lecturer in Civil Law and Procedure
Kuban Social and Economic Institute
Korotkov V.S.
the law student
Kuban Social and Economic Institute

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

THE PROBLEMS OF STRENGTHENING THE RULE OF LAW

Аннотация. в статье рассмотрены проблемы законности и правопорядка, и способы их решения в современном обществе.

Ключевые слова: исполнительная система РФ, законность, правопорядок, суды, демократия, правопорядок.

Annotation. The article deals with the problems of law and order, and solutions in modern society.

Key words: executive RF system, rule of law, the rule of law, the courts, democracy, the rule of law.

Обеспечить законность невозможно стихийно. Законность требует управленческого процесса системного характера и прицельного влияния на поведение субъектов общественных отношений. Чтобы успешно управлять этим процессом, необходимо иметь знания механизмов реализации правовых норм в деятельности людей, факторов, влияющих на поведение, средств, способствующих управлению этим поведением.

Литература по юриспруденции говорит об обеспеченности законности как о результате воздействия общих и специальных гарантий. Общие представляют собой экономические, политические и идеологические. А специальные – нормативные и организационно-правовые. Однако многие обстоятельства здесь не учтены. Например, негативные воздействия, встречающиеся в рамках теории гарантии. В любой деятельности, даже в деятельности защитников правопорядка, имеются свои недостатки и нарушения.

Проблема обеспечения законности требует комплексного подхода еще потому, что помимо правовых аспектов, нужно учитывать и материальные, и политические, и психологические факторы, влияющие

на поведение людей. И здесь влияние также может быть как положительным, так и отрицательным. Поддерживать как дисциплину в социуме, так и толкать на преступления. Например, ошибки в политическом руководстве региона или страны, государственных органах, недостатки в экономической ситуации часто являются главными факторами противоположного влияния и определяют главные причины правонарушений. Под влиянием всех этих и иных условий определяется и формируется личность, обладающая определенным правовым, нравственным и политическим сознанием. Воспринимая ту или иную ситуацию, лицо избирает определенный вариант поведения. Намереваясь совершить преступление, человек оценивает последующие последствия, вероятность доказательства его вины, быстрота реагирования правоохранительных органов и пр. В конечном счёте, законность складывается из соотношения законного и незаконного поведения субъектов в совокупности. Смысл обеспечения законности состоит в том, чтобы добиться исполнения норм права каждым из субъектов.

Наиболее существенно влияют на состояние законности факторы, относящиеся к личности, факторы личной среды, качество законодательства, качество работы правоохранительных органов. В личностном факторе важно не само знание права вообще, а знание повседневных принципов и норм. Но отношение к различным нормам чаще не одинаковое. Идеальный вид отношения – принятие норм как своих и внутреннее согласие с ними. В факторы внешней среды нужно относить экономику страны или отдельного региона. Поскольку, именно экономические условия влияют на то, как формируется отдельный человек и какими качествами он обладает. От экономики зависит и уровень законодательства, и состояние государственных органов, и политическая обстановка, и остальные элементы, определяющие состояние законности.

В решении этой проблемы заметную роль играет работа государственных и правоохранительных органов: прокуратуры, внутренних дел, суда и многие другие. Их роль незаменима, потому что их деятельность направлена на предупреждение и пресечение правонарушений, привлечение виновных к ответственности.

Качество законодательства также необходимо считать основополагающим. Необходимы четкость, систематизированность и доступность всех нормативных актов. А поскольку сознание отдельного человека формируется под влиянием общественного сознания, существует необходимость повышения уровней нравственной, правовой, политической и общей культуры всего населения.

Самыми распространенными идеями являются: реформирование и развития уголовно-исполнительной системы РФ; изменение ее структуры; создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы; расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы. Совершение преступлений сотрудниками, находящимися на государственной службе, представляет серьезную угрозу для авторитета государственности и безопасности целой страны.

Законность является важнейшим условием прогрессивного развития общества. Это особенно проявляется сейчас, во время процесса демократизации, создания товарно-рыночных отношений и обеспечения прав и свобод личности.

Понятия «правопорядок» и «законность» тесно взаимосвязаны. Но всё же между ними можно проследить различия.

Закон жив тогда, когда он воздействует на общественные отношения и поведения. Эта сторона права и подразумевается под «законностью». Независимо от эпохи, места и условий, основа законности – строгое, неуклонное соблюдение и исполнение норм права. Однако нельзя сказать, что это величина постоянная. Так как, правотворческий процесс, происходящий во всех странах практически непрерывно, подразумевает изменение, отмену старых или установление новых норм права. Эта величина меняется вместе с корректировкой законодательства. Законность дает основание для возникновения и существования в обществе демократии, разделении властей, избирательного права, правотворческой практики.

Правопорядком называют реальное обеспечение и реализацию субъективных прав. Законность предоставляет общеобязательность права, а правопорядок – результат общеобязательности. Правопорядок – уже реализованная система права, сложившаяся в результате осуществления принципов законности и выражающаяся в правомерном поведении их участников. В идеале – субъекты права совершают обязательные или не запрещенные законом действия, либо, воздерживаются от действий, являющимися не дозволенными. Укрепление законности влечет за собой укрепление правопорядка. Аналогично, как и при нарушении законности происходит нарушение правопорядка.

Эти два термина имеют прямую связь с дисциплиной. А это еще более широкое понятие, нежели законность. Так как, дисциплина – это не только соблюдение правовых предписаний, но и социальных норм (морали, этикета и пр.) для установления общественного порядка. Существуют также, договорная, государственная, трудовая, технологическая, воинская, служебная и иные дисциплины.

Причинами низкого уровня законности могут являться: отсутствие развития социальных институтов, не соответствие их требованиям времени; извращение социальных ценностей.

На пути преодоления проблемы укрепления законности и правопорядка должны произойти следующие изменения:

1. Правовые предписания должны безоговорочно соблюдаться государством и уполномоченными на то органами.
2. Все субъекты общественных отношений должны строго соблюдать все правовые предписания.
3. Правотворчество должно идти в ногу со временем, иметь актуальные предпосылки.

Таким образом, проблема укрепления законности и правопорядка в РФ носит комплексный характер. Она связана со многими явлениями социальной жизни и имеет перспективу успешно разрешиться только в контексте общего укрепления благоприятной обстановки в стране.

Источники:

1. Козлова, Н. Спецсигнал / Н. Козлова // Рос. газ. 2012. № 121.
2. Малько, А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб.-метод. пособие / А. В. Малько. М., 1997. 300 с.
3. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юристъ, 2000.
4. Хропанюк Н.Н. Теория государства и права. М.: Норма, 2002.

Чибизов В.В.

*Соискатель кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет*

Chibizov V.V.

*Competitor of the Department of Theory and History of State and Law,
Kuban State University*

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ

CONCEPT, TYPES AND WAYS OF OVERCOMING OF LEGAL COLLISIONS

Аннотация. Статья посвящена проблеме юридических коллизий, их определению, классификации, механизмам преодоления и устранения. Автором анализируются существующие механизмы, способы и средства противодействия коллизиям, выявляются связи между их отдельными видами и характеристиками. Делается вывод о том, что важнейшими характеристиками их является: наличие законной процедуры рассмотрения коллизий; наличие органа, уполномоченного разрешать коллизии, а также специальных механизмов их преодоления; коллизия выражена в противоречии, несогласованности источников права и т.д.

Ключевые слова: юридические коллизии, преодоление правовых коллизий, правовые противоречия, юридические конфликты, законотворчество.

Annotation. The article is devoted to the problem of legal conflicts, their definition, classification, mechanisms of overcoming and elimination. The author analyzes the existing mechanisms, ways and means of combating conflicts, identifies the relationship between their individual views and characteristics. It is concluded that the most important characteristics are: availability of legal procedures for handling conflicts; the presence of the body authorized to resolve conflicts, as well as special mechanisms to overcome them; the conflict is expressed in the contradiction, the inconsistency of the sources of law, etc.

Key words: legal conflict, the overcoming of legal conflicts, legal problems, legal conflicts, legislation.

Право как система нормативных регуляторов общественных отношений еще в первобытных обществах всегда стремилось к совершенствованию юридических формул, описывающих правила человеческого поведения. Постепенное развитие от простых монопольных до сложнейших современных правовых систем обуславливалось усложнением обще-

ственных отношений и возрастающими требованиями к качеству юридической техники. Однако процесс расширения системы законодательства сопровождался не только качественными изменениями, но и негативными явлениями.

Проблема значительного законодательного массива, сложная система вертикальных и горизонтальных связей в системе права, разрешаемая с помощью кодификации законодательства, разделения его на отдельные отрасли, правовые институты, установления юридической иерархии, сопровождалась двумя юридическими феноменами, требующими специального правового инструментария для их разрешения.

Первым серьезным вызовом на пути совершенствования системы права стала законодательная инерционность и, как следствие, отставание правового регулирования от развития общественных отношений, что породило понятие «правовых пробелов». Другой серьезной проблемой в эволюции права стал феномен «юридической коллизии», вызванной такими причинами как несовершенство юридической техники, законодательных процедур, несогласованностью социальных интересов, отрывом законотворчества от традиции национального правопонимания, инертностью законодательства и т.п. При этом зачастую проблема правовых пробелов обуславливала и возникновение юридических коллизий в системе права. Направления научных усилий в ключе изучения причин, условий и способов предотвращения, устранения и разрешения юридических противоречий привело к появлению научного направления, получившего название «коллизионное право», концепция которого до сегодняшнего дня остается также противоречивой, как и сам предмет ее исследования.

В этой связи видится необходимым, прежде всего, разобраться в том, что понимается под терминами, характеризующими противоречия, возникающие в ходе толкования и применения права. В энциклопедии В.А. Брокгауза и И.А. Ефрона коллизии (столкновение) юридических норм (законов или статутов) возникают, когда судья рассматривает дела с иноземным правом: «лиц, не имеющих местожительства в пределах действия местного права; имущества, находящегося вне этих пределов; актов или сделок, составленных и заключенных в другом округе под действием иных, чем местные, законов» [27]. В других словарях коллизия определяется либо как «расхождение, противоречия, несоответствие между собой законов, норм, постановлений или содержащихся в них положений» [21], либо как расхождение или противоречие между нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же или смежные правоотношения, а также между компетенцией органов власти. В целом в современной юридической литературе под юридической коллизией понимается «противоречие друг другу, столкновение двух и более фор-

мально действующих нормативных акта, изданных по одному и тому же вопросу» [4].

В общей теории права и отдельных отраслях права опубликовано множество работ, посвященных проблемам юридических коллизий. Одни авторы предлагают определять коллизию не только как противоречие, но и, в некоторых случаях, как несогласованность правовых норм [6], другие невозможным объединять в понятии «юридическая коллизия» категории несогласованности и противоречия норм права [1].

Интересен тот факт, что некоторые исследователи выходят за рамки логического понимания коллизий, ассоциируя данное понятие с иными юридическими явлениями. К примеру, З.Ф. Коврига и К.К. Панько считают, что правовые фикции являются разновидностью юридических коллизий [10]. С этим утверждением следует не согласиться, поскольку общеизвестно, что юридическая фикция – это особый законодательный прием, направленный на обеспечение правового регулирования общественных отношений, в то время как юридическая коллизия является результатом противоречий, устранять которые «призвано» право.

Если обобщить различные характеристики и свойства правовых коллизий, то можно сделать вывод о том, что они отличаются следующим: наличие законной процедуры рассмотрения коллизий; наличие органа, уполномоченного разрешать коллизии, а также специальных механизмов их преодоления; коллизия выражена в противоречии, несогласованности источников права; коллизия влечет нарушения юридического порядка разрешения правового конфликта, вызванного противоречием или несогласованностью источников права; коллизия возникает только при наличии общего объекта правового регулирования противоречивых (несогласованных) источников права; коллизия вызывает юридический конфликт субъектов правоотношения; коллизия обусловлена дефектом законодательной техники и техники толкования правовых норм.

В юридической теории одной из наиболее сложных методологических проблем является вопрос классификации коллизий, так как существует множество критериев выделения видов правовых коллизий. В связи с таким разнообразием теория права использует множество дефиниций и классификаций, определяющих содержание и разновидности юридических коллизий [17]. Классификация видов коллизий проводится по различным основаниям. Например, с позиций системы права и законодательства можно выделить межправовые, межотраслевые и внутриотраслевые коллизии. По формам коллизии можно подразделить на шесть родовых групп: 1) коллизии между нормативными актами или отдельными правовыми нормами; 2) коллизии в правотворчестве (бессистемность, дублирование, издание взаимоисключающих актов); 3) кол-

лизии в правоприменении (разнобой в практике реализации одних и тех же предписаний, несогласованность управленческих действий); 4) коллизии полномочий и статусов государственных органов, должностных лиц, других властных структур и образований; 5) коллизии целей (когда в нормативных актах разных уровней или разных органов закладываются противоречащие друг другу, а иногда и взаимоисключающие целевые установки); 6) коллизии между национальным и международным правом [15].

Иногда исследователи в основу классификации юридических коллизий закладывают специфические основания. Скажем, В.В. Ершов отмечает, что «в зависимости от свойств, особенностей, юридической силы, можно выделить иерархические, темпоральные (временные), территориальные и содержательные виды коллизий» [7]. Исходя из последствий роли юридических коллизий, они могут быть разделены на «позитивные» и «негативные» [25]. Классифицируя юридические коллизии по юридической силе, О.А. Поляков выделяет коллизии между нормами равной юридической силы «по горизонтали» и разнопорядковой юридической силы «по вертикали» [19]. Иногда предлагаемые виды юридических коллизий достаточно экзотичны. К примеру, Матузов Н.И., Малько А.В., характеризуя юридические коллизии, отмечают, что «бывают коллизии поверхностные и глубинные, устойчивые» [15], «простые» и «сложные» [14]. В зависимости от причин возникновения и роли в правовой системе коллизии Т.А. Щелокова предлагает классифицировать юридические коллизии на позитивные и негативные. «Позитивная коллизия - это столкновение норм права, которые регулируют один вид общественных отношений и выражают объективно сформировавшиеся потребности людей. Негативная коллизия - это столкновение норм права, одна из которых появляется в правовой системе вследствие ошибки правотворческого субъекта (превышение правотворческих полномочий, несоблюдение правил юридической техники и т.д.)» [26].

Интересными, с точки зрения юридической методологии, являются противоречия, складывающиеся между нормами позитивного и естественного права. «Констатация реального противоречия между позитивным правом (нормами, закрепленными государством) и правосознанием (представлениями о праве и справедливости, характерными для общества) приводила исследователей к диаметрально противоположным выводам... Этот конфликт двух подходов имел практическое значение для решения проблемы правового дуализма в пореформенной России [16].

Указанную выше позицию, в отношении факта существования коллизии естественного и позитивного права, разделяют и Матузов Н.И.,

Малько А.В. при этом отмечая, что «Необоснованный и гипертрофированный разрыв естественного и позитивного права по принципу: «или – или» (Л.В. Петрова). Ведь естественно-правовая доктрина вовсе не отрицала значения положительных законов, не умаляла их роли и необходимости. Она лишь выступала за приоритет прирожденных, а потому неотъемлемых прав человека и за полное соответствие им всех юридических установлений, принимаемых отдельными государствами. Указанные два вида права должны не коллизировать между собой, а тесно взаимодействовать» [15].

Особый аспект проблемы коллизии между позитивным правом и естественным правом, законом и правосознанием порождают традиционные этнические ценности различных народов, составляющих единую российскую нацию, что является серьезным условием для реализации конституционной законности и правопорядка. Так, ценность клановых отношений, землячества, кумовства, семейные традиции обуславливают возникновение конфликта между национальным правосознанием и действующим федеральным законодательством и Конституцией РФ. Либеральные ценности Основного закона страны вступают в некоторое противоречие, в ценностном измерении, с традициями и укладом национальных культур, религий, формируя, тем самым, двойственность конституционного правопорядка и противопоставления системы естественного национального права и системы либерального естественного права, заимствованного у западных стран.

В этой связи следует отметить, что сам факт существования коллизии между естественным и позитивным правом неизбежен, вопрос лишь заключается в степени соответствия естественного и позитивного права. По нашему мнению, чем ближе эти категории, чем более они совмещены, тем более гармонизирована правовая система с правосознанием общества. Следовательно, тем эффективней и действенней позитивные нормы права не в силу государственного принуждения, а вследствие их естественного одобрения и поддержки обществом. Однако такое сближение, несомненно, обусловлено, общественным развитием, культурно-духовной консолидацией общества, минимизацией национальной и религиозной нетерпимости, а не законодательным признанием каких-либо естественных прав и уж тем более безоговорочной рецепцией правовых ценностей других культур.

Особую и значимую роль в развитии отечественной правовой системы играют так называемые «доктринальные конституционные коллизии», которые выражаются в противоречивости концептуальных подходов к правовым явлениям, например, к форме государственного устройства, к основам конституционного строя, к положениям и верховенству норм международного права, национальными научными исследованиями

и традиционным правопониманием российского общества. Обоснованность выделения такой разновидности юридической коллизии обусловлена противоречивыми концептуальными подходами в правовом регулировании, к практике применения и толкования конституционных норм. Между тем, очевидно, что законотворчество и толкование законодательства должны обладать концептуальным единством, отвечать национальной правовой культуре и традициям. Факт же противоречия целевых установок, принципов, национального правопонимания позволяет определить особую разновидность юридической коллизии и диктует специфические методы их разрешения;

Обобщая сказанное, следует отметить, что выделение юридических коллизий в теории права, их разнообразие и специфические отраслевые особенности обуславливают наличие специальных юридических механизмов (коллизионных норм), регламентирующих порядок и принципы преодоления и устранения юридических коллизий.

Само понятие юридической коллизии, так и механизмы ее разрешения волновали умы не только современных юристов, обращающих внимание на устранение причин коллизий. Например, Г. Кельзен указывал на то, что первоисточником, причиной юридической коллизии служит не противоречивость самой нормы, а коллизия логики и закона, противоречия к оценке правовых суждений и высказываний о нормах. Соответственно, данной причине разрешать конфликт норм нужно посредством их интерпретации [24].

Сегодня этой проблеме посвящено достаточно много и современных работ, как в общей теории права, так и отраслях уголовного, гражданского, административного права с указанием определенной специфики решений юридических противоречий. Так, Н.И. Ярошенко указывает на то, что «нормоконтроль – это один из способов устранения коллизий в нормотворческой сфере» [28]. Таким образом, исследователь подчеркивает роль суда не только в преодолении юридических коллизий, но и участии в процессе их устранения. Представитель отрасли трудового права В.В. Ершов утверждает, что с целью более объективного и справедливого преодоления коллизий трудовых норм, возможно пользоваться «привязками», т.е. правилами, выработанными правоприменительной практикой и правовой мыслью в течение длительного времени [7, С. 21]. Это фактически реализуется на сегодняшний день в судебных практиках, где далеко не всегда законодательно устанавливаются коллизионные нормы и иногда они имеют форму правового обычая. В свою очередь, Ю.Г. Зуев отмечает - сложилось убеждение в том, что возможность преодоления противоречий в законодательстве в процессе правоприменительной деятельности вообще исключается. Несомненно, коллизии в

нормативных актах подлежат «устранению» в законодательном порядке, но «преодоление» коллизий между нормами права, возможно в процессе правоприменения путем толкования, на основе презумпции и т.п. [8]. В подтверждение этому утверждению значительный массив практических примеров преодоления юридических коллизий посредством толкования правовых норм, мы находим в практике высших судов. Е.Е. Бобракова рассматривает согласительные процедуры как элемент механизма выявления, предотвращения и разрешения юридических коллизий [3]. При этом согласительные процедуры могут касаться не только компетентностных разногласий органов государственной власти, но и законотворчества.

И.Н. Сенякин утверждает, что унификация и систематизация законодательства выступает одним из способов предотвращения возникновения юридических коллизий [20]. С этим утверждением трудно не согласиться, поскольку одной из причин возникновения юридических коллизий выступает бессистемность законодательства, выраженное в разночтении применяемых законодателем терминов и понятий, дублированием нормативных актов и т.п. Д.А. Кобзарь отмечает, что «референдум как форма непосредственной демократии играет особую роль в разрешении конституционно-правовых конфликтов в сфере разделения властей» [9]. Думается к этому утверждению можно добавить, что референдум может быть способом разрешения доктринального конфликта, если речь идет о принятии новой конституции.

Н.И. Матузов, А.В. Малько, под механизмом преодоления юридических коллизий, понимают «конкретные приемы, средства, механизмы, процедуры их устранения». При этом «в зависимости от характера коллизии применяется тот или иной метод, используется та или иная форма, избирается тот или иной путь снятия возникшего противоречия или выхода из правового тупика» [15]. Такая взаимосвязь характера (вида) юридической коллизии и способа ее разрешения прослеживается не всегда, но все же присутствует. Например, споры о компетенции, вызванные коллизией юридических статусов органов государственной власти, могут быть разрешены Конституционным Судом РФ посредством толкования статутных норм, через согласительные процедуры или законодательное изменение. Зачастую право выбора способа снятия юридического противоречия лежит на субъектах юридического конфликта. Однако законом может предусматриваться и обязательная стадия разрешения подобного конфликта. Многообразие методов разрешения юридических коллизий отражаются, например, в исследовании Н.И. Матузова, А.В. Малько, которые выделяют такие способы, как: толкование; принятие нового акта; отмена старого; внесение изменений или уточнений в действующие; су-

дебное, административное, арбитражное и третейское разбирательство; систематизация законодательства, гармонизация юридических норм; переговорный процесс, создание согласительных комиссий; конституционное правосудие; оптимизация правопонимания, взаимосвязи теории и практики; международные процедуры [15]. Некоторые из перечисленных способов являются прямым ответом на существование специфических коллизий. К примеру, оптимизация правопонимания, как метод преодоления юридической коллизии, обусловлен ее значительной ролью в определении характера поведения субъектов правоотношений. Коллизия правопонимания субъектов правоотношений порождает юридический конфликт.

Некоторые авторы дополняют указанный перечень юридических механизмов. Например, Коркунов Н. М. утверждал, что, «сводя законодательные постановления к одному логическому целому, устраняя их противоречия, восполняя пробелы, суд черпает для того материал и руководящие начала в выводах научного мышления о праве» [13]. То есть речь идет о разрешении юридических коллизий посредством применения научных доктрин в судебном процессе. А.Ю. Буяков, в целом соглашаясь с классификацией, предложенной Н.И. Матузовым, вносит свое дополнение в упомянутый перечень, указывая на способ «согласования» национального законодательства с нормами международного права, законов и подзаконных нормативных актов, федеральных и региональных актов, нормативных актов органов государственной власти и местного самоуправления [5].

Говоря о формах разрешения юридических противоречий, следует отметить, что таковых в теории права выделяют три. Во-первых, как предлагал Н.А. Власенко, следует разграничивать все правовые средства разрешения юридических противоречий на способы «устранения» и способы «преодоления» [6]. В качестве временной меры разрешения юридической коллизии Н.А. Власенко полагал их преодоление посредством толкования в рамках конкретного случая. То есть преодоление юридической коллизии не снимает саму проблему ее существования, она лишь позволяет разрешить юридическую коллизию в конкретном деле [6, С. 29]. Соответственно, по мнению автора, устранение юридических коллизий осуществляется законодателем посредством нормотворческой корректировки в форме отмены одной или обеих конфликтующих правовых норм, уточнения предмета (объекта) их правового регулирования или создания коллизионных норм, определяющих порядок разрешения юридических противоречий.

Категория «коллизионной нормы», как особого способа разрешения юридических коллизий, берет свое начало в международном частном

праве. Под ней «понимается норма права, определяющая право какого государства является применимым к конкретному правоотношению» [2]. В рамках национальной системы права «коллизийные нормы определяют, какие нормы из совокупности возможных применяются к данному отношению (например, ч. 5 ст. 76 Конституции РФ: «В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным в соответствии с частью четвертой настоящей статьи, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации») [12]. Исходя из установленных способов преодоления юридических коллизий, А.Ю. Тихомиров выделяет специальные коллизийные нормы: а) нормы-доминанты, выражающие юридический приоритет в случае «столкновения» разных норм; б) нормы-запреты и ограничения, когда с их помощью предотвращаются коллизийные ситуации; в) нормативно установленные процедуры преодоления разногласий и разрешения споров; г) нормы-санкции, применяемые в случае нарушения названных норм. Отсюда следует, что коллизийные нормы являются самостоятельным способом разрешения юридических коллизий, существующим наряду с другими.

В общей теории права вопрос разрешения проблемы юридических коллизий стал отдельной сферой научного исследования и трансформировался в целое направление, получившее отражение в научных разработках, и даже концептуальном отражении в основном законе страны. Так, в Конституции РФ (п. «п» ст. 71) говорится о том, что к ведению Российской Федерации относится «федеральное коллизийное право». О коллизийном праве упоминается также в Федеративном договоре, что обеспечивает согласованность двухуровневой системы конституционного законодательства [22]. Коллизийное право как супер отрасль права представляет собой систему специальных правовых норм, определяющих порядок преодоления и устранения юридических коллизий. Пожалуй, наиболее комплексным исследованием, посвященным становлению и развитию отечественного коллизийного права, является одноименная работа Ю.А. Тихомирова, в рамках которой автор выделяет такие способы разрешения правовых коллизий, как: планомерное, системно-упорядоченное развитие законодательства; последовательный курс на реализацию закона; переговорный процесс; применение коллизийных норм; рассмотрение юридических споров; восстановление прежнего или создание нового юридического состояния [11].

Эффективность, как и применимость конкретного механизма преодоления юридических коллизий зависит от: субъекта, инициирующего процедуру преодоления юридической коллизий, вида юридической кол-

лизии, уровня их сложности, субъекта уполномоченного разрешать данную юридическую коллизию.

Таким образом, исследователи усматривают взаимосвязь механизмов (способов) преодоления юридических коллизий с содержанием, видами юридических коллизий. Так, разрешение юридической коллизии между конституционной и отраслевой нормой права («прямая коллизия») осуществляется посредством применения метода юридической иерархии правовых норм. Другое дело «опосредованная коллизия», заложенная в юридическом механизме реализации конституционной нормы. В этом случае механизм разрешения конституционной коллизии предполагает: 1. Норма закона или подзаконного акта неверно раскрывает содержание конституционной нормы, или иным образом искажает ее цель; 2. Норма закона, противоречащая конституционным положениям, теряет юридическую силу, а конституционная норма должна быть применена к правоотношению непосредственно (прямое действие Конституции РФ). Этот момент создает затруднение в правоприменении, поскольку правовой механизм, реализующий конституционную норму, блокируется в силу своей «порочности». Отсюда возникает потребность в расширительном толковании конституционной нормы судами, а по сути, латентном нормотворчестве, полноценно реализовать которое может только Конституционный Суд РФ в рамках «правовых позиций» [18]. Как, в этой связи, отмечает Г.А. Гаджиев под правовой позицией понимает правовой принцип, пригодный для разрешения группы сходных юридических коллизий [29].

Источники и примечания:

1. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1993. С. 33.
2. Алексеев С.С. Гражданское право в вопросах и ответах. М., 2009.
3. Бобракова, Е. Е. (Екатерина Евгеньевна). Согласительные процедуры в конституционном праве : Общие основы и особенности применения в федеральном законодательном процессе : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.02 - Конституционное право; Муниципальное право / Науч. рук. С. А. Авакьян. М., 2001. - 27 с.
4. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2001. С. 275
5. Буяков А.Ю. Юридические коллизии и способы их устранения. Автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 24-25.
6. Власенко Н.И. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 21.
7. Ершов В. В. Коллизии трудовых норм // Советская юстиция. 1993. № 19. С. 21.
8. Зуев Ю.Г. Указ. соч. - С.151.307 Коврига З.Ф. Панько К.К. Политические и правовые коллизии, конфликты, фикции. / З.Ф. Коврига, К.К. Панько // Правовая наука и реформа юридического образования. Воронеж, 1996. Вып.4. С. 49-64.

9. Кобзарь Д.А. Судебное разрешение конституционно-правовых споров о компетенции в Российской Федерации : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 Москва, 2005 207 с.
10. Коврига З.Ф., Панько К.К. Политические и правовые коллизии, конфликты, фикции // Право и политика. Воронеж. 1996. С. 49-63.
11. Коллизионное право: учебное и научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2007. С. 43.
12. Конституционное право России: Учебное пособие / Отв. ред. академик РАЕН Ю.А. Веденеев. М.: Юриспруденция, 1999. С. 10.
13. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов; [сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский]. М., 2010. С. 382.
14. Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 228
15. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2004.
16. Например, см.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. – М., ИНФРА. М, 1998. С. 32.
17. Например, см.: Стародубцева И.А. Коллизии конституционного законодательства на уровне субъектов Российской Федерации. Воронеж, 2004. С. 9 – 14.
18. Подробнее о нормотворчестве судов см.: Кучин М. В. Нормотворческая деятельность судебных органов Российской Федерации и судебный прецедент // Право и политика. 2000. № 5. С. 13-19.
19. Поляков О.А. К вопросу о классификации юридических коллизий // Вестник СевКавГТУ. Серия «Право». 2004. № 1 (6). С. 37.
20. Сениякин И.Н. Правотворчество и законодательство / Теория государства и права: Курс лекция / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2001. С. 436.
21. Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001.
22. См. Александрова Н.А. Теоретические проблемы единства системы конституционного законодательства Российской Федерации // Вестник БИСТ. № 1 (9), март 2011 С. 30.
23. См.: Власенко Н.И. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск. 1984. С. 28-29.
24. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сборник переводов. Вып. 2. М., 1988. С. 73-88.
25. Щелокаева Т.А. Юридические коллизии и коллизионные нормы: понятие, виды // Правоведение. 2003. № 6. С. 149.
26. Щелокова Т.А. Коллизионные нормы: теория и опыт конструирования в конституционных актах // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: право. 2003. № 1. С. 110.
27. Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1895. Т.15. С. 704.
28. Ярошенко Н.И. Нормоконтроль как основание судебного конституционализма в Российской Федерации // www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/55.html
29. Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сборник докладов. ... М., 1999. С. 116.

II Раздел:
Развитие отраслей Российской права: тенденции и перспективы

Аникин В.А.
адвокат Краснодарской краевой палаты адвокатов
Anikin V.A.
attorney Krasnodar Regional Chamber of Advocates

**БЛАНКЕТНОСТЬ ДИСПОЗИЦИЙ СТАТЕЙ 228.2 И 233 УК РФ И
ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
ИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**BLANKET DISPOSITIONS OF ARTICLES 228.2 AND 233 OF THE
CRIMINAL CODE AND ITS IMPORTANCE FOR QUALIFICATION
OF CRIMES LISTED IN THEM**

Аннотация. В статье автор показывает значение бланкетного законодательства для квалификации преступлений, предусмотренных ст. 228.2 и 233 УК РФ, а также характеризует его многоуровневую иерархическую систему.

Ключевые слова: бланкетная диспозиция, бланкетное законодательство, наркотические средства, психотропные вещества, рецепт, оборот наркотических средств и психотропных веществ, квалификация преступлений.

Annotation. In this article the author shows the importance of blanket legislation for the qualification of crimes under Art. 228.2 and 233 of the Criminal Code, and characterizes its multilevel hierarchical system.

Key words: blanket disposition, blanket legislation, narcotic drugs, psychotropic substances, prescription, legal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, qualification of crimes.

Формулирование бланкетных диспозиций представляет собой прием законодательной техники, нередко используемый при построении уголовно-правовых норм.

Созвучно этому положению в специальной литературе отмечается, что «бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы, как одна из форм реализации уголовной политики, представляет собой такой прием законодательной техники, при котором правоприменителю для конкретизации отдельных объективных и субъективных признаков состава преступления необходимо обращение к нормам иных отраслей законодательства, закрепленных в нормативных актах федерального, региональ-

ного и муниципального уровней, а также в локальных актах организаций» [1].

Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления, связанные с нарушением правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, сформулированы с применением названного приема законодательной техники и, соответственно, их диспозиции носят бланкетный характер.

Примечательно, что, исходя из иерархического подхода к формированию бланкетного законодательства применительно к названным преступлениям, можно заключить, что его система носит многоуровневый характер.

В первую очередь, ее образуют международно-правовые акты. Это три конвенции: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. [3], Конвенция о психотропных веществах 1971 г. [2] и Конвенция Организации Объединенных Наций «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» [4] 1988 г.

Сразу же заметим, что установления этих актов имеют значение для формирования отечественного законодательства, регулирующего оборот наркотических средств и психотропных веществ и устанавливающего ответственность за нарушение правил его осуществления. Что касается квалификации рассматриваемых преступлений, то в этой части положения названных Конвенций практически не применимы.

Второй уровень в означенной системе занимают федеральные законы. Среди них основное место, несомненно, принадлежит Федеральному закону от 8.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах» [5] (далее – Закон).

Роль данного нормативного акта при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 228.2 и 233 (в части незаконной выдачи рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ) УК РФ, трудно переоценить. Именно в нем установлены основные правила осуществления легального оборота наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации, получающие конкретизацию в иных законах и подзаконных актах.

В Законе, во-первых, определено понятие оборота наркотических средств и психотропных веществ (ст. 1). Его образуют разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодатель-

ством Российской Федерации. Таким образом, нормативно определена сфера возможного совершения рассматриваемых преступлений.

Во-вторых, Законом раскрыто содержание каждого из деяний, включенных в систему оборота указанных средств и веществ (ст. 1).

В-третьих, в гл. IV «Условия осуществления отдельных видов деятельности, связанных с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» сформулированы базовые требования к обороту таких препаратов и правила его осуществления применительно к каждой из его составляющих.

Так, например, в ч. 1 ст. 17 «Производство и изготовление наркотических средств, психотропных веществ и внесенных в Список I прекурсоров» установлено: «Производство наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, внесенных в Список I, в целях изготовления аналитических образцов, а также производство наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в Список II, в целях, установленных настоящим Федеральным законом, осуществляется в пределах государственных квот государственными унитарными предприятиями и государственными учреждениями, имущество которых находится в федеральной собственности, при наличии у них лицензий на производство конкретных наркотических средств и психотропных веществ, предусмотренных законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности».

Часть 2 статьи определяет, что «изготовление наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в Список II, в целях, установленных настоящим Федеральным законом, осуществляется государственными унитарными предприятиями и государственными учреждениями, а также входящими в муниципальную систему здравоохранения муниципальными унитарными предприятиями и муниципальными учреждениями в случае, указанном в пункте 4 статьи 5 настоящего Федерального закона, при наличии у них лицензий на изготовление конкретных наркотических средств и психотропных веществ, предусмотренных законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности».

Конкретизация положений Закона осуществляется подзаконными нормативными актами, образующими третий уровень означенной ранее системы. Их совокупность представлена главным образом постановлениями Правительства РФ и нормативными актами Министерства здравоохранения и социального развития РФ. Количество их значительно, что требует от правоприменителей в процессе квалификации нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ особой внимательности и тщательности при анализе бланкетного законодательства.

Не ставя перед собой цели перечисления всех подзаконных нормативных актов, имеющих значение для уголовно-правовой оценки названных преступлений, назовем наиболее значимые из них. Несомненно, это, во-первых, постановления Правительства РФ, утверждающие перечни соответствующих средств, веществ, растений, инструментов и оборудования, поскольку без обращения к ним невозможно определиться с предметом соответствующих преступных деяний. Среди них, в частности, постановления Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 01.04.2016 г.) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [6], от 22 марта 2001 г. № 221 (ред. от 01.10.2012 г.) «Об утверждении перечня инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, и Правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза в Российскую Федерацию, вывоза из Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ» [8], от 27 ноября 2010 г. № 934 (ред. от 01.10.2012 г.) «Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» [11].

Во-вторых, это постановления Правительства РФ и иные подзаконные нормативные акты, конкретизирующие закрепленные в Законе правила оборота наркотических средств и психотропных веществ (что значимо при установлении содержания объективной стороны указанных преступлений), а также устанавливающие требования к лицам, задействованным в его осуществлении (что имеет немаловажное значение для решения вопроса, касающегося определения субъекта названных деяний). Например, это постановления Правительства РФ от 4 ноября 2006 г. № 644 (ред. от 06.08.2015 г.) «О порядке представления сведений о деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и регистрации операций, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ» [10], от 3 сентября 2004 г. № 453 (ред. от 22.08.2016 г.) «Об утверждении Положения об использовании

наркотических средств и психотропных веществ в ветеринарии» [9], от 6 августа 1998 г. № 892 (ред. от 24.12.2014 г.) «Об утверждении Правил допуска лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ» [7]; приказы Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 14 декабря 2005 г. № 785 (ред. от 22.04.2014 г.) «О порядке отпуска лекарственных средств» [12], от 1 августа 2012 г. № 54н (ред. от 21.04.2016 г.) «Об утверждении формы бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также правил оформления» [13].

Таким образом, бланкетность диспозиций статей 228.2 и 233 (в части незаконной выдачи рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ) УК РФ порождает необходимость тщательного изучения положений соответствующих нормативных правовых актов, регулирующих осуществление оборота названных средств и веществ, а также иных предметов, указанных в данных нормах, в целях правильной квалификации фактов нарушения установленных правил в процессе правоприменительной деятельности. Бланкетное законодательство, необходимое для конкретизации отдельных объективных и субъективных признаков составов названных преступлений, представляет собой многоуровневую иерархическую систему, образованную как международно-правовыми актами, так и многочисленными отечественными законами и подзаконными нормативными актами. Знание и учет их положений – необходимое условие правильной квалификации преступлений, предусмотренных ст. 228.2 и 233 УК РФ.

Источники и примечания:

1. Пшипий Р.М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 7-8.
2. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. М., 1981.
3. См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIII. М., 1970.
4. См.: Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994.
5. См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 27. Ст. 3198; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 33. Ст. 4009; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.

8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 13. Ст. 1272; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 37. Ст. 3733; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 46. Ст. 4795; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6696; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
12. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
13. Российская газета. 2012. 22 августа; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.

Байдин А.Н.
*начальник следственного отдела ОМВД России
по Темрюкскому району Краснодарского края*
Baydin A.N.
*head of the investigation department of Russian OMVD
for Temryuk district of the Krasnodar region*

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

VIOLATION OF THE RULES OF LEGAL CIRCULATION OF POTENT AND POISONOUS SUBSTANCES: SOME ASPECTS OF CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT

Аннотация. В статье автором рассмотрены некоторые наиболее сложные вопросы, возникающие в процессе уголовно-правовой оценки нарушения правил легального оборота сильнодействующих и ядовитых веществ.

Ключевые слова: сильнодействующие вещества, ядовитые вещества, легальный оборот, правила легального оборота, нарушение, уголовно-правовая оценка.

Annotation. In this article the author discusses some of the most difficult issues that arise in the process of criminal-legal assessment of violation of the rules of legal circulation of potent and poisonous substances.

Key words: potent substances, poisonous substances, legal circulation, the rules of legal circulation, violation, criminal-legal assessment.

Процесс квалификации ситуаций нарушения правил, установленных для осуществления легального оборота сильнодействующих и ядовитых веществ, представляет собой непростой процесс уголовно-правовой оценки соответствующих деяний. Сложность этой деятельности обусловлена рядом обстоятельств, которые надлежит учитывать правоприменителям при ее осуществлении. В рамках настоящей статьи будут отмечены некоторые, представляющие наибольшие, на наш взгляд, трудности для квалификации моменты.

Во-первых, при уголовно-правовой оценке нарушения правил легального оборота сильнодействующих и ядовитых веществ следует учитывать, что диспозиции норм, объединенных рамками ст. 234 УК РФ, в том числе и ч. 4 статьи, являются бланкетными. Соответственно, их применение невозможно без обращения к нормативным правовым актам, ре-

гламентирующим значительный круг вопросов. Это, в частности, касается определения предмета названного деяния и конкретного содержания признаков его объективной стороны.

Как известно, специфика предмета преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ, в том числе и деяния, названного в ч. 4 статьи, заключается не только в особых их свойствах, связанных с возможностью оказания негативного воздействия на человеческий организм. Она проявляется и в наличии в их характеристике правового признака. Последний означает, что законодательством определен четкий перечень веществ, относимых к категории сильнодействующих и ядовитых. При квалификации содеянного необходимо ориентироваться на нормативный акт, определяющий такой список, поскольку никакое иное вещество не может быть признано сильнодействующим или ядовитым. Иными словами, расширительному толкованию соответствующие нормативные положения не подлежат, и правоприменитель жестко ими связан при решении вопроса о наличии предмета названного преступления.

Действующий список сильнодействующих и ядовитых веществ утвержден постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 (ред. от 26.09.2016 г.) «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» [7].

В качестве сильнодействующих [1] в списки внесены такие вещества, как, например, андростанолон, бензобарбитал, болденон, гестрилон, дростанолон, клозапин, клонидин (клофелин), метенолон, метилтестостерон, оксиметолон, перец опьяняющий (кава-кава) и вещества, входящие в него, сибутрамин, спорынья, тетрагидрогестрилон, хлороформ, эрготал, этилхлорид (хлорэтил), и др. (всего 70 позиций).

Кроме того, в нормативном акте содержится указание на то, что к сильнодействующим относятся соли и изомеры перечисленных в списке веществ во всех случаях, когда существование таких солей и изомеров возможно, а также эфиры сложные и простые перечисленных в списке веществ и все лекарственные формы, какими бы фирменными (торговыми) названиями они не обозначались, в состав которых входят перечисленные в списке вещества в сочетании с фармакологическими неактивными компонентами.

В качестве ядовитых веществ [11] в списке указаны, в частности, аконит, аконитин, змеиный яд, метиловый спирт, мышьяковый ангидрид и его производные, включая их лекарственные формы в разных дозировках, синильная (цианистоводородная) кислота и цианиды металлов, стрихнина нитрат и его лекарственные формы в разных дозировках,

сумма алкалоидов красавки, фосфор белый (фосфор желтый), и др. (всего 36 позиций).

Следующий аспект, предопределяющий особенности уголовно-правовой оценки нарушения правил легального оборота сильнодействующих и ядовитых веществ, связанный с бланкетностью диспозиции ч. 4 ст. 234 УК РФ, как отмечено ранее, касается установления содержания объективной стороны преступления. В законе предусмотрена ответственность за нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки и пересылки названных веществ. Соответственно, чтобы констатировать факт нарушения того или иного правила, его необходимо установить с указанием конкретного нормативного акта, определяющего порядок осуществления тех или иных манипуляций с сильнодействующим или ядовитым веществом.

Правила легального оборота сильнодействующих и ядовитых веществ устанавливаются в нормативных правовых актах разных уровней – федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные нормативные правовые акты.

В качестве примеров можно назвать, в частности, Федеральные законы от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» [10] и от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «Об обращении лекарственных средств» [9]; постановление Правительства РФ от 16.03.1996 г. № 278 (ред. от 04.09.2012 г.) «О порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации сильнодействующих и ядовитых веществ, не являющихся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ» [8]; приказы Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12.02.2007 г. № 110 (ред. от 26.02.2013 г.) «О порядке назначения и выписывания лекарственных препаратов, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания» [2] и от 23.08.2010 г. № 706н (ред. от 28.12. 2010 г.) «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств» [3]; информационное письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.06.2008 г. № 4406-РХ «Об осуществлении оборота сильнодействующих и ядовитых лекарственных средств» [5].

Но это лишь часть всей системы нормативных правовых актов, регулирующих в той или иной части оборот сильнодействующих и ядовитых веществ.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что при установлении объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 234 УК РФ, правоприменителю необходимо, ознакомившись с соответствующей нормативной базой, установить конкретное правило, которое было нарушено виновным.

Во-вторых, квалификация названного посягательства осложняется некоторыми моментами, связанными с его субъективными признаками.

В первую очередь, следует указать на специфику субъекта этого деяния. Он обладает статусом специального, поскольку в его качестве могут выступать только те лица, на которых возложена обязанность соответствующие правила соблюдать. Этот статус предполагает и наличие дополнительных специальных признаков. Например, согласно ст. 52 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» осуществление определенного вида фармацевтической деятельности (в том числе связанной с указанными веществами) предполагает наличие высшего или среднего фармацевтического образования и сертификата специалиста.

Вопрос о содержании субъективной стороны рассматриваемого состава преступления носит дискуссионный характер, что также привносит определенные сложности в процесс квалификации содеянного.

Следует согласиться с Е.Г. Шмелевой, отмечающей, что субъективная сторона указанного в ч. 4 ст. 234 УК РФ преступления в значительной части обусловлена сложным характером его объективной стороны [6, С. 15]. Уголовный закон связывает ответственность за нарушение указанных правил с наступлением общественно опасных последствий [6].

В рассматриваемом случае юридическая природа содеянного и его общественная опасность зависят от отношения лица к наступившим в результате нарушения указанных правил последствиям. Поэтому полагаем, что в рассматриваемом случае не столь важно, с каким субъективным отношением лицом были нарушены установленные правила оборота сильнодействующих или ядовитых веществ, а важно наступление по неосторожности указанных в ч. 4 ст. 234 УК РФ последствий – хищения указанных веществ либо причинения иного существенного вреда. Уголовная ответственность в данном случае устанавливается не за само нарушение правил производства, хранения и т.д., а за его допущение, повлекшее определенные преступные последствия [4].

Таким образом, при осуществлении квалификации нарушения правил легального оборота сильнодействующих и ядовитых веществ необходимо учитывать отмеченные нами аспекты их уголовно-правовой оценки.

Источники и примечания:

1. Под сильнодействующими понимают вещества, оказывающие опасное для здоровья и жизни людей действие при приеме их в завышенных дозах и при наличии медицинских противопоказаний к употреблению. Такие вещества способны вызывать состояние зависимости, оказывать стимулирующее или депрессивное воздействие на центральную нервную систему, вызывая галлюцинации или нарушения моторной функции,

- мышления, поведения, восприятия, изменения настроения, либо могут приводить к аналогичным вредным последствиям. См.: Косарев С.Ю. Преступления, связанные с сильнодействующими и ядовитыми веществами. СПб., 2004. С. 23.
2. Российская газета. 2007. 15 мая.
 3. Российская газета. 2010. 13 окт.
 4. См. подробнее: Байдин А.Н. Особенности содержания субъективной стороны нарушения правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ (ч. 4 ст. 234 УК РФ) // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 12. С. 208-210.
 5. См.: <http://www.minzdravsoc.ru>.
 6. Шмелева Е.Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008.
 7. См.: Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 (ред. от 26.09.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 2. Ст. 89; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
 8. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 13. Ст. 1350; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
 9. Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1815; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
 10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
 11. Ядовитыми признаются вещества, оказывающие токсическое (отравляющее) воздействие на организм человека, даже при употреблении малых доз способные вызывать тяжелое отравление или причинять смерть. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 316.

Бакаев С.В.

*Адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского
университета МВД России*

Bakayev S.V.

*Graduated in a military academy of department of criminal law and
criminology of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of Russia*

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ И
СОДЕРЖАНИЕ**

**CRIMINAL LAW POLICY IN THE SPHERE OF COUNTERACTION
TO ILLICIT TRAFFICKING IN PRECURSORS OF DRUGS AND
PSYCHOTROPIC SUBSTANCES: CONCEPT, PURPOSES AND
CONTENT**

Аннотация. В статье рассматривается понятие уголовно-правовой политики государства, в том числе политики в сфере противодействия незаконному обороту прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ. Формулируется ее понятие, цели и основное содержание.

Ключевые слова: прекурсоры, наркотические средства, психотропные вещества, уголовно-правовая политика.

Annotation. In article is considered the concept of criminal law policy of the state, including policy of the sphere of counteraction to illicit trafficking of precursors of drugs and psychotropic substances. Her concept, the purposes and the main content is formulated.

Key words: precursors, drugs, psychotropic substances, criminal law policy.

В философской и иной научной литературе аксиоматичным является положение о том, что любое целенаправленное воздействие на объект должно подчиняться ряду требований. Оно должно быть системным и упорядоченным. Не является исключением и такое социальное явление как преступность, которое подвергается воздействию со стороны общества и государства с целью снижения ее основных показателей, контроля над ней и т.д. Одним из проявлений указанного воздействия выступает уголовно-правовая политика.

Ученые, занимающиеся изучением уголовно-правовой политики, по-разному подходят к определению ее содержания, включая в него разнообразные составляющие. Например, А.Б. Беляев полагает, что «в со-

держание уголовно-правовой политики следует включать деятельность законодательных и правоприменяющих органов в выработке общих положений уголовного законодательства, установлению круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избранию справедливых и целесообразных мер воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений» [1].

В свою очередь П.С. Дагель к содержанию уголовно-правовой политики относит «установление основных принципов применения уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, прежде всего – мер уголовной ответственности; вопросы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний, т.е. определение круга деяний, признаваемых преступлениями; вопросы пенализации общественно опасных деяний, т.е. установление характера их наказуемости как в законе, так и судебной практике; вопросы депенализации, т.е. определение видов и условий освобождения от уголовной ответственности или от наказания; определение уголовно-правовых мер как альтернативных наказанию, так и применяемых наряду с ним» [2].

В.С. Комиссаров в содержание уголовно-правовой политики включает такие положения как: 1) определение основных принципов и положений, лежащих в основе борьбы с преступностью средствами и методами уголовного права; 2) установление круга общественных деяний, признаваемых преступными и исключение тех или иных деяний из числа преступных (криминализация и декриминализация); 3) определение характера наказуемости преступлений, а также условий освобождения от уголовной ответственности и наказания (пенализация и депенализация); 4) определение направлений деятельности правоохранительных органов по применению на практике положений уголовного закона и выявление его эффективности; 5) оказание воздействия на правовое сознание и правовую культуру населения [3].

В определении, разработанном Н.А. Стручковым и Н.И. Загородниковым, под уголовной политикой понимается направление государственной политики, «в рамках которого формулируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга, предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию деяний, а когда нужно – декриминализацию и депенализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения» [4].

А.Н. Игнатов под уголовной политикой понимал часть «социально-правовой политики государства и заключается в системе руководящих

идей, методов их реализации, деятельности государственных органов, направленных на борьбу с преступностью и устранение причин и условий, способствующих существованию преступности» [5].

В свою очередь В.К. Дуюнов уголовную политику рассматривает как «один из видов политики реагирования на преступления, который заключается в разработке и реализации стратегии и тактики деятельности государства, реагирующего на совершение преступления, и который реализуется средствами и методами только уголовного права... В рамках уголовной политики определяются задачи, формы, содержание соответствующей деятельности и мер реагирования на преступные проявления, вырабатываются основные принципы и направления, формы и методы уголовно-правовой борьбы с преступностью» [6].

О.А. Малышева считает, что «уголовная политика, являясь элементом правовой политики, представляет собой организованную и реализуемую государством деятельность, направленную на выработку и реализацию совокупности мер как специального характера, в том числе норм уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, так и общесоциального характера в целях защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, и возмещения принесенного преступлением вреда» [7].

Ю.В. Голик и А.И. Коробеев считают, что «уголовная политика есть выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [8].

В специальной литературе отмечается, что приведенные определения имеют различия не концептуального, а терминологического характера, т.е. различаются не по сути, а по форме. Таким образом, существование каждого из них вполне оправдано и может служить основой для формулирования понятия уголовной политики в той или иной области, в нашем случае – в сфере противодействия незаконному обороту прекурсоров [9].

Составным элементом уголовно-правовой политики выступает государственно-правовая политика, направленная на противодействие наркотизму. В свою очередь, одним из участков данной политики является борьба с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ (далее – прекурсоров). Последняя включает в себя сформированный на соответствующей нормативно-правовой основе комплекс направлений и способов деятельности государства совместно с другими субъектами политической системы общества по регулированию

и контролированию легального оборота прекурсоров; предотвращению незаконного их оборота; по организации и реализации системы предупреждения преступности, связанной с незаконным оборотом прекурсоров.

Базовым документом, закладывающим основы развития системы правовых средств проведения государственно-правовой политики противодействия незаконному обороту прекурсоров, является Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах» [10] (далее – Закон). Кроме того, необходимо отметить, что существенную роль в становлении современной системы антинаркотического законодательства и правовой политики противодействия незаконному обороту прекурсоров, в целом, сыграли Конвенция ООН от 20.12.1988 г. «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» [11], Лакхнауское соглашение о принятии единообразных мер по контролю международной торговли прекурсорами и другими химическими веществами, используемыми при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ 1999 г. [12] и Концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации от 22 июля 1993 г. (далее – Концепция) [13], предложившая совокупность мер предупредительного и карательного характера с целью выработки долгосрочной стратегии борьбы с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами и послужившая базой для внесения последующих изменений в законодательство России (уголовное, уголовно-исполнительное и административное), регулирующие рассматриваемые вопросы. Подготовка и принятие указанной Концепции, как отмечают специалисты, явилась отправной точкой в «в развитии концептуального постсоветского подхода к наркотикам» [14]. Именно она послужила основой для разработки в 1993 г. проекта Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Концепция указывает, что одним из структурных её элементов является уголовно-правовой блок, иначе говоря, некоторые установленные Концепцией направления деятельности выступают как выражение уголовно-правовой политики в области противодействия незаконному обороту прекурсоров. К их числу можно отнести, например, развитие уголовного законодательства в соответствующей его части, в том числе решение вопросов криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом прекурсоров.

На становление государственной, в том числе государственно-правовой, политики противодействия наркотизму оказали влияние утверждённые решением совещания членов Совета безопасности РФ 29 июня 1999 г. Руководящие принципы и основные направления деятель-

ности в Российской Федерации по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблению ими на период до 2008 года [15]. В данном правовом акте также нашли отражение проблемы законодательного закрепления тех или иных взглядов на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Первый блок рассматриваемого документа посвящен вопросам сокращения спроса на наркотики. В качестве задач, поставленных для решения данного вопроса, закрепляются осуществление программ, направленных на сокращение спроса на наркотики, способствование укреплению здоровья и повышению социального благосостояния граждан, семей и уменьшение неблагоприятных последствий злоупотребления наркотиками для общества в целом. Среди мер, способствующих решению указанных задач, определены, в первую очередь, различного рода мероприятия профилактической направленности: от предупреждения начальной стадии потребления наркотических средств или психотропных веществ и их прекурсоров (т.е. предотвращения приобщения к наркотикам и исключения первых проб) до сокращения отрицательных результатов их употребления для здоровья, нормального развития и существования как отдельных лиц, так и всего общества в целом. Это и разъяснение действительных свойств этих препаратов, информирование об их негативном влиянии на организм и психику человека, о последствиях наркотизации личности, приводящих в итоге, к её всесторонней деградации, и т.д.; и лечение наркозависимых; и их реабилитация; и запрет рекламы наркотических средств и психотропных веществ, обсуждения в средствах массовой информации проблем узаконивания соответствующих средств и веществ.

Во втором блоке принципов закреплены направления противодействия нелегальному обороту наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров. Задачами данного раздела выступают: уменьшение числа скрытых (латентных) преступлений, связанных с незаконным обращением наркотиков, в первую очередь, их производства и распространения; снижение количества незаконного культивирования наркотикосодержащих культур, а также борьба с незаконным оборотом прекурсоров.

Входящими в его состав мерами являются: усиление результативности деятельности компетентных органов государства, стремящейся к более раннему обнаружению и предотвращению фактов осуществления указанной выше деятельности; создание эффективных конструкций мониторинга и проверки в соответствующих сферах; укрепление сотрудничества с зарубежными государствами в деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров; завершить процесс формирования и укрепления специали-

зированных структур для выполнения рассматриваемой деятельности, повышая их материально-техническое оснащение; уделять серьёзное внимание пресечению контрабанды наркотических средств через Государственную границу Российской Федерации; осуществлять мероприятия по ликвидации посевов дикорастущей конопли; противодействовать отмыванию денежных средств специально предусматривать выделение средств на финансирование мероприятий по борьбе с незаконным оборотом наркотиков; создавать специальные федеральные и региональные фонды для поддержки правоохранительных органов и органов здравоохранения в осуществлении ими соответствующей деятельности; совершенствовать нормативную базу, направленную на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров; бороться с отмыванием денег, полученных от преступных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и ряд иных.

Направления третьего блока связаны с осуществлением контроля за легальным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров. В качестве основной задачи данного блока названо введение жесткого контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в стране; существенное уменьшение притока данных препаратов из легального обращения в незаконный оборот.

Указанные задачи могут быть решены при помощи следующих мер: гарантия монополии государства и лицензирование видов деятельности, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров; достижение согласованности и взаимодействия всех государственных структур в этом направлении; модернизация технической базы контроля; обмен данными на государственном и международном уровнях; формирование необходимой законодательной базы, посвященной правовому регулированию проблем осуществления контроля за деятельностью, связанной с оборотом прекурсоров, и ряда других.

Международному сотрудничеству посвящен четвертый блок руководящих принципов и направлений. Его задачей провозглашено «расширение и повышение эффективности международного сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и злоупотреблением ими на универсальном, региональном и двустороннем уровнях» [16].

В указанный блок включены такие меры как: осуществление требуемых действий, направленных на консолидацию усилий международного сообщества в противодействии нелегальному обороту наркотиков; содействие движения против законодательного разрешения легализации немедицинского потребления наркотиков и декриминализации правона-

рушений, связанных с ними; совершенствование процесса обмена опытом и необходимой информацией и т.д.

Таким образом, основные нормативные акты, закрепляющие государственную политику в области борьбы с наркотизмом, в общем, и с незаконным оборотом прекурсоров в частности, включают ряд положений, напрямую относящихся к становлению правовой, в том числе уголовной и уголовно-правовой, политики в рассматриваемой сфере, уделяя при этом внимание значимому направлению последней – криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, но при этом не уделяя достаточного внимания борьбе с незаконным оборотом прекурсоров.

Итак, уголовно-правовая политика, направленная на борьбу с незаконным оборотом прекурсоров, является частью уголовно-правовой политики в целом, а уголовно-правовая политика в этой области рассматривается как элемент уголовно-правовой политики государства. Подводя предварительный итог проанализированного, можно сделать следующие выводы.

Мы считаем, что *уголовная политика, направленная на борьбу с незаконным оборотом прекурсоров*, является системой научно обоснованных, строящихся на всестороннем изучении основных направлений развития наркотизма мер государственных и негосударственных (в том числе общественных) органов и организаций, направленных на охрану здоровья населения от преступных посягательств, связанных с незаконным оборотом прекурсоров при помощи формулирования и законодательного закрепления уголовно-правовых запретов деяний, связанных с незаконным оборотом прекурсоров, применения уголовного наказания или других мер уголовно-правового характера к виновным в совершении указанных преступлений, а также реализации мер профилактической направленности в отношении данной преступной деятельности. Это определение ведущих задач, принципов, основания уголовной ответственности и других общих положений уголовного права, закрепление составов конкретных преступных деяний, связанных с незаконным оборотом прекурсоров (криминализация), установление санкций (пенализация) и других мер уголовно-правового характера.

Как указано в приведенном выше определении, одним из компонентов содержания уголовно-правовой политики противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом прекурсоров, является криминализация деяний, связанных с их незаконным оборотом. Важным вопросом при осуществлении этой деятельности является об установлении оснований криминализации. Для законодателя важно определить грань общественно опасного, общественно вредного и малозначительного в отношении деяний, связанных с прекурсорами.

Следующим элементом содержания анализируемой политики выступает определение границ наказуемости деяний, связанных с незаконным оборотом прекурсоров, в отношении которых была проведена криминализация, то есть построение санкций за их совершение.

Частью исследуемой политики является, и закрепление иных мер уголовно-правового характера (например, принудительных мер медицинского характера и реабилитационных мер [17, 18]), применяемых к лицам, осуществляющим незаконный оборот прекурсоров. Следует заметить, что в нем могут участвовать лица, страдающие наркотической зависимостью.

Среди компонентов содержания уголовно-правовой политики противодействия незаконному обороту прекурсоров не последняя роль отведена исполнению уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера; исправление лиц, совершивших указанные преступления; социальная адаптация (ресоциализация) лиц, отбывших наказания за эти посягательства (в первую очередь, лиц, страдающих наркотической зависимостью).

Заключительным элементом исследуемой политики выступает выработка и внесение уточнений в уголовное законодательство в области урегулирования вопросов уголовно-правового противодействия наркотизму с учетом анализа имеющихся, на сегодняшний день, изменений, как в этом явлении, так и в системе условий социальной жизни общества в целом.

Источники:

1. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. - С.15.
2. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики: учебное пособие. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. - С.53.
3. Комиссаров В.С. Борьба с преступностью мерами уголовного права (понятие, сущность содержание). - М.: Изд-во Московского университета, 1989. - С.30.
4. Загородников Н.И, Стручков Н.А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. - 1981. - №7. - С.49.
5. Уголовное право России: В 2-х т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Издательство «Норма», 2000. - С.3-4.
6. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. - Курск: РОСИ, 2000. - С.17.
7. Малышева О.А. К вопросу о понятии «уголовная политика» // Российский следователь. - 2005. - №9. - С.28.
8. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность — планетарная проблема / :глобальная угроза и поиски глобальных ответов. XI Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию / Ю. В. Голик, А. И. Коробеев. // Российский ежегодник уголовного права. - 2006. - №1. - СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. - С. 326 - 370.

9. Зуй И.И. Криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2009. С. 14-15.
10. Собрание законодательства РФ. - 1998. - №2. - Ст.219; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
11. Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. - Вып. XLVII. - М., 1994. - С.133-157 // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121092> по состоянию на 15.05.2014; Федеральный закон от 25.10.1999 г. №190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней» // Собрание законодательства РФ. - 1999. - №43. - Ст.5129.
12. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lucknow.pdf.
13. Постановление Верховного Совета РФ от 22.07.1993 г. №5494-1 «О Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - №32. - Ст.1265.
14. Уильям Э. Батлер. ВИЧ/СПИД и злоупотребление наркотическими средствами в России: программы снижения вреда и российская правовая система. – Лондон: International Family Health, 2003. - С.45.
15. Бюллетень стенограммы заседаний Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Третий созыв. - 2000. - №24 (472). - 4.1. - С. 19-25.
16. Руководящие принципы и основные направлений деятельности в Российской Федерации по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблению ими на период до 2008 года», утв. Решением совещания членов Совета Безопасности РФ 29 июня 1999 г. // Бюллетень стенограммы заседаний Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Третий созыв. - 2000. - №24 (472). - С.19-25.
17. Огилец Н.И. Уголовная ответственность за незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами (по материалам судебной практики Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2005. - С. 21-22, 23.
18. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - С.120-121.

Батютина И.Н.
эксперт в области промышленной безопасности
Э11 ТП III категория, Э 11 ТУ III категория
г. Славянск-на-Кубани
Batyutina I.N.
in the field of industrial safety expert
E11 TP III category E TU 11 Category III
Slavyansk-on-Kuban

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕДУРЫ АТТЕСТАЦИИ ЭКСПЕРТА В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

LEGAL BASIS OF PROCEDURE OF CERTIFICATION INDUSTRY SAFETY EXPERTS

Аннотация. В статье проанализированы новеллы российского законодательства о процедуре аттестации и правовом статусе экспертов в области промышленной безопасности.

Ключевые слова: эксперт в области промышленной безопасности, аттестация экспертов, промышленная безопасность опасных производственных объектов, административная ответственность эксперта, уголовная ответственность эксперта.

Annotation. The article analyzes the Russian legislation on appraisal procedures and the legal status of industrial safety experts.

Key words: expert in the field of industrial safety, certification of experts, industrial safety of dangerous industrial objects, expert's administrative liability, expert's criminal liability.

Государственное регулирование в отношении объектов, безопасность которых влияет на жизнь и здоровье граждан, функционирование общества и государства, имеет первостепенное значение. Снижение уровня угроз крупных промышленных аварий – важнейшая задача промышленного сообщества России. Поэтому нельзя не заметить, что в последнее время на законодательном уровне более детально регламентируется как процедура эксплуатации опасных производственных объектов, так и порядок проведения экспертизы промышленной безопасности.

Хотя проведение экспертизы промышленной безопасности – уже не новый и признанный на практике эффективным способ повышения уровня безопасности процессов, связанных с эксплуатацией опасных производственных объектов, легальная дефиниция «экспертиза промышленной безопасности» была введена только недавно федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 186-ФЗ (далее – ФЗ № 186) [2], который внес

многочисленные изменения в ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее – ФЗ № 116) [4] и другие законодательные акты. Итак, экспертиза промышленной безопасности – определение соответствия объектов экспертизы промышленной безопасности предъявляемым к ним требованиям промышленной безопасности. Объекты указаны в пункте 1 статьи 13 ФЗ № 116:

- документация на консервацию, ликвидацию опасного производственного объекта;
- документация на техническое перевооружение опасного производственного объекта в случае, если указанная документация не входит в состав проектной документации такого объекта, подлежащей экспертизе в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности;
- технические устройства, применяемые на опасном производственном объекте, в установленных законом случаях;
- здания и сооружения на опасном производственном объекте, предназначенные для осуществления технологических процессов, хранения сырья или продукции, перемещения людей и грузов, локализации и ликвидации последствий аварий;
- декларация промышленной безопасности, разрабатываемая в составе документации на техническое перевооружение (в случае, если указанная документация не входит в состав проектной документации опасного производственного объекта, подлежащей экспертизе в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности), консервацию, ликвидацию опасного производственного объекта, или вновь разрабатываемая декларация промышленной безопасности;
- обоснование безопасности опасного производственного объекта, а также изменения, вносимые в обоснование безопасности опасного производственного объекта. Отметим также, что обоснование безопасности – новый институт, введенный федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 22-ФЗ [3].

ФЗ № 186 также ввел понятие «эксперт в области промышленной безопасности», под которым понимается физическое лицо, аттестованное в установленном Правительством Российской Федерации порядке, которое обладает специальными познаниями в области промышленной безопасности, соответствует требованиям, установленным федеральными нормами и правилами в области промышленной безопасности [7], и участвует в проведении экспертизы промышленной безопасности. Дан-

ное нововведение вносит принципиальные изменения в статус лиц, выполняющих экспертизу.

Требования к экспертам определены в разделе II Правил проведения экспертизы промышленной безопасности и зависят от категории, на которую претендует заявитель. Предусмотрены 3 категории в зависимости от категорий опасности объектов, на которых эксперт может выполнять работы по экспертизе промышленной безопасности. Так, эксперт первой категории может выполнять работы на опасных производственных объектах I, II, III, IV категорий опасности; эксперт второй категории - на опасных производственных объектах II, III, IV категорий опасности; эксперт третьей категории - на опасных производственных объектах III, IV категорий опасности.

Эксперт первой категории должен иметь высшее образование, иметь стаж работы не менее 10 лет по специальности, соответствующей его области (областям) аттестации, иметь опыт проведения не менее 15 экспертиз промышленной безопасности; эксперт второй категории должен иметь высшее образование, иметь стаж работы не менее 7 лет по специальности, соответствующей его области (областям) аттестации, иметь опыт проведения не менее 10 экспертиз промышленной безопасности; эксперт третьей категории должен иметь высшее образование, иметь стаж работы не менее 5 лет по специальности, соответствующей его области (областям) аттестации [7].

Общим требованием для экспертов всех категорий является обладание знаниями нормативных правовых актов Российской Федерации в области промышленной безопасности, используемых средств измерений и оборудования, а также методов технического диагностирования, неразрушающего и разрушающего контроля технических устройств, обследования зданий и сооружений. Данное требование вступает в силу с 1 января 2017 г.

Аттестация экспертов в области промышленной безопасности производится в соответствии с Положением, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2015 г. № 509 (далее – Положение) [1]. В соответствии с названным Положением, физическое лицо, претендующее на прохождение аттестации, должно обладать специальными познаниями в области промышленной безопасности и соответствовать обязательным требованиям к экспертам в области промышленной безопасности [7].

Согласно п. 6 Положения, аттестация включает: а) рассмотрение представленных заявителем заявления и документов, подтверждающих его соответствие обязательным требованиям; б) проверку знаний и навыков заявителя в соответствии с обязательными требованиями (квалифи-

кационный экзамен). При этом для прохождения аттестации заявитель представляет в Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору пакет документов, в числе которых – копия документа установленного образца о наличии высшего образования и ученой степени (при наличии).

По результатам проверки представленных заявителем документов согласно п. 11 Положения Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору принимает одно из следующих решений: а) о допуске заявителя к прохождению квалификационного экзамена; б) об отказе в допуске заявителя к прохождению квалификационного экзамена в случае его несоответствия обязательным требованиям. Квалификационный экзамен проводится в срок, не превышающий 3 месяцев со дня получения документов. Результат проведения квалификационного экзамена оформляется протоколом заседания аттестационной комиссии.

В случае успешного прохождения экзамена на основании протокола заседания аттестационной комиссии Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору принимает одно из 3 решений об аттестации заявителя в соответствующей области аттестации с правом проведения экспертизы в отношении опасных производственных объектов определенных классов опасности. Далее в течение 3 рабочих дней со дня принятия решения об аттестации заявителя сведения об аттестации эксперта вносятся в реестр экспертов в области промышленной безопасности и эксперту не позднее 7 рабочих дней со дня принятия решения об аттестации выдается квалификационное удостоверение эксперта в области промышленной безопасности по форме, утвержденной Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору. Важно отметить, что в соответствии с п. 22 Положения эксперты подлежат очередной аттестации каждые 5 лет и проходят вновь всю процедуру аттестации, указанную выше.

Следует обратить особое внимание, что исходя из п. 24 Положения Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору принимает решение о прекращении действия аттестации (квалификационного удостоверения) и об исключении сведений о физическом лице из реестра экспертов в следующих случаях:

а) получение от эксперта заявления об отказе от продолжения деятельности в качестве эксперта в период действия аттестации, которое составляется в свободной форме и направляется заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении либо в виде электронного документа, подписанного электронной подписью, через информационно-телекоммуникационные сети общего доступа, включая сеть «Интернет», в том числе посредством Единого портала;

б) поступление сведений о смерти эксперта, признании его в установленном порядке недееспособным или ограниченно дееспособным;

в) получение удостоверенной работодателем копии приказа о прекращении трудового договора в связи с признанием эксперта полностью неспособным к трудовой деятельности в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

г) вступление в законную силу решения о назначении в отношении эксперта уголовного или административного наказания за дачу заведомо ложного заключения экспертизы промышленной безопасности;

д) участие эксперта в проведении экспертизы промышленной безопасности в отношении опасного производственного объекта, на котором произошли авария или несчастный случай со смертельным исходом, если по результатам технического расследования установлено, что причиной (одной из причин) таких аварии или несчастного случая со смертельным исходом явились недостатки или нарушения, допущенные при проведении им экспертизы промышленной безопасности;

е) установление факта представления заявителем для прохождения аттестации подложных документов или заведомо ложных сведений;

ж) непрохождение экспертом очередной аттестации в установленный срок.

Как видно, данная норма носит императивный характер, и перечень случаев прекращения действия аттестации эксперта является исчерпывающим. Также можно отметить, что среди оснований прекращения действия аттестации эксперта есть случаи, касающиеся административно-правовой и уголовно-правовой ответственности эксперта. Соответствующие изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены ФЗ № 186 и действуют с 1 января 2014 г.

Так, ст. 9.1 КоАП главы 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике» была дополнена частью 4:

Дача заведомо ложного заключения экспертизы промышленной безопасности, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния, -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от шести месяцев до двух лет; на юридических лиц - от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.

В примечании к данной статье сказано, что эксперты в области промышленной безопасности, совершившие при проведении экспертизы промышленной безопасности административные правонарушения,

предусмотренные настоящей статьей, несут административную ответственность как должностные лица.

В свою очередь, в УК РФ в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» была введена новая статья:

Статья 217.2. Заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности

1. Дача экспертом в области промышленной безопасности заведомо ложного заключения экспертизы промышленной безопасности, если это могло повлечь смерть человека либо повлекло причинение крупного ущерба, -

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, -

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц, -

наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет или без такового.

Крупным ущербом, о котором говорится в ч. 1 ст. 217.2, согласно ст. 216 УК, признается ущерб, сумма которого превышает пятьсот тысяч рублей. Что касается процессуальных аспектов ведения таких уголовных дел, то теперь, согласно изменениям в УПК РФ, предварительное следствие по данной статье производится следователями Следственного комитета Российской Федерации; дела по ч. 1 настоящей статьи подсудны мировому судье, по остальным частям – районным судам.

В уголовно-правовой науке уже появились комментарии к ст. 217.2 УК РФ. Заведомо ложным признается заключение экспертизы промышленной безопасности, подготовленное без проведения указанной экспертизы или после ее проведения, но явно противоречащее содержанию материалов, предоставленных эксперту или экспертам в области промышленной безопасности и рассмотренных в ходе проведения экспертизы, или фактическому состоянию технических устройств, зданий и сооружений, являвшихся объектами экспертизы промышленной безопасности [5]. Трудность в применении данной статьи состоит в том, что ч. 1 предусматривает смешанный состав («могло повлечь смерть человека» -

состав опасности с прямым умыслом, «повлекло причинение крупного ущерба» - материальный состав с неосторожной формой вины; соответственно, меняется и момент окончания преступления. Квалифицированные составы в ч. 2 и 3 ст. 217.2 также предусматривают материальный состав с неосторожной формой вины). Нельзя не согласиться с А.В. Иванчиным в том, что признак «могло повлечь смерть человека» является аморфным. В конкретном уголовном деле оценка опасности ложного заключения эксперта в области промышленной безопасности a priori будет вероятностной. В итоге страдает принцип законности, предполагающий формальную определенность состава преступления. Кроме того, доказывание опасности наступления последствий - еще более трудоемкий процесс, нежели установление самих последствий [6]. Судебная практика по ст. 217.2 пока отсутствует, но в дальнейшем, во избежание неправильного толкования и применения указанной статьи в части состава опасности, законодателю следует сформулировать более четко содержание признаков состава преступления.

В результате анализа новелл российского законодательства о правовом статусе эксперта в области промышленной безопасности мы пришли к нескольким выводам. Прежде всего надо отметить, что действующие эксперты долгое время работали в сложной ситуации, когда их деятельность законодательно практически не регламентировалась. То, что за последние 3 года произошел прорыв в этой сфере – конечно, следует оценить положительно. С другой стороны, налицо воля законодателя на предъявление высоких профессиональных требований к лицам, осуществляющим экспертизу опасных производственных объектов. В том, что усложнилась процедура аттестации эксперта, можно усмотреть тенденцию на дальнейшее сокращение их числа в России с освобождением рынка от экспертов, квалификация которых не соответствует современным требованиям, не владеющих необходимыми знаниями в своей профессиональной деятельности, имеющих недостаточный опыт работы. Будем надеяться, что с учетом всех изменений действующая система промышленной безопасности сможет найти адекватное решение самой главной задачи – обеспечения безопасности на опасных производственных объектах.

Источники:

1. Об аттестации экспертов в области промышленной безопасности: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2015 г. № 509.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части проведения экспертизы промышленной безопасности и уточнения отдельных полномочий органов государственного надзора при производстве по делам об административных правонарушениях: Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 186-ФЗ.

3. О внесении изменений в федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», отдельные законодательные акты российской федерации и о признании утратившим силу подпункта 114 пункта 1 статьи 333.33 части второй Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 22-ФЗ.
4. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ.
5. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. – М.: «КОНТРАКТ», 2015. С. 474.
6. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014. С. 202.
7. Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила проведения экспертизы промышленной безопасности», приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 14 ноября 2013г. № 538.

Бацун Я.В.
*студентка 3 курса юридического факультета
НОУ ВО «Кубанский социально-экономический институт»*

Дынько А.П.
*доцент кафедры гражданского права и процесса
НОУ ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук*

Batsun Ia.V.
*3rd year student of the Faculty of Law
"Kuban Social and Economic Institute"*

Dinko A.P.
*associate Professor of Civil Law and Procedure
"Kuban Social and Economic Institute"
candidate of Legal Sciences*

ФОРМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

FORMS OF CIVIL PROTECTION OWNERSHIP OF PROPERTY

Аннотация. В данной статье рассматриваются предусмотренные законом формы защиты права собственности на недвижимость. Авторы уделяют особое внимание классификации форм защиты: юрисдикционным и неюрисдикционным. Более подробно рассматривается самозащита гражданских прав, которая, по мнению автора настоящей статьи, является формой, а не способом защиты права собственности на недвижимость.

Ключевые слова: гражданско-правовая защита, право собственности, классификация форм собственности, юрисдикционная форма, неюрисдикционная форма.

Annotation. This article discusses the statutory forms of protection of property rights for real estate. The authors pays particular attention to the classification of the forms of protection: Jurisdictional and non-jurisdictional. More detail the self-defense of civil rights, which, according to the author of this article, is a form, not a way to protect the ownership of the property.

Key words: civil-law protection, ownership, classification of forms of ownership, the form of jurisdictional, non-jurisdictional form.

Исходя из Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, право собственности - это вещное право, которое дает лицу наиболее полное господство над вещью, в том числе путем владения, пользования и распоряжения ею, а также совершения в отно-

шении ее любых действий, не запрещенных законом и не нарушающих права и охраняемые законом интересы других лиц.

Этому определению, по сути, в полной мере отвечает право собственности на недвижимую вещь. В качестве признаков недвижимой вещи российский законодатель в ст. 130 ГК РФ закрепил прочную связь с землей и невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба своему назначению. Главный признак недвижимой вещи - это, конечно же, прочная связь с землей.

Статья 45 Конституции РФ закрепляет государственные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, а также право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

В сфере частного права данная конституционная норма находит свою реализацию путем закрепления в ГК РФ перечня способов защиты гражданских прав. Так, в соответствии со ст. 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется следующими способами:

- признание права;
- восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- признание оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки;
- признание недействительным решение собрания;
- признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;
- самозащита права;
- присуждение к исполнению обязанности в натуре;
- возмещение убытков;
- взыскание неустойки;
- компенсация морального вреда;
- прекращение или изменение правоотношения;
- неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону;
- иными способами, предусмотренными российским законодательством.

Вышеуказанные способы защиты могут применяться при защите любого вида гражданских прав, в том числе и, непосредственно при защите права собственности на недвижимость.

Безусловно, большая часть способов защиты гражданских прав реализуется при обращении уполномоченных лиц в судебные органы государственной власти.

Согласно ст. 11 ГК РФ защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд. Защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом. Решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде.

По сути, в данной статье речь идет о формах защиты права, под которой в цивилистике понимают комплекс внутренне согласованных организационно-правовых мероприятий по защите субъективного права (в частности, права собственности), осуществляемых уполномоченными органами либо лицами, то есть носителями данного права, направленного на восстановление нарушения.

Ряд современных ученых и деятелей в области юриспруденции считают неверным употреблять термин «формы» защиты гражданских прав. Напротив, они выделяют особый «порядок» их защиты.

Ясность в этот вопрос, на наш взгляд, вносит Т.Е. Абова, которая отмечает, что формы защиты указывают на того, кто осуществляет непосредственную защиту нарушенного права, а порядок защиты раскрывает то, как, каким образом данная защита будет осуществляется.

Учитывая содержание ст. 11 ГК РФ (перечень органов, которые вправе (обязаны) оказывать защиту нарушенного права), речь в ней идет именно о формах защиты гражданских прав и права собственности на недвижимые вещи.

Таким образом, можно говорить о том, что деятельность по защите права собственности на недвижимость протекает в определенных законом формах с соблюдением установленного процессуального порядка и осуществляется предусмотренными законом способами на защиту.

По нашему мнению, основной классификационной формой защиты, предлагаемой научной доктриной, в конечном счете, является: юрисдикционная и неюрисдикционная форма.

Защита права собственности на недвижимость может быть осуществлена в обеих формах, однако, на практике чаще всего собственники предпочитают именно юрисдикционную форму для защиты своих нарушенных прав, что связано с особым правовым режимом объектов самого недвижимого имущества.

Итак, юрисдикционная форма защиты представляет собой деятельность уполномоченных государством органов власти по защите нарушенных или оспариваемых субъективных прав граждан. Защита в рамках

юрисдикционной формы может осуществляться судом или административными органами власти. Кроме того, в рамках юрисдикционной формы защиты учеными особо выделяется деятельность нотариусов.

Неюрисдикционная форма защиты охватывает собой действия граждан и организаций по защите гражданских прав и охраняемых законом интересов, которые совершаются ими самостоятельно, без обращения за помощью к государственным и компетентным органам. В ГК РФ указанные действия, как отмечают некоторые специалисты, обозначены термином «самозащита гражданских прав» и рассматриваются в качестве способа защиты гражданских прав, что, по мнению ряда ученых, является в корне неверным. Данную позицию мы полностью поддерживаем и считаем неправильным ставить самозащиту в один ряд с другими способами защиты гражданских прав.

Самозащита как особый, предусмотренный законом случай защиты, специфика которого состоит в том, что управомоченное лицо непосредственно собственными действиями может воздействовать на нарушителя для защиты своего права, безусловно, представляет собой форму, а не способ защиты.

Кроме того, в ст. 14 ГК РФ законодатель отмечает, что у самозащиты есть свои особые способы, выбор которых он оставляет за конкретным лицом, чье право нарушено. Например, в отношениях собственности самозащита может быть осуществлена преимущественно действиями фактического порядка (необходимая оборона со стороны собственника в случае возникновения ситуации незаконного завладения его недвижимостью третьим лицом, условия реализации которой определены ст. 1066 ГК РФ).

Таким образом, в нормах ГК РФ допускает существование трех форм защиты: судебной, административной и самозащиты. В связи с этим присоединяемся к мнению цивилистов, предлагающих внести соответствующие изменения в нормы ГК РФ. Так, ст. 11 ГК РФ видится более правильным переименовать в «Формы защиты гражданских прав», дополнив ее пунктом 3 «В рамках закона допускается самозащита гражданских прав. Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению или угрозе нарушения права и не выходить за пределы действий, необходимых для их пресечения. Действия по самозащите гражданских прав могут быть обжалованы в суде». При этом ст. 14 ГК РФ как излишнюю следует упразднить, а в ст. 12 ГК РФ «Способы защиты гражданских прав» вместо термина «самозащиты права» закрепить термин «способы самозащиты права».

Подобный подход, по нашему мнению, позволит строго упорядочить допускаемые формы защиты нарушенных гражданских прав в одной статье, что создаст при этом необходимые ориентиры для практики и

исключит дальнейшие дискуссионные мероприятия по данному вопросу в науке гражданского права РФ.

Источники:

1. Конституция Российской Федерации Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации с изменениями на 10.10.2015 г.
3. Абова, Т.Е. Охрана хозяйственных прав предприятий / Т.Е. Абова. – М.: «Юрид. литература», 1975.
4. Арефьев, Г.П. Понятие защиты субъективных прав / Г.П. Арефьев // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. – Калининград, 1982.
5. Гончаров, Е.И. Вопросы реализации самозащиты прав и свобод человека и гражданина в гражданском законодательстве Российской Федерации / Е.И. Гончаров // Гражданское право. – 2006.
6. Тужилова-Орданская, Е.М. Проблемы защиты прав на недвижимость в гражданском праве России: монография / Е.М. Тужилова-Орданская. – М.: ООО «Издательский дом «Буквовед», 2007.

Жинкина Т.Ю.
*аспирантка кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
преподаватель кафедры общетеоретических и
государственно-правовых дисциплин
НОУ ВО «Кубанский социально-экономический институт»*
Zhinkina T.Yu.
*postgraduate student,
Department of criminal law and criminology
Kuban State University
Lecturer, Department of general theoretical and state-legal disciplines
Kuban Social and Economic Institute*

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

THE APPLICATION OF THE RULES OF CIVIL AND CRIMINAL LAW IN ESTABLISHING EVIDENCE OF A CRIME

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу использования норм гражданского и уголовного права при квалификации преступлений. На примере преступлений в сфере экономической деятельности можно проследить характер взаимодействия разных отраслей права при установлении признаков составов, содержащихся в нормах УК РФ с бланкетными диспозициями.

Ключевые слова: состав преступления, квалификация преступлений в сфере экономической деятельности, бланкетные диспозиции, межотраслевые связи уголовного закона.

Annotation. This article is devoted to the application of the rules of civil and criminal law in the qualification of crimes. For example, crimes in the sphere of economic activity can be traced to the nature of interaction between different branches of law in determining the constituent elements contained in the Criminal Code rules with blanket dispositions.

Key words: the offense, qualification of crimes in the sphere of economic activity, blanket dispositions, intersectoral communication of criminal law.

Совершенствование межотраслевых связей уголовного закона относится к одному из приоритетных направлений решения проблемы повышения эффективности его применения на практике [5, С. 23]. Наиболее заметно взаимодействие норм различных отраслей при квалифика-

ции преступлений, содержащихся в главе 22 УК РФ. Не будет преувеличением утверждение, что только с решением вопроса о соотношении уголовного и регулятивных отраслей права можно связывать адекватную преступлениям в сфере экономической деятельности правоприменительную практику [8, С. 6].

Квалификация преступлений как форма правоприменительной деятельности позволяет установить основание уголовной ответственности (согласно ст. 8 УК РФ это совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом). Таким образом, базовой категорией для квалификации являются преступление и его состав. Ключевое значение имеют именно признаки состава преступления, ведь если неверно уяснить содержание хотя бы одного из них, можно допустить ошибку в выборе нормы, подлежащей применению.

Анализ научной литературы показывает, что, говоря о квалификации преступления, ученые обращают внимание на необходимость использования норм только уголовного закона (как Общей, так и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации) для установления признаков состава преступления. Вместе с тем, заметно игнорирование роли положений, содержащихся в других отраслях права, к которым отсылает бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы. Такой пробел теории уголовного права не соответствует реально сложившейся необходимости использования на практике норм даже гражданского права – отрасли, которая традиционно противопоставлялась из-за своего частного характера публичному уголовному праву.

От четкой и ясной обрисовки состава преступления в законе напрямую зависят результаты практической деятельности в сфере борьбы с преступностью [2, С. 5]. В случае же, если законодатель описывает состав с помощью бланкетной диспозиции (а таких в главе 22 УК РФ – большинство), возникает ряд вопросов теоретического и практического характера, связанных с нормами, подлежащими применению при квалификации преступлений. Поэтому еще на стадии описания состава «творцу» уголовного закона важно найти баланс между использованием полезных свойств формулирования диспозиции бланкетным способом (экономичность, гибкость уголовного закона) и недопущением неточности, неясности, «размытости» уголовно-правовой нормы.

Заметим, что сама по себе отсылка к нормам других отраслей права еще не означает, что норма сформулирована неточно, неясно, непонятно. Нужно, прежде всего, обращать внимание на речевые обороты при формулировании состава преступления. Так, С.С. Тихонова при анализе качества уголовно-правовых предписаний с позиции законодательной техники отмечает, что формулировка диспозиций статей 170¹ и 185⁵ не вызывает критики. Диспозиция части 1 статьи 185⁵ содержит 5 при-

частных оборотов, не считая огромного количества однородных членов предложения, в связи с чем «смысловая нить» теряется при прочтении менее трети от общего текста диспозиции». Для устранения погрешностей текста такого рода ученый предлагает разделить предложения, излишне перегруженные синтаксическими конструкциями. Отступление от принципа экономии текста уголовного закона в данном случае, по словам С.С. Тихоновой, повысит эффективность восприятия уголовно-правовых предписаний правоприменителем [7, С. 173-174].

В то же время, нельзя оставить без внимания позицию А.И. Ситниковой: «повышение ясности законодательного текста одновременно ведет к снижению точности нормативных предписаний... Следует отказаться от принципа упрощения нормативных текстов, за счет которого достигается пресловутая ясность. Решение проблемы качества уголовного закона связано с решением проблемы компетентности адресатов» [6, 125-126].

Далее обратим внимание на терминологию. В научной литературе можно встретить употребляемые как синонимы понятия: «бланкетная диспозиция», «бланкетная норма», «бланкетный состав». В этой связи следует согласиться с Б.В. Волженкиным, отмечающим: «ни уголовно-правовая норма, как общеобязательное правило поведения, ни состав преступления, как совокупность признаков, характеризующих деяние как преступление, не могут быть бланкетными. Бланкетен лишь способ изложения соответствующей нормы в диспозиции статьи закона и в описании состава преступления опять-таки в статье закона. Поэтому бланкетными могут быть лишь диспозиции статей уголовного закона» [1, С. 22].

Следует признать, что, конструируя состав преступления и размещая его в уголовном законе с использованием бланкетной диспозиции, законодатель фиксирует все его признаки именно в УК РФ, а не в актах иной отраслевой принадлежности [2, С. 51]. А нормативные акты, к которым отсылают бланкетные диспозиции, сами по себе не содержат уголовно-правовых норм. В гражданском законодательстве, например, закреплен порядок *дозволенного и правомерного поведения* участников гражданского оборота и предусмотрены гражданско-правовые санкции за нарушение этого порядка. В уголовном же законе закрепляются *противоправные* (курсив мой, Т. Ж.) деяния, имеющие максимальную степень общественной вредности, именуемой общественной опасностью. И задача уголовного права вовсе не состоит в том, чтобы установить санкции за нарушение гражданско-правовых отношений.

Тем не менее, исследование преступлений в сфере экономической деятельности невозможно без изучения норм всех отраслей, регулирую-

щих отношения в этой сфере: их незнание исключает возможность определить даже наличие или отсутствие объекта конкретного деяния, а следовательно, и состава преступления [8, С. 27].

По мнению Д.М. Пайвина, правильное применение положений гражданского законодательства при квалификации преступлений требует особого внимания правоприменителя при установлении объекта, предмета и субъекта преступления, а также лица, пострадавшего от преступного деяния [4].

Исходя из классического понимания квалификации преступлений, в содержание данного термина входит как *процесс* установления соответствия признаков общественно опасного деяния признакам состава преступления, так и его *результат*, выражающийся в юридическом закреплении данного соответствия. Получается, если правоприменитель в своей деятельности использует нормы гражданского или иной отрасли материального права, то это должно быть отражено и в результате квалификации, то есть в правоприменительном акте. Представляется, что это не противоречит положению ч. 1 ст. 1 УК и не говорит о необходимости признать неуголовное законодательство формальным источником уголовного права или его норм, но вполне отражает ход реальной мыслительной деятельности субъекта квалификации. В одной из новых работ по рассматриваемой проблеме можно встретить следующее справедливое указание на содержательную сторону принципа точности квалификации: «Если диспозиция подлежащей применению статьи (части статьи) Особенной части имеет бланкетную конструкцию, то есть в качестве обязательного признака преступления предусматривает нарушение специальных правил, в описательно-мотивировочной части правоприменительного акта необходимо указать конкретные пункты нарушенных правил [3, С. 71-73].

Таким образом, межотраслевые связи уголовного закона должны учитываться правоприменителем при квалификации содеянного. Данное направление общей теории квалификации преступлений находится лишь на пути становления и представляется весьма актуальным объектом дальнейшего исследования.

Источники:

1. Волженкин Б.В. О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения. Материалы третьей научно-практической конференции. Ярославль, 2004.
2. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014.

3. Квалификация преступлений: учеб. пособие / под ред. докт. юрид. наук, доц. К.В. Ображиева, докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016.
4. Пайвин Д.М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2005.
5. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. – М.: «КОНТРАКТ», 2015.
6. Ситникова А.И. Проблема качества уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2014. № 4. С. 125-126.
7. Тихонова С.С. О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22.
8. Шишко И.В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

Ильин А.В.

*студент 2 курса юридического факультета
Кубанского института социэкономики и права
(филиал) ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений»*

Мартынова Т.В.

*заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Кубанского института социэкономики и права
(филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
кандидат юридических наук, доцент*

Ilyin A.V.

*2nd year student of juridical faculty
Kuban Institute of socioeconomics and law
(branch) of PMO IN the «Academy of labour and social relations»*

Martynova T.V.

*Head of Department of Criminal Law and Procedure
Kuban Institute of Socio-Economics and Law
(branch) OUP IN "Academy of Labour and Social Relations"
PhD, Associate Professor*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

CRIMINOLOGICAL REALITIES IN HUMAN RIGHTS

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать причины и условия, способствующие действию причин преступности.

Ключевые слова: права человека, законность, преступность, правоохранительные органы, борьба с преступностью.

Abstract. The article attempts to analyze the causes and conditions conducive to the action of the causes of crime.

Key words: human rights, law, crime, law enforcement, the fight against crime.

Механизм защиты прав человека можно считать относительно состоявшимся в науке. Его важнейшими составляющими традиционно признаются нормативные документы, организации и органы, обеспечивающие реализацию тех или иных прав, практика применения нормативных документов, контроль и процедуры рассмотрения споров, отвечающие всем существующим международным стандартам в этой области [1].

Конституция Российской Федерации (далее-Конституция РФ) является основным нормативным актом, устанавливающим как основы, так и принципы деятельности органов государственной власти по обеспече-

нию защиты прав личности, которые закреплены в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина». Статья 2 регламентирует, что «человек и его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» [2].

Конституция РФ, определив объектом правоохранительной деятельности права и свободы человека, устанавливает систему гарантий их соблюдения и защиты, закрепляет обязательность их обеспечения [3].

Нормативно-правовым основанием для организации и деятельности органов внутренних дел служит отнесение Конституцией РФ к прерогативе Правительства проведение мер «по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью» [4].

Так в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, отмечается, что «главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере» [5].

Какие же условия должны быть созданы для обеспечения состояния защищенности человека от факторов опасности на уровне его личных интересов и потребностей?

Большинство людей в современном мире беспокоятся за свою безопасность от новых криминальных угроз и обоснованно требуют от правоохранительных сил принятия адекватных мер социальной защиты [6].

Многие ученые пытались дать определение общей причине всей преступности заключая, что «общая причина преступности в любом обществе – объективные социальные противоречия» [7].

Рост преступности никто не называет закономерностью, но он проявляет себя как закономерность: чем выше цивилизация, тем выше рост преступности. С 70-ых годов к настоящему времени учеными наблюдается более чем шестикратное увеличение уровня преступности. Европейские, американские, русские социологи и криминалисты утверждают, что преступность неизбежна [8].

Возникает вопрос: такова природа человека, что ради наживы он ворует, грабит и даже убивает себе подобного? Звери живут инстинктом, а людям дан разум, звери убивают, чтобы питаться, а человек - чтобы улучшить свое благосостояние. Поиск причин преступности не прокидает людей многие годы [9].

С точки зрения известного ученого и криминалиста Чезаре Ломброзо преступление может совершить только преступный тип человека. Но, что Ломброзо подразумевает под преступным типом? Типологически и биологически определенное существо, которое наделено дегенеративными свойствами. Прогресс по определению идет от худшего к лучшему, и одно всегда вытесняет другое, но уж если лучшее сосуществует с худшим, то это худшее относится к другому, более раннему типу развития. И это худшее - исключение из правил, то, чего не должно существовать [10].

Ч. Ломброзо выдвигал различные биологические признаки человека, способного совершить преступление, и даже более того, человека, который обязательно его совершит. Многие говорили, что его гениальность граничит с его помешательством, так как он фанатично верил в правильность своей теории. Но, несмотря на то, что она и была верна на определенную часть, этого было явно недостаточно, чтобы назвать людей имеющих описанные им черты преступниками.

Энрико Ферри (ученик Ломброзо) опубликовал свою работу «Теория невменяемости и отрицание свободной воли». Отталкиваясь от идеи своего учителя о биологических основах причинности, он вместе с тем уделил большое внимание взаимодействию социальных, экономических и политических факторов. Ферри полагал, что государство должно стать тем основным инструментом, при помощи которого можно добиться улучшения условий жизни людей [11].

Однако, в современном мире до сих пор остаются актуальными взгляды Карла Маркса, известного ученого и философа [12]. Он самым первым выдвинул точку зрения, что не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание, и до сих пор в современной философии и психиатрии нет опровержения этому мнению [13].

Это утверждение Маркса, примененное в криминологии, отражает мнение современных ученых о том, что люди преступниками становятся, но они ими не рождаются, как считал Ломброзо.

Российский правовед, специалист в области криминологии и криминальной психологии, Ю.М. Антонян, описывает наиболее актуальные причины преступности в России, основная их часть, действительно, обусловлено влиянием социального благополучия населения на сознание конкретного человека [14].

Среди факторов, порождающих преступность современной России, отмечаются следующие:

1. Низкий уровень материального обеспечения некоторых групп населения.

2. Традиционная агрессивность, давно присутствующая в нашем обществе, отразившаяся в первую очередь на насильственной преступности, затронувшая экономические преступления.

3. Огрубление нравов, снижение нравственности в отдельных социальных группах в связи с утратой старых идеологических ориентиров и принципов и несформированностью новых, а также дезорганизацией жизни.

4. Депрессия и высокий уровень тревожности людей, также были названы одной из причин преступности. Этот уровень тревожности зафиксирован многими исследованиями, психологическими и социологическими, результаты которых не оставляют сомнений в том, что тревожность в числе прочих факторов порождает преступность.

Во многом в формировании высокого уровня тревожности повинны средства массовой информации: на страницах газет и журналов, на телевидении все время говорится об убийствах, грабежах, взрывах, наводнениях, подлости, гадости, предательствах. Люди начали воспринимать такое положение вещей как норму жизни, но не перестали всего этого бояться. Страшащийся инстинктивно все время готов к обороне, поскольку постоянно ожидает нападения. Но лучшей защитой является нападение. И эмпирические исследования показывают, что большинство людей все время защищаются от действительной или мнимой опасности. Но мнимая в глазах окружающих, она в их глазах совершенно реальна. Поэтому, защищаясь от нее, можно дойти до преступления: похищая, например, человек защищается от нищеты, утраты жизненных благ и т.д.

Помимо причин, существует комплекс условий, способствующих действию причин преступности. Среди них можно выделить:

- упущения и ошибки в деятельности государственных органов, школ и других учебных заведений, ответственных за воспитание людей, особенно подрастающего поколения. Школа не только не компенсирует недостатки семейного воспитания, но и сама не обеспечивает должного формирования личности детей и подростков;

- недостатки, а иногда и злонамеренные действия хозяйствующих субъектов (администрации и (или) владельцев предприятий,строек, шахт и т.д.), которые не проявляют необходимой экономической и финансовой инициативы, грубо нарушают права и интересы рабочих и служащих, не выплачивают им заработной платы, закрывают предприятия, не проявляя заботы об обеспечении работой потерявших заработок людей, не оказывая им социальной помощи и т.д.;

- недостатки в деятельности правоохранительных органов, их низкая эффективность в борьбе с преступностью, непринятие должных мер по раскрытию преступлений и наказанию преступников, сокрытие преступлений от учета, а во многих случаях и сращивание с преступниками;

коррупция в правоохранительных органах - один из главных пороков нашего общества;

- широкое распространение таких непреступных антиобщественных явлений, как бродяжничество, алкоголизм, наркомания, проституция.

К похожему выводу приходит и В.В. Лунев: «Инструментарий воздействия на такое сложное общественное явление, как преступность, значительно шире, чем исключительно меры уголовного воздействия, и поэтому сама витальная потребность государства мобилизует все силы общества на эту борьбу. Безработица, нищета, социальная несправедливость и вопиющее социально-экономическое неравенство – вот наиболее сильные мотиваторы растущей преступности, экстремизма, терроризма» [15].

Однако, и по сей день, сложно с точностью определить мотивы лиц, совершаемых преступлений.

Не смотря на все усилия человечества, направленные на защиту прав и свобод граждан, преступность продолжает неуклонно расти. Считаем необходимым привлечь внимание общественности к причинам, вызывающим рост преступности.

Источники:

1. Рахманова Е.Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: Северо-западная академия государственной службы, 2010. - 68 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Ильяков Д.В. Права и свободы человека и гражданина в России как объект правоохранительной деятельности//Ученые записки Российского государственного социального университета. Вып. № 6 (121). Том 1. 2013. С. 24.
4. Алиуллов Р.Р. О механизме защиты прав и свобод человека и гражданина//Вестник Казанского юридического института МВД России, 2013.
5. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года// Российская газета. 2009. 18 мая.
6. Кикоть В.Я., Лебедев С.Я. Стратегические направления предупреждения преступлений органами внутренних дел. Электронный учебник. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://isfic.info/kikot/index.htm>.
7. Мартынова Т.В., Зюков А.М. Региональные факторы, оказывающие влияние на характер совершаемых преступлений в период национально-этнического конфликта. Журнал: Криминология: вчера, сегодня, завтра (№ 1 (32), 2014). - СПб., 2014.
8. Андриенко Ю.В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>.

9. Ванеян С.С. Чезаре Ломброзо: психиатр-знаток или маттоиды и вырождение//Современная терапия в психиатрии и неврологии. Вып. № 2. 2016.
10. Тарасенко Л. Становление и современное состояние криминологии. Основные этапы ее развития. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.erudition.ru/ref/id.16720_1.html.
11. Жак Аттали. Карл Маркс: Мировой дух. Пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. - М.: Молодая гвардия, 2008. - 406 с.
12. Апрышко П.П. Введение в философию. - М.: Республика, 2012. - 656 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. –2-е изд. Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 5 – 9.
14. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. - М.: Логос, 2004. - 448 с.
15. Лунев В.В. Криминальная глобализация // Государство и право. 2012. № 10. С. 26-38.

Коновалов А.К.
*студент 3-го курса юридического факультета
Кубанского государственного университета*

Прохорова М.Л.
*профессор кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

Konovalev A.K.
*student of the 3rd course of law faculty,
Kuban state University*
Prokhorova M.L.
*professor of the criminal law and criminology department
of the Kuban state University (KubSU),
doctor of legal Sciences, Professor*

**АКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОСТАВА
И ВОПРОС ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ
КРИМИНАЛИЗАЦИИ**

**ACT OF INTERNATIONAL TERRORISM: THE CRIMINAL
LEGAL CONTENT OF THE COMPOSITION AND THE QUESTION
WHETHER SELF-CRIMINALIZATION**

Аннотация. В статье представлен уголовно-правовой анализ состава акта международного терроризма, на основе которого выявлены спорные аспекты в его характеристике, разработаны предложения по совершенствованию содержания ст. 361 УК РФ и высказано сомнение относительно обоснованности самостоятельной криминализации названного преступления.

Ключевые слова: акт международного терроризма, самостоятельная криминализация, состав преступления, объект преступления, цель преступления, квалифицирующий признак.

Annotation. The article presents the criminal-legal analysis of the act of international terrorism, on the basis of which controversial aspects in its characteristics have been identified, proposals for improving the content of article 361 of the criminal code have been made and doubts about the validity of the self-called criminalization of the crime was made.

Key words: act of international terrorism, independent criminalization of the crime, constitute of the crime, object of the crime, the purpose of the crime, aggravating circumstance.

В свете недавней реформы, направленной на ужесточение антитеррористического законодательства, была не только введена новая статья в УК РФ, предусматривающая ответственность за акт международного терроризма (ст. 361), но и расширены полномочия правоохранительных органов, предъявлены новые требования к операторам связи и интернет-проектам, к перевозчикам–экспедиторам и операторам почтовой связи, усилено регулирование религиозно-миссионерской деятельности.

Так называемый «пакет Яровой» состоит из двух федеральных законов. Из Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [2] и Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [3].

Второй из названных законов осуществил криминализацию двух новых деяний – несообщения о преступлении террористического характера (ст. 205⁶ УК) и представляющего для нас особый интерес акта международного терроризма (ст. 361 УК).

Акт международного терроризма предусмотрен заключительной 361-ой статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, содержащейся в разделе XII «Преступления против мира и безопасности человечества». Родовым объектом данной группы преступлений являются общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения определенных международно-правовыми нормами основ существования государств и народов, а также реализации принципов международного права, которые в целом обеспечивают мирное урегулирование споров и конфликтов между народами и государствами, направлены на охрану безопасных условий существования человечества [4].

Решение вопроса об отнесении названного деяния к группе преступлений против мира или к посягательствам на безопасность человечества представляет определенную сложность. Традиционное отношение к террористическому акту дает основание для заключения, что рассматриваемое деяние направлено против безопасности человечества. Вместе с тем законодатель формулировкой диспозиции ст. 361 УК РФ закладывает сомнение в правильности такого вывода. Оно возникает при анализе цели акта международного терроризма, поскольку она определена как нарушение мирного сосуществования государств. Соответственно, реализация такой цели, по мнению законодателя, ставит под угрозу наруше-

ния один из основополагающих принципов международного права – принцип мирного сосуществования государств и народов. Еще один криминообразующий признак названного преступления – направленность соответствующих деяний против интересов Российской Федерации, что подчеркивает особую роль России на международной арене, но подвигает к рассуждениям об обоснованности вывода, что все-таки объект посягательства ближе к общественным отношениям в сфере обеспечения безопасности человечества. Таким образом, в законе сложилась некая двойственность в закреплении основного непосредственного объекта акта международного терроризма.

Дополнительными непосредственными объектами преступления выступают жизнь, здоровье, свобода и неприкосновенность граждан Российской Федерации, а также иные интересы РФ.

Обращает на себя внимание определение свойств потерпевшего – им назван гражданин Российской Федерации.

Объективная сторона преступления проявляется в следующих формах:

1) совершение взрыва вне пределов территории Российской Федерации, т.е. деяния, направленного на мгновенное разрушение определенных объектов посредством воспламенения и химического разложения особых веществ (порох, тротил, гексоген, октоген и др.), помещенных в специальные устройства;

2) совершение поджога вне пределов территории Российской Федерации, т.е. деяния, направленного на вызывание пожара, предание огню каких либо сооружений, иных объектов;

3) совершение иных действий вне пределов территории Российской Федерации (например, затопление территорий, организация обвалов, аварий, крушений, блокирование транспортных коммуникаций), подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан РФ.

Таким образом, для рассматриваемых деяний конструктивное значение имеет место их совершения – вне пределов территории Российской Федерации.

Кроме того, объективная сторона может выражаться в угрозе совершения указанных действий. Угроза при этом должна быть действительной (т.е. выраженной вовне на самом деле и доведенной до адресата тем или иным способом – устное высказывание, публикация в печати, распространение с использованием радио, телевидения или иных средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей (п.4 постановления № 1 Пленума Верховного суда Российской Фе-

дерации от 9 февраля 2012 г. (ред. от 03.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности») [1] и реальной (т.е. в условиях, свидетельствующих о подлинном намерении ее исполнить, на что указывает, например изготовление лицом взрывного устройства, незаконное приобретение хищение взрывчатого или радиоактивного вещества).

По законодательной конструкции состав акта международного терроризма можно отнести к числу формальных, поскольку для признания преступления окончанным достаточно совершить действия, образующие объективную сторону состава преступления, например привести в действие взрывное устройство в аэропорту иностранного государства, либо выразить вовне действительную и реальную угрозу совершения деяний, указанных в законе.

Субъективная сторона акта международного терроризма характеризуется наличием прямого умысла. Обязательным признаком выступает цель – нарушение мирного сосуществования государств и народов (необходимое условие верховенства права, эффективности международного правопорядка). Кроме того, закон обращает внимание на направленность соответствующих действий против интересов (политических, экономических, духовных) Российской Федерации (примером может служить подрыв на территории Турции газопровода («Голубой поток»)).

Стоит заметить, что законодатель избрал не вполне корректную формулировку ч. 1 ст. 361 УК РФ при определении целей акта международного терроризма. Союз «либо» после указания на цель нарушения мирного сосуществования государств и народов, казалось бы, свидетельствует о том, что в тексте продолжается описание цели. Вместе с тем термин «направленность» в большей степени характеризует свойство деяния, нежели психическую составляющую содеянного. В связи с этим полагаем, что в названной части диспозицию ст. 361 УК РФ следует скорректировать. Можно предложить такую ее редакцию: «Совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации *в целях* нарушения мирного сосуществования государств и народов либо *подрыва* интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Субъектами актов терроризма могут являться как террористы-одиночки, так и члены террористических групп – относительно устойчивых объединений физических лиц, заранее объединившихся, избравших для достижения своих целей методы насилия и терро-

ра. Террористические группы могут быть частью общеуголовных преступных сообществ, занимающихся незаконной экономической деятельностью; освободительных и псевдоосвободительных левых и правых движений.

Законодатель выделяет финансирование акта международного терроризма и вовлечение в его совершение в отдельный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 361 УК РФ.

Объективная сторона преступления проявляется в двух альтернативных деяниях:

- 1) финансирование акта международного терроризма;
- 2) вовлечение в совершение деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 361 УК РФ.

Для толкования понятия «финансирование акта международного терроризма» следует обращаться к дефиниции понятия финансирование терроризма, содержащейся в примечании 1 к ст. 205¹ УК РФ. Таким образом, финансированием следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 361 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им акта международного терроризма, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения указанного преступления

Вовлечение как достаточно широкое понятие, включающее, в том числе, склонение и вербовку, означает оказание на лицо (группу лиц) воздействия любым способом путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия. Вовлечение следует считать оконченным преступлением с момента совершения указанных действий, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности. Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом.

Вторую часть ст. 361 УК РФ нельзя определить как квалифицированный вид преступления по отношению к основному, так как в ней

названы не отягчающие обстоятельства, а самостоятельные деяния, образующие отдельный состав. Финансирование деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 361 УК РФ, либо вовлечение в их совершение не представляется возможным оценить и как привилегированный состав преступления, поскольку финансирование акта международного терроризма либо вовлечение лиц в его совершение не являются смягчающими обстоятельствами. Важно понимать, что если бы отсутствовало финансирование данного преступления, а также вовлечение в его совершение, то, возможно, отсутствовали бы и сами деяния по фактической реализации акта международного терроризма. Поэтому делаем вывод, что финансирование соответствующих деяний и вовлечение в их совершение (ч. 2 ст. 361 УК) следует определять как «параллельный», имеющий самостоятельное значение состав по отношению к предусмотренному в части первой.

Часть третья ст. 361 УК РФ формулирует признак, квалифицирующий преступление, предусмотренное ч. 1 статьи. Это причинение смерти человеку. При этом в законе не указана форма вины в отношении причинения смерти. Таким образом, в данном случае смерть может быть причинена как умышленно, так и по неосторожности.

Преступления, предусмотренные ч. 1, 3 ст. 361 УК РФ, являются особо тяжкими. Посягательство, предусмотренное ч. 2 ст. 361 УК РФ, относится к категории тяжких преступлений.

В процессе анализа названной уголовно-правовой нормы возникает ряд вопросов. Одним из них, требующих законодательного пояснения, является вопрос о субъективной стороне деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 361 УК РФ. Здесь требует уточнения форма вины, поскольку это имеет большое значение как для квалификации содеянного, так и для определения меры наказания. Но если обратиться к санкции данной нормы, то можно все-таки сделать вывод о том, что предполагается умысел.

Ранее, характеризуя субъекта, мы указали, что акт международного терроризма может быть совершен как террористом-одиночкой, так и членами террористических групп. Кроме того, нужно иметь в виду, что названным преступлением может быть причинен имущественный вред, причем нередко весьма серьезный. Поэтому необходимо в ч. 3 ст. 361 УК РФ указать такие квалифицирующие признаки, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с причинением смерти человеку по неосторожности; с причинением значительного имущественного ущерба либо с наступлением иных тяжких последствий. Кроме того, видится обоснованным дополнение ст. 361 частью четвертой с указанием в ней такого особо квалифицирующего признака, как умышленное причинение смерти человеку.

Как известно, уголовный закон распространяет свое действие на иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно

но в Российской Федерации, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства (ч. 3 ст. 12). УК РФ содержит ст. 205 и ст. 205¹, предусматривающие ответственность за террористический акт и содействие террористической деятельности (финансирование, вовлечение пр.). Эти обстоятельства порождают вопрос о целесообразности введения нового состава – акта международного терроризма.

Источники:

1. Российская газета. 2012. 17 февраля; СПС «КонсультантПлюс» – 2016.
2. Российская газета. 2016. 08 июля.
3. Российская газета. 2016. 11 июля.
4. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 834.

Коновалова К.В.

*Магистр 2 курса кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского Государственного университета*

Konovalova K.V.

*Master 2nd year of the Department of Criminal Law and Criminology
Kuban State University*

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

FORMS AND METHODS OF INFORMATION TERRORISM IN THE INTERNET

Аннотация. В статье рассмотрены основные методы и формы современного информационного терроризма. Предлагается авторское определение данному явлению. Формулируются выводы о необходимости дальнейшего пути развития отечественного законодательства в области информационной безопасности государства.

Ключевые слова: терроризм, информационный терроризм, интернет, информационная безопасность.

Annotation. In article are considered main methods and forms of modern terrorism. The authors offers another information content of the concept of this phenomenon. The authors concludes that it is a necessity to make the legislator to pay attention on such phenomenon as information terrorism to increase the efficiency of fighting with negative phenomenon and provision of information security of the country.

Key words: terrorism, information terrorism, internet, information safety.

Широкое внедрение информационных технологий во все сферы общественной жизни обусловило зависимость каждого индивида от доступа к сети Интернет. Не вызывает сомнения тот факт, что и террористические организации активно используют новейшие технологии при планировании и осуществлении своих акций. Доказательством тому является, по мнению специалистов, самая могущественная террористическая группировка современности ИГИЛ (запрещена в России), которая причастна ко множеству терактов по всему миру, базируясь при этом в нескольких городах на Востоке Сирии и Ирака.

Так что же обусловило возможность использования новых технологий в деструктивных, преступных и антисоциальных целях? В качестве первого шага к пониманию интересующей нас проблематики выделим ряд признаков, обеспечивающих интерес террористических органи-

заций к сети интернет: Прежде всего, стоит отметить, что на сегодняшний день, по данным Международного союза связи (МЭС) число пользователей интернета в мире преодолело цифру в 3,5 миллиарда человек [6]. Что составляет 48 % от населения Земли. Подавляющее большинство пользователей проживает в Китае, Индии и США: 710 млн, 350 млн и 277 млн человек соответственно. В России насчитывается порядка 87,5 млн интернет-пользователей. Таким образом, виртуализированные экстремистские решения могут беспрепятственно и бесконтрольно проникать в каждый дом. Кроме этого, информационные технологии достаточно просты и недороги в использовании, независимы от географического местоположения, предоставляют широкий круг потенциально заинтересованной аудитории, обеспечивают высокую скорость передачи информации, анонимность коммуникации, существуют трудности в осуществлении контроля со стороны правоохранительных органов [3]. Не стоит забывать, что на пространствах интернета существуют так называемые независимые СМИ, цензура которых хоть и ограничена законами, но трудно контролируема со стороны правительственных организаций. В связи с этим можно выделить основные формы деятельности террористических организаций во всемирной паутине:

- сбор информации, необходимой для планирования и осуществления терактов;
- сбор денежных средств для обеспечения жизнедеятельности террористического движения;
- распространение агитационно-пропагандистских материалов о террористических движениях, их целях и задачах, формах протеста, обращение к массовой аудитории с сообщениями о признании своей ответственности за совершенные террористические акты;
- распространение компьютерных игр, пропагандирующих убийства и жестокость в отношении лиц других национальностей и религиозных убеждений, и оказывающие разрушительное воздействие на психику молодежи;
- информационно-психологическое воздействие на население с целью создания паники, распространения дезинформации и тревожных слухов;
- организационная деятельность: например, размещение в открытом доступе и рассылка открытых и зашифрованных инструкций (информации о взрывчатых веществах и взрывных устройствах, ядах, отравляющих газах, а также инструкций по их самостоятельному изготовлению), сообщений о времени встреч единомышленников;
- анонимное привлечение к террористической деятельности соучастников, например хакеров и представителей бизнеса, оказывающих различные

информационные услуги на коммерческой основе и не отдающих себе отчета в том, кто и почему эти услуги оплачивает;

- возрастающие технологические возможности применения коммуникационных технологий для планирования и координации своих действий, что создает основу для перехода к менее четким организационным структурам, расширения потенциала малых террористических групп, намеренных осуществлять свои операции децентрализованно [8];
- поиск вербовка и мобилизация потенциальных исполнителей террористических акций с минимальным риском самообнаружения. Неограниченные государственными границами просторы сети, позволяют найти симпатизирующих лиц во всех уголках страны;

Исходя из вышеизложенного, возникает практическая необходимость для определения данного явления. Анализ научной литературы, в том числе и юридической, свидетельствует о закономерности отождествления понятия кибертерроризма и информационного терроризма, что на наш взгляд не вполне корректно. Потому что кибертерроризм в отличие от информационного террора, претендующего на завладение психическим сознанием людей, ставит своей задачей материальное, разрушительное воздействие на компьютерно-технические средства государства, с целью ущерба и дезорганизации нормального функционирования различных инфраструктур общества [5]. Кроме того, Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусмотрено, что информация – это «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [1]. Это дает нам право определить кибертерроризм как составляющую часть информационного терроризма.

Таким образом, в рамках данной научной статьи представляется целесообразным определить информационный терроризм как незаконное использование телекоммуникационных и информационных систем и ресурсов в организационно-коммуникационных целях, проведение теоретического, военного, теологического обучения и пропаганды, а также вербовку новых членов, поиска материальных ресурсов и обеспечение связи между отдельными ячейками террористической организации.

Институт экономики и мира совместно с Университетом Мэриленда, которые представили «Глобальный индекс терроризма 2015 года» и сопровождающий его Рейтинг стран мира по уровню терроризма, поставили Россию на 23 место, улучшив свой показатель сразу на 12 позиций по сравнению с 2014 годом [4]. Показатели рейтинга Глобального индекса терроризма измеряют уровень террористической активности внутри той или иной страны по четырём основным показателям:

- количество террористических инцидентов;

- количество погибших;
- количество пострадавших;
- уровень материального ущерба;

При подготовке Индекса анализируются и другие факторы, которые могут быть косвенно связаны с террористической активностью, включая возможность легкого доступа террористов к информационному пространству государства, возможности мониторинга, выявления и ликвидации таких неправомерных действия со стороны последнего.

Так, правовая база противодействия терроризму и экстремизма в России последовательно развивается с 2000 г., когда была принята Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. С 2008 г. действует Указ Президента РФ от 17 марта 2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена». В 2013 г. утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года». Указом Президента РФ от 15 января 2013 г. на ФСБ России возлагаются полномочия по созданию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации компьютерных атак на информационные ресурсы РФ, информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети, находящиеся на территории РФ и в дипломатических представительствах и консульских учреждениях РФ за рубежом.

Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определено возрастающее влияние противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран и отдельных организаций использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории [2]. Деятельность радикальных, террористических, экстремистских организаций, направленное на дестабилизацию и разрушение морально-нравственного традиционного российского уклада ставится на первое место в числе угроз государственной и общественной безопасности.

Хотя указанному направлению деятельности уделяется большое внимание, возникает ряд юридических и технических проблем, связанных с отсутствием: соответствующих нормативно-правовых актов, регулирующих уголовно-процессуальные действия; специально подготовленных кадров, специализирующихся на выявлении и раскрытии преступлений в информационно-телекоммуникационной сфере; надлежащей

идеологической работы в сети, направленной на обсуждение актуальных проблем противодействия идеям экстремизма и терроризма; надежной системы сотрудничества и взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных стран [7].

В условиях нарастания угрозы информационного терроризма, главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности, в том числе в информационной сфере.

Подводя итог вышесказанному, представляется возможным сформулировать первоочередные задачи, по защите гражданского населения от воздействия информационного терроризма:

- организовать проведение регулярной диагностики сети Интернет на проявления информационного терроризма, включающей установление причин, условий и факторов, стимулирующих развитие явления, динамику его проявлений; определение объектов воздействия и лидеров;
- на основе проведенной диагностики разработать систему мероприятий «адресной» профилактики среди групп, наиболее подверженных негативному влиянию экстремистов, в частности для молодежи.
- организовать социальную профилактику проявлений информационного терроризма с помощью социальной рекламы в СМИ;
- укомплектовать подразделения противодействия терроризму квалифицированными специалистами;
- совершенствовать нормативно-правовую базу по противодействию информационному терроризму, способную гибко реагировать на постоянные изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности

Источники:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ// Российская газета. № 165, 29.07.2009
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. // Собрание законодательства РФ. № 1 (часть 2) ст 212, 04.01.2016
3. Бураева Л.А. О некоторых вопросах обеспечения кибербезопасности в современных условиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 13. С. 96–99
4. Глобальный индекс терроризма. [Электронный ресурс] // URL : <http://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info> (дата обращения 01.12.2016)

5. Голубев В. Кибертерроризм – понятие, терминология, противодействие // В сб.: Компьютерная преступность и кибертерроризм. – Запорожье: ССРС
6. Количество пользователей сети интернет [Электронный ресурс] // URL: http://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2016/pdf/30-ru.pdf (дата обращения: 01.12.2016)
7. Косовец А.А. Терроризм как объект противодействия в системе обеспечения информационной безопасности: международные и организационно-правовые аспекты // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 3.- с 13 - 15
8. Роговский Е.А. Россия в борьбе с международным терроризмом. Грани повышения позитивного образа страны. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=66> (дата обращения 01.12.2016)

Кривошея С.А.
студент 3 курса юридического факультета
Кубанский институт социэкономики и права
(филиал) ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений»

Мартынова Т.В.
заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Кубанского института социэкономики и права
(филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
кандидат юридических наук, доцент

Krivosheja S.A.
3rd year student of juridical faculty
of the Kuban Institute of socioeconomics and law
(branch) of PMO IN the "Academy of labour and social relations"

Martynova T.V.
Head of Department of Criminal Law and Procedure
Kuban Institute of Socio-Economics and Law
(Branch) OUP IN "Academy of Labour and Social Relations"
PhD, Associate Professor

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PROTECTION OF THE RIGHTS OF VICTIMS OF CRIME IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье проанализированы некоторые проблемы защиты прав потерпевших от преступлений.

Ключевые слова: права и свободы, правовое государство, преступление, потерпевший, уголовное дело, судебное решение.

Abstract. The article analyzes some problems of protection of the rights of victims of crimes.

Key words: rights and freedoms, rule of law, crime, victim, criminal case, court's decision.

Закрепленные в главе 2 Конституции Российской Федерации (далее - Конституция РФ) права и свободы человека и гражданина образуют фундамент для формирования правового государства и призваны обеспечить свободу народа.

Уровень преступности ежегодно повышается, число лиц, пострадавших – прямо или косвенно – от того или иного общественно опасного деяния возрастает в геометрической прогрессии. Как отмечается в Докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2007 г. от 12 февра-

ля 2008 г. и его Специальном докладе «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» от 27 мая 2008 г., по статистике, ежегодно до 4 млн. человек, или каждый десятый житель России, становится жертвой того или иного преступления. Однако официальная статистика не отражает реального уровня преступности: если учесть близких родственников, пострадавших и их иждивенцев, то количество жертв преступлений составит более десяти миллионов человек.

Потерпевший согласно части 1 ст. 42 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) - это физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Защита прав потерпевших имеет особое значение, как во всем мире, так и в деятельности судов российского государства. Однако, при решении вопроса о наказании лица, совершившего преступление, оно не может быть справедливым, если не учтены интересы потерпевшего от этих действий. Ведь наказание лица совершившего преступления и обеспечение прав потерпевшего от преступления - не всегда одно и то же.

Российское правосудие уделяет особое внимание защите прав потерпевших. В соответствии со ст. 52 Конституции РФ гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее-УПК РФ) определяет защиту прав потерпевших как первоочередную задачу уголовного судопроизводства.

Однако, на наш взгляд, потерпевший поставлен не в равное положение, чем другие субъекты уголовного дела, что говорит о неполной реализации принципа в равенства сторон в уголовном судопроизводстве и принципа состязательности.

Например, нарушение прав потерпевшего на судебное решение никак не влияет. Видимо, по этой причине не предусмотрено и никаких санкций за нарушение прав потерпевшего.

Также у потерпевшего нет права воспользоваться услугами бесплатного защитника, им может воспользоваться только подозреваемый,

обвиняемый за исключением если потерпевший – несовершеннолетний или лицо, по своему физическому или психическому состоянию не способное самостоятельно защищать свои права и из этого следует, что потерпевший должен приглашать представителя или адвоката за свой счет.

Также в соответствии со ст. 22 и 42 УПК РФ потерпевший как субъект уголовного судопроизводства наделен следующими полномочиями прав: участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, выдвигать и поддерживать обвинение, знать о предъявленном обвинении, давать показания, предъявлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству его представителя, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания.

Однако потерпевший наделяется такими правами только после того, как будет возбуждено уголовное дело или после того как дознаватель, следователь, прокурор или суд вынесут постановление о признании его потерпевшим.

Проблема возникает в том, что срок проверки заявления о нарушении прав потерпевшего согласно ст. 144 УПК РФ составляет 3 дня, однако данный срок может быть продлён до 10 суток, а в случае необходимости проведения документальных проверок или ревизий до 30 суток.

Как отмечает Н.Е. Шинкевич в своем исследовании, только в 3 % случаев лицо признавалось потерпевшим не позднее 3 дней с момента возбуждения уголовного дела, в 57 % – от 20 до 40 дней, а в 40 % – свыше 40 дней. При этом следует отметить, что во всех случаях лицо, которому преступлением причинен вред, было известно с самого начала. Необоснованное затягивание вышеуказанных сроков является противоправным бездействием следователей и подлежит обжалованию в порядке 125 УПК РФ, тем самым позволяя преступникам скрыться, или уничтожить важные улики.

Также имеются проблемы и с возмещением вреда потерпевшему, так как возмещение ущерба производится только при наличии приговора суда. Потерпевший не может рассчитывать на возмещение вреда, причиненного преступлением, в случае, если преступник не установлен или установлен, но скрывается от следствия и соответственно не может быть привлечен к уголовной ответственности. Таким образом, потерпевшие лишены возможности возмещения вреда, поскольку виновные в их совершении лица не установлены или не найдены.

В ходе судебного процесса, согласно части 2 ст. 14 УПК РФ бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в

защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. В связи с этим обязанность доказывания вины обвиняемого возлагается также и на потерпевшего. Однако УПК РФ не предоставляет потерпевшему возможность самостоятельных действий для сбора доказательств для подтверждения обвинения. Потерпевший вынужден прибегать к помощи органов предварительного расследования, которая может заключаться, например, в удовлетворении его ходатайств о получении дополнительных доказательств посредством проведения следственных и иных процессуальных действий. Все это ставит потерпевшего в зависимость от органов следствия, тем самым ущемляет его возможность участия в сборе и рассмотрения доказательств, что нарушает его права на доступ к справедливому правосудию.

Но больше всего проблем имеет защита потерпевшего от давления или от посягательств на его жизнь и здоровье. Для защиты потерпевшего был принят Федеральный закон Российской Федерации от 20.08.2004 г. № 119 - ФЗ «О Государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Но меры безопасности, закрепленные в УПК РФ и Федеральном законе, на практике применяются не так часто, как этого требуют жизненные обстоятельства. И основной проблемой в применении указанных мер являются пробелы в законодательном регулировании этого аспекта. В вышеуказанных Законах имеется ряд противоречий, оказывающих большое влияние на применение мер государственной безопасности на практике.

Возможно, это вызвано недостаточным финансовым и техническим обеспечением. Объем финансового обеспечения реализации Программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 - 2018 годы» за счет средств федерального бюджета на 2016 год составляет 281,11 млн. рублей. Тем не менее, такое положение дел никак не способствует обеспечению прав лица, и так пострадавшего от преступления.

Следует признать, что одного пакета законов о государственной защите свидетелей и других участников уголовного судопроизводства от криминального произвола недостаточно. Необходима комплексная программа по защите участников уголовного судопроизводства на уровне государственной.

Имеющимися погрешностями уголовно-процессуального законодательства нередко пользуется масса недобросовестных представителей правоохранительных органов государства, что вынуждает потерпевших отказаться от обращения в правоохранительные органы государства для защиты от преступных посягательств на их достоинство, жизнь, здоровье и имущество.

В своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Президент РФ отметил, что правоохранительная и судебная системы должны обеспечивать действенную защиту прав и интересов лиц, пострадавших от совершенных преступлений. Именно в этом направлении следует совершенствовать законодательную базу и правоприменительную практику.

Источники:

1. Мартынова Т.В. Вопросы межнациональной безопасности в свете стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Сборник: Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов. Материалы Международной научно-практической конференции. - Краснодар: КСЭИ, 2012. С. 157-160.
2. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rg.ru>.
3. Таможникова Я.А., Журавлев Е.С. Защита прав потерпевших от преступления: пробелы в праве. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://dspace.susu.ru>.
4. Конституция Российской Федерации (в ред. от 21.07.2014) // РГ. 1994. 25 января; СЗ РФ. 2014 г. № 9. Ст. 851.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921; 2016. № 1 (часть I). Ст. 29.
6. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rg.ru>.
7. Шинкевич Н.Е. О праве потерпевшего на доступ к правосудию // Администратор суда. 2009. № 1. С. 25.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 20.08.2004 № 119-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 № 305-ФЗ) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534; 2016. № 27 (часть II). Ст. 4238; РГ. 2016. № 151.
9. Плахотнюк Ю. И. Проблемы, возникающие при обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, рекомендации и пути решения // Право: история, теория, практика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). - СПб.: Реноме, 2013. С. 109-114.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586 Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 - 2018 годы»//Официальный интернет-портал правовой информации: www.pravo.gov.ru.
11. Большаков А.П., Пупцева А.В. Проблемы реализации защиты прав свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве// Современные проблемы науки и образования. № 5, 2014. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>.
12. Ибрагимов И.М. Правомерные возможности защиты прав потерпевших в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008.

Лаухин А.Л.
студент 3-го курса юридического факультета
Кубанского государственного университета
Прохорова М.Л.
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
Laukhin A.L.
student of the 3rd course of law faculty,
Kuban state University
Prokhorova M.L.
professor of the criminal law and criminology department
of the Kuban state University (KubSU),
doctor of legal Sciences, Professor

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ГУМАНИЗМ: ВЗГЛЯД «ИЗНУТРИ»

THE DEATH PENALTY AND HUMANITY: A VIEW «FROM INSIDE»

Аннотация. В статье приведена позиция по исключению смертной казни из системы уголовных наказаний России. Аргументируя ее, автор затрагивает такие вопросы, как религия, мораль и нравственность касательно прокуроров, судей и исполнителей данного вида наказания, то есть тех людей, кто в условиях уголовного разбирательства будет применять, а также осуществлять реализацию смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь, наказание, гуманизм, мораль, нравственность, религия.

Annotation: the article presents a position on the exclusion of capital punishment from the criminal penalties system of Russia. As arguments, the author addresses such issues as religion, morality and ethics concerning prosecutors, judges and executors of this kind of punishment, that is, those people who being put up in the conditions of criminal proceedings will impute, as well as, carry out the implementation of the death penalty.

Key words: death penalty, punishment, humanism, morality, ethics, religion.

Споры о смертной казни существовали во все времена. XXI век можно назвать новым этапом дискуссий сторонников и противников надобности данного уголовного наказания, его фактического применения в отношении преступлений особой тяжести.

Противники смертной казни определяют данную меру «как вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, нарушающего естественное, фундаментальное право человека – право на жизнь» [2]. Они выдвигают множество аргументов в пользу своей позиции – это и принцип гуманизма, и право на жизнь, и судебные ошибки, и использование данного вида наказания в политических целях, трансформирующее демократическое государство в тоталитарное.

Сторонники смертной казни требуют отменить мораторий, «оживив», таким образом, мёртвые нормы ст. 59 УК РФ. Масло в огонь в разгоревшемся споре подливают такие события, как рост преступности в России, усиление международного терроризма, неблагоприятная геополитическая обстановка в мире – именно поэтому встает вопрос об отмене моратория на смертную казнь.

История данного вида уголовного наказания уходит корнями в Древнюю Русь. В русском уголовном праве смертная казнь как мера наказания зародилась еще в Русской Правде, позже она упоминалась в Двинской Уставной грамоте (за тройной рецидив кражи), а также в Псковской Судной Грамоте (за кражу из церкви, государственную измену, поджог, троекратную кражу и конокрадство) [3]. В дальнейшем, когда средневековое русское государство начало территориально увеличиваться, для укрепления самодержавной власти был расширен перечень деяний, за которые предусматривалась такая мера ответственности. Пришедшая к власти династия Романовых разработала систему смертной казни, состоящую из ее различных видов – от самых быстрых до мучительных, которые в настоящее время отнесены уголовным законом к разряду «убийство, совершенное с особой жестокостью». Впоследствии Петр I дополнил список деяний, наказываемых смертью, государственными и военными преступлениями, тем самым сильнее укрепив самодержавную власть, а также окончательно сформировал карательный аппарат, который в будущем не должен был допустить появления новых Разиных и Булавиных.

Первыми правителями, ограничившими смертную казнь, стали Елизавета Петровна (за 20 лет правления ни одного смертного приговора) и Екатерина II, реализующая данную меру в исключительных случаях. XIX в. оказался для смертной казни периодом неоднозначным по той причине, что консервативные самодержцы меняли либерально настроенных монархов, каждый из которых то смягчал применение данной меры наказания, то ужесточал. Наконец, последний император Российской Империи Николай II оставил смертную казнь как вид наказания только за некоторые государственные преступления и установил возрастные ограничения к ее применению.

Следующим этапом стало активное применение смертной казни советской властью в целях политических, религиозных, социальных и многих других. Печально известные Большой террор, «тройки» и расстрельные полигоны являются одной из самых кровавых страниц отечественной истории. Через некоторое время после окончания войны и с приходом к власти более гуманно настроенных руководителей Советского Союза был принят УК РСФСР 1960 г., установивший обширный перечень преступлений, за которые применялась высшая мера наказания. Через два года список был обновлен такими преступлениями, как изнасилование и получение взятки. К 1980-м годам сократилось использование данного вида наказания в несколько раз, на сегодняшний день на неё установлен мораторий.

Приведенный исторический экскурс показывает, что за тысячу лет существования государства смертная казнь прошла путь «от рассвета до заката», хотя с учетом сегодняшних реалий неизвестно, будет ли этот закат долгим. Смертная казнь, как я считаю, является отрицательным явлением. Рассмотрим проблему применения данного вида наказания с нескольких сторон.

Как уже было сказано, существует достаточное количество сторонников и противников смертной казни. Споры, дискуссии, дебаты можно услышать со всех сторон – на научных конференциях, с экранов телевизоров, в сети Интернет. Только ленивый не вступал в полемику относительно данной проблемы. В качестве аргументов приводятся статистические данные; международные принципы, мораль и нравственность, справедливость; цитаты ученых, писателей, политиков... Ряд авторов статей приводят в обоснование своего мнения даже данные социологических опросов. Оказывается, населению задают такие вопросы, то есть на сегодняшний день эта тема очень популярна. В опросах участвуют одновременно люди из разных страт, они отличаются друг от друга и социальным статусом, и имущественным и материальным положением, у каждого из них своя жизненная история, свои взгляды, свой запас знаний.

Не очень понятно, каким образом можно сгруппировать их позиции, а уж тем более сбрасывать в одну стеклянную коробочку для голосования и формировать из нее результаты опросов, проведенных в рамках страны с огромной территорией, разделенной на 85 субъектов, каждый из которых обладает таким количеством национальных, культурных, религиозных, социально-экономических и иных особенностей, какого нет у любого другого государства. В данном случае наибольшее доверие вызывают социологические опросы Всероссийского центра изучения общественного мнения, результаты исследований которых группируются по отношению к правящей власти и оппозиции опрашиваемых, их полу,

возрасту, образованию, доходам на одного члена семьи и семьи в целом, отнесению респондентов к определенной социальной группе.

Часто люди, спорящие о смертной казни, имеют в этом вопросе пассивную позицию. Их мнение: «Вот мы за смертную казнь проголосуем, а занимаются этим пусть судьи и иные государственные органы». Получается, что так называемую «грязную работу» должен делать кто-то другой. Действительно, смертный приговор будет в итоге выносить суд, заниматься исполнением казни поручат государственной службе, например, Федеральной службе исполнения наказаний. Но никто не задумывается, что там работают такие же люди, у которых есть свои нравственные и моральные принципы, религиозные взгляды.

Что лежит в основе принципа гуманизма? Человечность, а также равенство, справедливость, свобода, счастье, развитие личности. Мы привыкли применять данный принцип либо к людям, чьи права нарушены, либо ко всему обществу в целом. В уголовном праве этот принцип касается, в том числе, лиц, совершивших преступление (ч. 2 ст. 7 УК РФ). Однако данный принцип следует адресовать абсолютно любому человеку, а не только тому, к которому применяется наказание. Не должны ли мы рассмотреть возможность распространения принципа гуманизма и в отношении прокурора, вынужденного обвинять подсудимого и требовать смертной казни? И судьи, который подписывает смертный приговор? И исполнителей, которые приведут его в исполнение? Что думают эти люди, когда выполняют такую работу, которую возложило на них общество и государство? Задевает ли это их религиозные взгляды, их мораль, их нравственные принципы? Не становятся ли они такими же, по сути, убийцами, как и тот, кто сидит на скамье подсудимых? Очевидно, люди, являющиеся сторонниками смертной казни, не думают о том, что кому-то придётся спустить курок, нажать кнопку, опустить рычаг, ввести инъекцию или иным действием запустить смертоносную машину. За этим ли шли люди работать в правоохранительные органы? Защищать права граждан от посягательств методом становления на путь убийцы?

Рассмотрим результаты социологического опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения от 12 июля 2015 г. Респондентам задавался вопрос: «Помогает ли вам религия в повседневной жизни?». Профессиональные группы «Специалист с высшим образованием – бюджетник», «Военнослужащий в армии, органах внутренних дел, включая полицию и ФСБ» и «Государственный или муниципальный служащий» выбрали вариант ответа «помогает постоянно» в 32%, 17% и 31% соответственно. Вариант ответа «такие случаи бывают» – 27%, 50% и 31%. Отрицательный ответ выбрали из этих групп 34%, 28% и 31% опрошиваемых. Сравнив данные результаты с результатами опросов 1990 г., директор по коммуникациям ВЦИОМ Алексей Фирсов проком-

ментировал: «...в 5 раз выросла доля тех, кто признает, что религия постоянно помогает им в личной жизни».

Как видно из опроса, число верующих значительно превышает число атеистов в профессиональных группах, которые близки к теоретическим и правовым вопросам смертной казни, а также к ее фактическому применению. Важно отметить, что немало таких людей выделяется и в группе «Военнослужащий в армии, органах внутренних дел, включая полицию и ФСБ». Сколько людей из тех органов, которым поручат применение смертной казни в качестве наказания, являясь православными христианами, вспомнят о шестой заповеди Моисея «Не убий»? Является ли нарушение этого канона грехом и отступлением от религии? Возможно, именно об этом будет думать судья, подписывая смертный приговор. А ведь такие каноны есть не только в православии, не только в христианстве. Ислам допускает убийство в целях наказания при наличии вины. Однако смогут ли лица, участвующие в уголовном процессе, и исполнители наказания до последнего быть уверенными в виновности человека? А если вдруг окажется, что этот человек был лишен жизни по ошибке, поскольку суд неверно оценил предоставленные доказательства и факты и вынес неверное решение? Получится, что был совершен грех, ведь убийство невинного в исламе приравнивается к убийству всех людей на Земле. Соответственно, судья, отправивший смертным приговором несчастного на казнь, отныне отступник от основных религиозных канонов.

С другой стороны, в пользу противников смертной казни следует добавить ещё один немаловажный аргумент – мораль и нравственность. Как отмечалось ранее, фактическим лишением жизни осуждённого будет заниматься специальный орган, состоящий из обычных людей, имеющих помимо религиозных моральные и нравственные границы. Понятно одно: как только эти границы будут нарушены, человек изменится в худшую сторону. Возникает вопрос: а насколько далеко надо зайти обществу или государству, чтобы нарушить границы морали и нравственности, и что впоследствии сделается с самим человеком?

В обоснование данного аргумента приведу события 1930-40-х годов, а именно Бутовский полигон под Москвой – место казни десятков, сотен, тысяч людей, являющихся, по мнению представителями советской власти, преступниками – предателями партии, режима, государства. Исполняющий обязанности коменданта на Бутовском полигоне с января по октябрь 1937 г. сотрудник НКВД Садовский в своих воспоминаниях приводит интересную статистику: все входившие в расстрельные команды люди не дожили до старости – большинство спились, у остальных были выявлены психические заболевания, в том числе шизофрения и нервные расстройства. И это несмотря на то, что, выполняя работу палачей, все

эти люди были убеждены, что действуют правильно. Их вера в непогрешимость собственных действий основывалась на приказах высшего руководства и информационной пропаганде. Забвение христианских и общечеловеческих ценностей, политическая обстановка и вся жизнь в стране создавали тот фон, при котором эти люди могли исполнять приказы, не испытывая угрызений совести [5]. Результатом такой деятельности стали десятки загубленных жизней тех людей, кто выполнял «грязную работу» от имени государства, от имени общества.

Конечно, в опровержение данного аргумента сторонники смертной казни могут справедливо отметить, что в данном случае речь шла о десятках, сотнях, тысячах расстрелянных, именно поэтому исполнители так плохо закончили свою жизнь. Однако стоит отметить, что на Бутовском полигоне такое количество людей было расстреляно не за месяц или год, а за довольно-таки большой срок времени. Сколько будет казнено людей за те же 10, 20 лет в России? Вряд ли такое же количество, но и тех, скольких казнят, будет достаточно для искажения в сознании исполнителей заложенных изначально моральных и нравственных принципов. И если хотя бы один из них получит психическое заболевание либо другой дефект в результате такой работы, то такую «издержку» карательного механизма, как мы считаем, надо будет признать неудачей отмены моратория на смертную казнь.

На наш взгляд, существующий подход к решению вопроса о данном виде наказания является наиболее оптимальным, но и на этом законодателю останавливаться не следует. Установление моратория на смертную казнь стало одним из шагов превращения России из государства, использовавшего средневековые методы разрешения социальных коллапсов, в цивилизованное современное государство, опирающееся на принятые международным сообществом такие начала и принципы, как гуманизм, право на жизнь, человек как высшая ценность и иные. Другим правильным шагом будет признание утратившей силу «мёртвой» статьи 59 УК, что полностью исключит смертную казнь из системы уголовных наказаний в России.

Нельзя не согласиться с мнением Д.О. Агаева, что «и России, провозгласившей себя демократическим государством, с приоритетом права на жизнь, пора перестать принимать половинчатые решения и на законодательном уровне исключить смертную казнь из системы наказаний».

Смертная казнь является тенью прошлого, причем применение данного наказания, как показывает история, влекло такие издержки, как разрушение моральных и нравственных принципов в сознании людей, неуважение религиозных канонов и, конечно же, огромное число загубленных невинных жизней.

Источники:

1. Агаев Д.О. Современные тенденции развития института смертной казни // Пробелы в российском законодательстве: юридический журнал. 2012. № 1.
2. Балашов А.В. Конституционное право на жизнь и смертная казнь // Вестник экономики, права и социологии. 2010. №1. С. 61-64 (62).
3. Левин А.В. История развития института смертной казни в России // Наука и современность. 2010. № 5-3. С. 113-118 (114).
4. Официальный сайт ВЦИОМ // <http://wciom.ru>.
5. http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/gulag/istorija_butovskogo_poligona_19341936_chast_3/57-1-0-1969.

Лю Юйнин

*аспирант кафедры теории и истории государства и права КубГУ
(Китайская Народная Республика)*

Lu Juynin

*graduate student of department of the theory and history of state and law,
Kuban State University
(People's Republic of China)*

СЕРТИФИКАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ, ЭКСПОРТИРУЕМЫХ В КИТАЙ

CERTIFICATION FOOD PRODUCTS EXPORTED TO CHINA

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы нормативного регулирования экспортных операций в Китайской народной республике. Сформулированы рекомендации поставщикам и покупателям соответствующей продукции.

Ключевые слова: сертификация, экспорт, импорт, правовое регулирование.

Annotation. In article questions of standard regulation of export transactions in People's Republic of China are considered. Recommendations to suppliers and buyers of the corresponding products are formulated.

Key words: certification, export, import, legal regulation.

Главное управление по контролю качества Китайской Народной Республики в феврале 2016 года огласило информацию о ввозимых пищевых продуктах и косметических средствах ненадлежащего качества. При осуществлении карантинного надзора органа по проверке и карантину на контрольно-пропускном пункте въезда на территорию страны обнаружено 120 партий продукции ненадлежащего качества, среди которых 117 партий неудовлетворяющей требованиям пищевой продукции.

Среди 117 партий пищевой продукции ненадлежащего качества, 40 партий прибыло из России, по многим пунктам печенья, бисквита, меда, т.д. было обнаружено превышение нормы общего количества бактерий, превышение нормы бактерий группы кишечной палочки, ненадлежащая упаковка, ненадлежащий паспорт товара и другие вопросы имели отношение к 12,08 т продукции, в конечном итоге были полностью уничтожены.

Нормативной основой проведения сертификации товаров, экспортируемых в КНР являются:

- Соглашение между главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину КНР и Российской Феде-

ральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору о требованиях фитосанитарии импортируемых в Китай сои, кукурузы, риса и рапса (17 декабря 2015г.)

- Соглашение между правительством КНР и правительством РФ о фитосанитарии и охране растений (26 июня 1995 г.)

- Требования к карантинному надзору растений российского провианта, ввозимого в страну (ограничения на вывозимые сельскохозяйственные товары в соответствии с китайской стратегией «выхода» на зарубежные рынки) (28 марта 2014г.)

- Уведомление о поэтапном усилении регулирования карантинного надзора вывозимого из страны сельскохозяйственного провианта компенсационной торговли (25 декабря 2012г.)

Объект карантинного надзора. Относится к выборочной проверке партии пищевых продуктов, экспортируемых Китаем. При поступлении контейнера, груза на контрольно-пропускной пункт при въезде в страну, перевозчик, представитель или грузовладелец направляет в контрольно-пропускной пункт отчет о карантинном надзоре карантинной службы.

Карантинный надзор морского порта, авиационный карантинный надзор, карантинный надзор территориальной границы

При соответствии стандарту, выдается карантинное свидетельства въезда в страну; при наличии заражения или при подозрении на заражение выдается «Уведомление о санитарной обработке», после завершения установленной санитарной обработки, вновь выдается карантинное свидетельство въезда в страну.

Подготовка пищевой продукции перед экспортом в Китай: регистрация и делопроизводство Субъект регистрации: экспорт в Китай специальной пищевой продукции российских предприятий по производству, обработке и хранению. В настоящий момент специальная пищевая продукция включает в себя: мясные продукты, продукты водного промысла, молочные продукты, продукция ласточкиных гнезд.

Через российские уполномоченные органы в совет по надзору и легализации Китая направляются рекомендации, а также предоставляются сопроводительные материалы к заявлению. Срок действия: 4 года.

Субъект делопроизводства: российские экспортные предприятия по вывозу пищевых продуктов в Китай, орган, принимающий к рассмотрению - главное управление Китая по контролю качества. Поставщик обязан оформить он-лайн заявку (<http://ire.eciq.cn/>), которая будет рассмотрена в течение 5 дней после принятия к рассмотрению главным управлением по контролю качества.

Китайский покупатель направляет заявку на проверку грузов в орган по проверке и карантину таможенного декларирования (передача на проверку официального российского карантинного свидетельства, этике-

ток, и др. соответствующие материалы.) Далее Орган по проверке и карантину выдает «Удостоверение о прохождении ввозимого в страну груза через таможенную»

Далее проводятся прием заказа в отделе проведения проверки; проверка, выборка образцов; (китайский покупатель обязан в течение 20 дней после таможенной очистки связаться с отделом контроля для проведения проверки); карантинный надзор и осмотр этикеток; оценка результатов. При соответствии требованиям, выдается «Карантинное свидетельство ввозимого в страну груза».

При несоответствии требованиям груз уничтожается, отсылается обратно или повторно проверяется после рассмотрения технического отдела.

Товар, подлежащий проверке при ввозе в Китай определяется в соответствии с Номенклатурой товаров экспорта и импорта для осуществления карантинного надзора органом по проверке и карантину при въезде и выезде из страны (20160201). Условием карантинного надзора Китая является наличие на этикетке «М». Например, это пшеница, соевые бобы, бобовое масло, пальмовое масло.

В содержание проверки входит наличие соответствия требованиям к технике безопасности, санитарии, физического здоровья, экологической безопасности, предотвращения обмана, а также соответствие пунктов качества, количества и массы.

Законодательством КНР предусмотрен обязательный карантинный надзор животных и растений, экспортируемых в Китай. Это экспортируемые в Китай животные и растения, продукты растительного и животного происхождения, погружаемые животные и растения, контейнеры для погрузки продуктов растительного и животного происхождения, упаковочный материал. Китайский владелец оформляет заявку в интернете; в течение 3 рабочих дней передаются сопроводительные материалы (по разным видам разные требования); непосредственное принятие к рассмотрению и первичная проверка органами по проверке и карантину при въезде и выезде из страны (в течение 5 рабочих дней); рассмотрение и утверждение главного управления по контролю качества (в течение 20 рабочих дней); далее производится выдача «Свидетельства карантинного надзора КНР ввозимых в страну животных и растений». Срок действия свидетельства - 6 месяцев.

Время принятия груза на таможне и орган принятия к рассмотрению. До прохождения или в момент прохождения через границу произвести заявку на проверку грузов карантинного надзора.

Мы рекомендуем проводить следующие подготовительные работы перед экспортом:

- Определить являются ли экспортируемые в Китай пищевые продукты разрешенными для импорта в Китай;
- Продукция растительного и животного происхождения, относящаяся и не относящаяся к «Продукции растительного и животного происхождения, импортируемого впервые и требующей анализа качества и государственный или районный каталог уже ввозимого в страну товара для торговли» может быть временно не разрешена для импорта в Китай;
- Устанавливается регистрация наличия подготовки делопроизводства покупателя в Китае закупленных пищевых продуктов для экспорта.
- При проверке экспортируемых в Китай пищевых продуктов, при проверке груза на таможне необходимо указать торговое наименование импортера и экспортера пищевых продуктов и регистрационный номер.

Сайт для наведения справок о наличии подготовки документов покупателем «Система подготовки документов для импортируемых пищевых продуктов компаний по импорту и экспорту»: <http://ire.eciq.cn/>.

Необходимо также проверить у покупателя наличие «Запрета на ввоз из Министерства внешней торговли» можно проверить: (<http://iecms.ec.com.cn/iecms/index.jsp>).

Моногарова А.Г.
*аспирант кафедры западноевропейских языков и культур,
Пятигорский государственный университет*

Кобышева Е.И.
*кандидат юридических наук
Пятигорский государственный университет*

Monogarova A.G.
*postgraduate student of the Department of
Western European Languages and Cultures,
Pyatigorsk state university*

Kobysheva E.I.
*candidate of juridical sciences
Pyatigorsk state university*

ПРОБЛЕМА ИНФОРМИРОВАНИЯ В МЕДИАЦИИ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

IMPLEMENTATION OF THE INFORMATION STRATEGY IN MEDIATION. LINGUISTIC ASPECT

Аннотация. В рамках статьи рассматривается проблема лингвистической презентации стратегии информирования в медиации. Цель работы заключается в определении, описании и классификации стратегий медиатора, направленных на установление контакта и информирование сторон о принципах и правилах медиации как процедуры альтернативного разрешения споров.

Ключевые слова: медиация, дискурс медиации, информирование, вступительное слово медиатора, терминология медиации.

Annotation. The article discusses the problem of the linguistic presentation of the information strategy in mediation. The aim of the work is to identify, describe and classify the mediator strategies aimed at establishing contact and inform the parties about the principles and rules of mediation as an alternative for settling disputes. In addition, the paper deals with the terminology used by experts to design the opening mediator statement.

Key words: mediation, mediation discourse, informing, opening mediator's statement, mediation terminology.

Сегодня медиаторы работают в рамках различных подходов, в каждом из которых обозначена ориентация на конкретный результат - достижение согласия и подписание соглашения. Эта ориентация определяет вектор развития переговоров, а заданные параметры делают возможным использование медиатором набора базовых и специфических

медиативных стратегий, позволяющих достичь поставленных перед ним задач. На начальном этапе в функции медиатора входит информирование сторон о принципах процесса, разъяснение логарифма работы и задачах специалиста.

Работа медиатора во время сессий подразумевает рефлексивное, контекстуальное и независимое вмешательство, целью которого является контроль над темой, создание образа союзников, косвенное воздействие на установки сторон, трансформация конфликта, побуждение участников к активному участию в обсуждении. Таким образом, в плане стратегического маневрировании медиатора можно обозначить кооперативные стратегии и стратегии вспомогательного действия, направленные на установление контакта и поддержание переговоров. В соответствии с вышесказанным, выделим следующие стратегии медиатора и реализующие их тактики. Ориентацию на установление контакта имеет стратегия информирования, реализующаяся в медиации через тактику сообщения, разъяснения и иллюстрации.

Глобальный сценарий стратегической организации речи медиатора строится и модифицируется в зависимости от обстоятельств таким образом, чтобы эффективное использованные специалистом комплекс тактик и речевых ходов в рамках реализации заданных стратегий, привело к достижению практического результата - подписанию медиативного договора. Медиация начинается с вступительного слова медиатора, в рамках которого специалист посредством форм сообщения, разъяснения или иллюстрации реализует базовую стратегию информирования, заключающуюся в донесении сторонам объективной информации, необходимой для формирования у них понимания о процедуре, её специфике, распределении ролей и их содержании [1, 2]. Стратегия информирования в медиации имеет не вспомогательный статус, а выступает в роли базовой, в отличие от большинства дискурсивных моделей, включающих коммуникацию в форме переговоров, в которых информирование рассматривается как формальный коммуникативный ход. Это обусловлено тем, что успех медиации складывается из большого количества субъективных факторов, одним из которых выступает отношение сторон к процедуре, в определенной степени детерминирующее характер установок сторон перед процессом. Анализ речевых реакций участников во время развития переговоров на начальном этапе показал, что в случаях, когда вступительное слово медиатора было недостаточно информативным, стороны либо показывали низкую степень мотивированности к активному участию в обсуждении, либо нарушали правила процесса, обращаясь к медиатору с требованием определить, кто из участников прав.

Рассмотрим типичные сценарии реализации *стратегии информирования* в дискурсе медиации, успешное применение которых обнаружи-

вает различный уровень прагматического воздействия на стороны. Пример (1.1) иллюстрирует, как во время этапа "вступительного слова медиатора" два специалиста сообщают сторонам о принципах процедуры и роли посредника:

(1.1) Совместная сессия

(1.1) Медиатор А: И ещё несколько слов о роли медиатора. О том, почему я и Мелисса здесь, и что мы будем делать во время сессии. Я здесь, чтобы поддерживать диалог между вами. *Не судить*. Мы не будем делать никаких комментариев, замечаний во время процесса. Наша задача - *открыть вам возможность начать обсуждение* о волнующих вас вопросах. Я здесь не для того, чтобы давать рекомендации. *Никто из нас не будет навязывать вам готовое решение*. Принятие решения - ваша задача. Мы подскажем, как вам обоим найти компромисс. Итак, Мелисса расскажет вам немного подробнее о процессе и том, чем мы будем заниматься сегодня [4].

Фрагмент (1.1) представляет собой типичный сценарий реализации *тактики* последовательного *сообщения* в медиации; в нем освещаются такие вопросы, как роль посредника в переговорах, сопутствующие ограничения их действий и задачи самих участников. Сообщение реализуется через такие коммуникативные ходы, как моделирование образа медиации через отрицание неприемлемого в процессе и введение ЛЕ, вербализующих концепт "помощь".

Интересно, что, моделируя образ медиации, специалисты отталкиваются от отрицания неприемлемого, косвенно указывая на контраст "медиация - разрешение вопроса в суде". Несмотря на то, что слово "суд" в речи не называется, очевидной является цель создания образа комфортной неформальной процедуры, в которой, в отличие от суда, нет места ни осуждению (1.1) "*Не судить*", ни вынесению решения (1.1) "*Никто из нас не будет навязывать вам готовое решение*".

В 74-х проанализированных фрагментах (что составляет подавляющее большинство случаев) во "вступительном слове медиатора" содержались сообщения о роли медиатора, представленные виде отрицания неприемлемого. На синтаксическом уровне отрицание неприемлемого реализуется через использование отрицательных глагольных (1.1) "*Не судить*", "*Мы не будем делать никаких комментариев, замечаний*", "*Я здесь не для того, чтобы давать рекомендации*", (1.1) "*Not making the decisions*" и местоименных (1.1) "*Никто из нас не будет навязывать вам готовое решение*", конструкций. Данный прием позволяет не только сделать сообщение более доступным, но и апеллировать к таким человеческим чувствам, как "страх", "тревога" через отрицание опасностей (отрицание возможности осуждения и принятия решения без учета желаний участника). На лексическом уровне происходит вербализация концепта

"помощь" через обращение к метафорическому выражению (1.1) "*открыть вам возможность начать обсуждение*" и ЛЕ (1.1) "*поддерживать, помогать, подсказывать*". Типичный прием медиатора - обращение к сторонам через объединение, выраженное местоимениями *вам* и *обоим* (1.1) "*как вам обоим найти компромисс*" - используется для того, чтобы подчеркнуть равноправие участников настроить на сотрудничество.

Заметим, что часто тактика сообщения выступает в роли базовой, и прагматический эффект от её реализации достигается при введении в ситуацию общения дополнительных коммуникативных ходов. Далее рассмотрим пример информирования сторон о принципе беспристрастности, реализуемого в два этапа и успешно достигаемого через последовательную реализацию тактик сообщения (1.2) и разъяснения (1.3):

(1.2.) Совместная сессия

(1.2a) Медиатор А: *Ещё одна важная особенность* медиации в том, что она полностью беспристрастна. Итак, мы с Мелиссой здесь, вновь, не чтобы судить или осуждать вас, или вообще выносить какую-то оценку ситуации. Мы *беспристрастны, мы нейтральны*. Мы - *третья нейтральная сторона*, призванная помочь вам двигаться дальше.

(1.2b) Медиатор В: И если в любой момент во время процесса вы почувствуете, что кто-либо из медиаторов *занимает чью-либо сторону*, пожалуйста, дайте нам знать. Потому что нам важно быть уверенными, что вы чувствуете, что каждому участнику *процесса предоставлены равные возможности* [4].

Сообщая участникам процесса о принципиальном качестве медиатора, специалисты используют типичные для информирования метатекстовые маркеры (1.2a) "*Ещё одна важная особенность* медиации", "*вновь*", а также прилагательные, со значением "непредвзятый" (1.2a) "*беспристрастный, нейтральный*" и термин "*третья нейтральная сторона*", который также указывает на непричастность специалистов к принятию решений.

Кроме того, отметим введенный в объяснение медиатора комментарий с призывом быть бдительными, актуализирующийся через презентацию ситуации пристрастности, (1.2b) "*... занимает чью-либо сторону*" и последующее указание на её недопустимость и равенство сторон (1.2b) "*... каждому участнику процесса предоставлены равные возможности*".

В случае, когда подобные презентации не имеют успеха, медиатор переходит к *тактике разъяснения*. Рассмотрим продолжение вступительного слова медиатора, в ходе которого выясняется, что одна из сторон считает, что по окончании процесса специалисты должны определить участника, который был прав в споре:

(1.3) Совместная сессия

(1.3a) Медиатор А: Сейчас мы подпишем соглашение о начале медиации, но до этого я бы хотела узнать, если ли у вас какие-либо вопросы о процедуре. Какова структура процесса, какова конечная цель? Есть ли у вас вопросы до того, как мы начнем?

(1.3b) Нэнси: Да, *в конце процесса будет голосование?*

(1.3c) Медиатор В: В этом нет необходимости. Сама идея медиативных обсуждений заключается в том, что они дают возможность *вам обоим сесть за стол переговоров и разработать решение вместе. Вы здесь вместе, две стороны.* И медиация работает только тогда, когда *вы оба голосуете "за" компромисс.*

(1.3d) Медиатор А: Мы будем осуждать различные варианты до того, момента, пока вы оба не сможете *проголосовать "за" решение* [4].

Медиаторы сталкиваются с вопросом Нэнси (1.3b) "*в конце процесса будет голосование?*", в котором заложена конфликтная установка (фактически определение "победителя"). Мы видим, что разъяснение медиатора (1.3c) направлено не на формальное определение роли посредника, а на разрушение сложившегося у конфликтующих сторон образа "врагов" и "войны", в которой кто-то должен выйти победителем. Медиатор использует тактику объединения, обращаясь не лично к Нэнси, которая задала вопрос, а к обоим участникам через местоимения *вы, оба* и числительное *оба* (1.3c) "*возможность вам обоим сесть за стол переговоров*", "*вы оба голосуете "за" компромисс*". Отметим также интересный ход медиатора, с помощью которого он трансформирует вопрос Нэнси о голосовании в утверждение, в котором глагол *vote* становится частью метафоры (*голосовать "за"*), означающей совместное решение (1.3c) "*... медиация работает только тогда, когда вы оба голосуете "за" компромисс*".

Как мы видим, из приведенных выше примеров, информирование на таком формальном этапе переговоров, как вступительное слово медиатора, также обладает определенным прагматическим потенциалом. Опытные медиаторы прибегают к расширению сценария базовых тактик сообщения и разъяснения, привлекая к реализации стратегии информирования такие техники, как иллюстрирование и отсылки.

Известный американский медиатор Б. Ларсен, практикующая медиацию по вопросам развода, использует во вступительном слове многочисленные отсылки к личному опыту и опыту своих клиентов, чтобы ещё на начальной стадии настроить пары успешное завершение процесса, а также расположить их к сотрудничеству, "отключив" установки состязательности. Рассмотрим, как использование отсылок к личной истории работы в суде и косвенное сравнение этого опыта с медиацией помогает Веа сформировать у участников образ медиации по делам раз-

вода как процесса, не подразумевающего такого стресса, как бракоразводный процесс в суде:

(2) Совместная сессия

(2) Медиатор: Я долго практиковала в суде и занималась исключительно бракоразводными процессами. Но со временем я обнаружила, что даже когда я выигрывала кейс, и мой клиент был счастлив, это длилось не так долго. Где-то через 28 часа они осознавали, что после того, что было сказано в суде с целью дискредитировать бывшего супруга, *они уже не могут общаться друг с другом* из-за той обиды, которая только нарастала после процесса. И я поняла, что не хочу участвовать в этом, потому что это *разрушительно для семей*. И тогда я подумала, хорошо, я буду медиатором [3].

Воздействие на установки участников, касающиеся недоверия к процедуре, крайне являются крайне важными для установления контакта и создания атмосферы доверия. Для разрушения таких негативных установок медиатор в примере (2) использует *тактику иллюстрирования*, рассказывая о том, почему она прекратила работу в суде. Желаемый эффект достигается за счет тщательно подобранных языковых средств, направленных иллюстрирование частного опыта, который обобщается до универсальной схемы. Говоря про судопроизводство по делам развода, Б. Ларсен вводит в рассказ много лексики с негативным значением, вербализующей такие состояния, как "испорченные личные отношения будущем" (2) "*уже не могут общаться друг с другом*" и "разрушительные эмоции" (2) "*обиды, которая только нарастала*", "*разрушительно для семей*". После презентации негативного образа суда медиатор строит контраст суд-медиация, вводя информацию о своем решении прекратить работу адвоката и стать медиатором. Цель созданного контраста - создание у сторон положительных установок относительно процесса, в который они должны вступить.

Оказываемый на стороны прагматический эффект определяет возможность охарактеризовать данный вид речевого воздействия как попытку *манулятивного воздействия* на комплекс ценностных и прагматических установок сторон. Иными словами, по форме реализуемая медиатором в стратегия представляет собой информирование, однако фактически специалист действует с помощью механизмов косвенного убеждения через различного рода отсылки (личный опыт, опыт других пар), а также через иллюстрирование тех особенностей медиации, являющихся преимуществом для конкретных участников (отсутствие необходимости опираться на законы при принятии решения, делить супружеское имущество пополам и т.д.). Таким образом, медиатор посредством расширения сценария стратегии информирования путем привлечения различных тактических ходов может не только сообщить сторонам об особенностях

структуры процесса, его принципах и специфике ролей участников, но и ввести в общение установки, обладающие значительной силой воздействия.

Источники:

1. Шамликашвили, Ц. А. Медиация как метод внесудебного разрешения споров. / Ц.А. Шамликашвили. - М.: МЦУПК, 2006. — 86 с.
2. Шамликашвили, Ц. А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие / Ц.А. Шамликашвили. - М.: МЦУПК, 2013. — 128 с.
3. Divorce mediation by Bea Larsen. Видео запись процесса медиации URL: https://www.youtube.com/watch?v=NtP6J01_MTg (дата обращения: 19.11.2016)
4. Workplace mediation. Видео запись процесса медиации. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=octPvGiYOq8> (дата обращения: 29.11.2016)

Мустафина С.А.
*к.ю.н., ст. преподаватель кафедры
земельного, трудового и экологического права,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина*

Лебедев М.О.
*студент юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина*

Mustafina S.A.
*Candidate of Law, lecturer of the Department of
land, labor and environmental law,
Kuban State Agrarian University them. IT Trubilin*

Lebedev M.O.
*student,
Kuban State Agrarian University them. IT Trubilin*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВЫХ ОСНОВ БОРЬБЫ С МИРОВЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

SOME ASPECTS OF LEGAL FRAMEWORK AGAINST INTERNATIONAL TERRORISM

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты правовых основ борьбы с мировым терроризмом в условиях современного мирового сообщества и пути их решения. Исследование данной проблемы вызвано развитием международного права, мировой экономики, а так же возросшей роли дипломатии.

Ключевые слова: международный терроризм, ООН, Совет Безопасности.

Annotation. The article discusses some aspects of the legal framework to combat international terrorism in the modern world community and their solutions. Investigation of this problem is caused by the development of international law, the world economy, as well as the increased role of diplomacy.

Key words: international terrorism, the UN, Security Council.

Развитию норм международного права можно дать высокую оценку, а вот положение с их соблюдением оставляет желать лучшего, хотя здесь и происходили позитивные процессы: так, совершенствовались способы разрешения международных споров, возросла роль дипломатии, расширилась практика оказания посреднических услуг, в том числе Генеральным секретарем. Повысилась роль самой ООН, ее специализиро-

ванных учреждений и региональных организаций в борьбе за соблюдение норм международного права. Был создан ряд международных судебных учреждений: Международный суд ООН, Международный трибунал ООН по морскому праву, Международный уголовный суд, а также судебные органы для защиты прав человека. Организация стала заниматься урегулированием не только межгосударственных, но и внутренних вооруженных конфликтов, что способствовало их прекращению, спасению миллионов мирных жителей. Тем не менее, соблюдение международно-правовых норм все еще остается на недостаточно высоком уровне, особенно в самой важной сфере - обеспечении мира и безопасности [2].

Существует ряд международно-правовых актов, которые регламентируют деятельность субъектов международного права в данной сфере:

1. Устав ООН (1945 г.);
2. Всеобщая Декларация Всеобщая декларация прав человека (1948 г.);
3. Американская декларация прав и обязанностей человека (1948 г.);
4. Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод (1950 г.);
5. Европейская социальная хартия (1961 г.);
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.);
7. Международная конвенция по правам человека (1966 г.);
8. Американская конвенция по правам человека (1969 г.);
9. Конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.);
10. Африканская хартия прав человека и народов (1981 г.);
11. Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987 г.);
12. Конвенция о ядерной безопасности (1994 г.);
13. Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (1997 г.);
14. Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.).

В распоряжении ООН имеются самые широкие возможности и средства, позволяющие координировать действия мирового сообщества. Россия утверждает принципиальные подходы к повышению эффективности ООН.

Определение угрозы нарушения основных прав и свобод человека и гражданина в государствах, где происходят гражданские волнения либо вооруженные конфликты, устанавливается лидерами мирового сообщества и главными органами ООН: Генеральным секретарем и Советом

Безопасности. Генеральный секретарь доводит до сведения Совета Безопасности информацию по проблемам, угрожающим, по его мнению, поддержанию международного мира и безопасности, а Совет Безопасности устанавливает меры международной ответственности в отношении государств, чья политика не соответствует общепризнанным принципам международного права.

В конце 19 века внимание мировой общественности периодически стала привлекать все с более нарастающей угрозой деятельность крупных террористических организаций. Наиболее крупными из них являются Аль-Каида, Соевещательное собрание моджахедов, Талибы. На данный момент острой и актуальной проблемой всего мира является функционирование на территории Сирии исламистской суннитской террористической организации (запрещенной в Российской Федерации), непризнанного квазигосударства - Исламского государства.

Целью заседания Совета Безопасности является принятие резолюции, которая помогла бы более полно способствовать прекращению деятельности террористической групп. Следует выработать новые, возможно более эффективные способы борьбы с ядерной угрозой для того, чтобы прекратить их существование в дальнейшем. Считаю, что в отношении Комитета по санкциям против ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каида Совету Безопасности необходимо расширить санкционный режим и ввести эмбарго на торговлю нефтью и культурными ценностями с террористами. Сегодня ИГИЛ «ДАИШ» и другие террористические группы раздувают ненавистническую пропаганду и осуществляют зверские нападения. Необходимо выработать глобальную стратегию, которая включала бы объединение всех стран, для эффективной и допустимой борьбы с данными проблемами мировой общественности. Считаю необходимым принятие резолюции, существо которой не будет противоречить основополагающим принципам и нормам международного права.

Источники:

1. Королев А.А. «Международный терроризм на современном этапе» Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» 2008, № 6
2. Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 1087.
3. Самович Ю.В. О понятии «международный терроризм» Вестник Томского государственного университета 2012, № 361
4. Международное право: Учебник / Под ред. Н.Т. Блатовой. М.: Юридическая литература, 2014. – 544 с.

Пилюгина Т.В.
*доцент кафедры административного права и
правоохранительной деятельности
Кубанский социально-экономический институт
кандидат юридических наук, доцент*

Бацун Я.В.
*студентка 3 курса юридического факультета,
Кубанский социально-экономический институт*

Pilyugina T.V.
*Associate Professor of Administrative Law and
law enforcement
Kuban Social and Economic Institute*

Batsun Ya.V.
*3rd year law student,
Kuban Social and Economic Institute*

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF INTERACTION IN THE ACTIVITIES OF THE ORGANS OF PROSECUTION AND INVESTIGATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В настоящей статье исследуется ряд вопросов, касающихся взаимодействия юридической деятельности органов прокуратуры и следствия в целях борьбы с преступностью. Рассмотрена история взаимодействия данных структур, дан анализ сложившейся на сегодняшний день ситуации, после законодательного реформирования следствия, в том числе относительно соотношения процессуального руководства и прокурорского надзора в ходе расследования уголовных дел.

Ключевые слова: юридическая деятельность, взаимодействие, борьба с преступностью, прокуратура, следствие, прокурорский надзор, процессуальный контроль.

Annotation. In this article we investigate a number of questions regarding the interaction of legal activities of prosecutors and investigators to combat crime. The history of interaction between data structures, the analysis of the current situation after the legislative reform of the investigation, including regarding the relationship of procedural guidance and prosecutorial oversight during the investigation of criminal cases.

Key words: legal activity, interaction, fighting crime, Prosecutor's office, the investigation, prosecutorial oversight, procedural control.

Полноценное осуществление назначения уголовного судопроизводства возможно лишь при условии тщательного выполнения своих обязанностей государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовный процесс, с самого начала уголовно-процессуальной деятельности, сразу при возникновении необходимости адекватного реагирования на любые сведения о признаках преступления.

Несмотря на то, что Российское уголовное судопроизводство имеет публичный характер, субъективный состав должностных лиц, их процессуальный статус и их процессуальная роль, в том числе прокурора и следователя, наделенных публичными полномочиями, длительное время подвергаются постоянным изменениям. [1]

Заметим, вопрос о необходимости повышения эффективности взаимодействия правоохранительных органов, в том числе органов прокуратуры и органов предварительного расследования, неоднократно становился предметом обсуждения. Особенно в период кардинальной реформации судебной системы нашего общества. С принятием ряда уголовно-процессуальных законодательных актов позитивная практика взаимодействия органов прокуратуры и следствия существенно изменилась. [2]

Заметим, с 7 сентября 2007 года принципиально изменилась система российских правоохранительных органов. В рамках данной реформы было создано новое самостоятельное ведомство – Следственный комитет, а с 15 января 2011 года он окончательно выделился из прокуратуры как Следственный комитет Российской Федерации. Созданием Следственного комитета Российской Федерации реализовалась идея разделения функций следствия и прокурорского надзора. Сегодня созданы новые условия, когда надзор и следствие разделены. По сути, на законодательном уровне произошло переосмысление форм и методов реализации имеющейся у прокурора функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, созданы определенные условия для превращения следователя из «чиновника по выполнению определенного комплекса процессуальных действий», «слуги прокурора» в самостоятельную процессуальную фигуру. [3]

Иными словами, Следственный комитет Российской Федерации сосредоточился на расследовании уголовных дел, а прокуратура оставила за собой надзорные функции. Большую часть прежних полномочий прокурора отныне осуществляет руководитель следственного органа. В утешение прокурору оставлены в полном объеме надзорные полномочия при расследовании уголовных дел, которые осуществляются в форме дознания и где он – процессуальный руководитель органов дознания. Тем не менее, следует признать и тот факт, что прокурор согласно законодательства на предварительном следствии, в соответствии с п.14,15, ч.2 ст.37 УПК РФ, утверждает обвинительное заключение по уголовному

делу, возвращает его со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или для пересоставления обвинительного заключения и выявленных недостатков [4]

Если говорить совершенно откровенно, то эти законодательные новшества, практически, настолько секвестровали прокурорский надзор за следствием, что теперь, по справедливому замечанию отдельных авторов, «прокурору отводится роль пассивного наблюдателя, право надзора у него осталось, а действенных полномочий нет» [5]. Хотя согласно ст. 1 и 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» – прокуратура является надзорным органом с соответствующими надзорными полномочиями. [6] Однако, сегодня по сути, в силу определенных обстоятельств надзорная функция прокуратуры в отношении предварительного следствия действительно стала соответствовать своему назначению, а прокурор лишился не надзорных полномочий, а контрольных. [7] Органы надзора не вмешиваются в оперативно-хозяйственную и организационную деятельность поднадзорных объектов, что позволяет не подменять собой контрольные органы. В свою очередь, руководители следственных органов получили столь широкие полномочия по контролю над деятельностью следователей, что они в определенной степени превышают имевшиеся ранее прокурорские полномочия по процессуальному руководству и надзору за следствием. Как совершенно справедливо отмечает А.Ш. Магомедов, произошло «механическое лишение прокурора полномочий по процессуальному руководству и контролю за следствием и наделение ими руководителя следственного органа» [8].

С нашей точки зрения Беляева ВП. противодействие преступности следует рассматривать как комплексную систему мер, направленную на пресечение (в самом широком смысле этого слова) преступлений и других правонарушений, включающую в себя профилактическую работу, непосредственно раскрытие и расследование преступлений (под непосредственным надзором прокуратуры), обеспечение соответствующего закону наказания и его реального исполнения. Заметим, что аналогичное мнение высказывают Ю.А. Воронин и А.В. Майоров, а по справедливому мнению Г.А. Аванесова, в систему борьбы с преступностью входят: расследование преступлений и розыск преступников, раскрытие преступлений, назначение и исполнение наказания, прокурорский надзор за всей этой деятельностью, а также обеспечение законности в данной сфере, профилактика, предотвращение и пресечение преступлений. [9,10]

Сегодня можно констатировать, что суд первой инстанции – это суд над преступлением, а прокурор в России – суд над делом. Такая позиция прокуроров, несомненно, отражается и на взаимоотношениях прокуроров и органов следствия, начиная со стадии возбуждения уголовного

дела и до принятия решения об утверждении обвинительного заключения. Следователь не должен быть бесправным исполнителем чьей-либо воли, творческий созидательный характер его работы диктует необходимость внутренней и внешней свободы, без чего невозможно самоуважение.

Вместе с тем, следует отметить, что даже при регулярно принимаемых мерах по обеспечению требуемого качества расследования и осуществлению надзора за ним допускаются недоработки при производстве предварительного следствия. Такие недоработки зачастую создают условия для вынесения оправдательных вердиктов. К основным просчетам следствия можно отнести: допущение при производстве следственных действий нарушений уголовно процессуального закона, влекущих признание доказательств недопустимыми неполноту расследования: отсутствие вследствие прямых доказательств вины подсудимых и достаточных данных, опровергающих их версии о непричастности к совершенному преступлению, невосполнимые в судебном следствии пробелы в доказательственной базе, а также наличие не устраненных противоречий между отдельными доказательствами.

К сожалению, само качество предварительного следствия остается невысоким, количество выявленных нарушений, допускаемых следователями при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, возрастает. Доля уголовных дел, оконченных с нарушением установленного законом срока не уменьшаются.

В заключении отметим, в целях повышения эффективности противодействия преступности в непосредственном взаимодействии органов прокуратуры и следствия думается, что в судебном следствии эффективность взаимодействия прокурора со следствием должна сочетаться с организацией взаимодействия с другими участниками процесса, то есть достигаться в рамках системного взаимодействия прокурора со всеми участниками процесса судебного следствия.

Источники:

1. Лодыгин С. Н. Проблемы взаимодействия прокуратуры РФ с органами, осуществляющими предварительное расследование: сб. ст. по мат. XIV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 14.
URL: <http://sibac.info/archive/humanities/guman>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г // Консультант-плюс
3. Указ Президента РФ от 14.01.2011 г. «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации»; Положение «О Следственном комитете Российской Федерации»
4. Барабаш А. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность №4, 2011
5. Лапин С.Ю. Прокурор - следователь: революция началась // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».
7. Приказ Генпрокуратуры Российской Федерации от 05.07.2002 № 39 (ред. от 16.03.2006) «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства».
8. Магомедов А.Ш. Просчеты законодателя при реформировании предварительного следствия // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6.
9. Беляев В.П. Юридическая деятельность органов прокуратуры и следствия: проблемы взаимодействия // Право и образование. 2004. № 6. С. 5 - 26.
10. Беляев В.П., Ларина О.Г. Образование института государственного контроля и надзора в России // История государства и права. 2012. № 17.

Пилюгина Т.В.
*доцент кафедры административного права и
правоохранительной деятельности
НОУ ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент*

Сопина Л.Ю.
*студентка юридического факультета,
НОУ ВО «Кубанский социально-экономический институт»*

Pilyugina T.V.
*Associate Professor of Administrative Law and
law enforcement
Kuban Social and Economic Institute
Candidate of Law Sciences, associate professor*

Sopina L.Yu.
*3rd year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE IMPLEMENTATION OF EXECUTIVE POWER

Аннотация. В статье затронута актуальная проблема изучения вопросов прокурорского надзора в области реализации исполнительной власти России.

Ключевые слова: Прокурорский надзор, прокурор, закон, правоохранительные органы, надзор, нарушение, исполнительная власть.

Annotation. The article touches upon the actual problem of studying the issues of prosecutorial supervision in the implementation of the executive authorities of Russia.

Key words: Prosecutor supervision, prosecutor, law, law enforcement authorities, supervision, violation, executive power

Современные политические и социально-экономические условия развития России выдвигают принципиально новые требования к уровню профессиональных знаний, компетентности сотрудника правоохранительных органов. Расследование и предупреждение преступлений является сложной социальной деятельностью, от качества которой во многом зависит успех борьбы с преступностью. Этот процесс осуществляют специалисты правоохранительной системы, личностные качества кото-

рых, профессионализм, создаваемый ими имидж влияет на качество раскрываемости преступлений, профилактику противоправной деятельности. Важно, чтобы существовал механизм, обеспечивающий строгое и точное соблюдение законов. При этом государственная и общественная жизнь должна быть организована так, чтобы соблюдение закона было обязательным и необходимым требованием для гражданина, должностного лица, государственного органа или общественного объединения. И в этом случае таким механизмом в системе государственного контроля являются органы прокуратуры.

Заметим, проблемы изучения вопросов прокурорского надзора - тема особо притягательная своей проблематичностью и постоянной актуальностью для ученых и практикующих юристов.

Задуманный Петром I и утвержденный им государственный орган «око государево», названный в последствии как прокуратура возложил на себя функции надзора за точным и единообразным исполнением законов в сфере исполнительной власти.

Впервые понятие законности было разработано Н. Г. Александровым [1], который под таковой понимает неуклонное и точное соблюдение (исполнение) норм права всеми субъектами общественных отношений. Данное понятие вызвало к жизни множество точек зрения. Вплоть до настоящего времени вокруг него идут непрекращающиеся дискуссии, суть которых, по мнению, например, В. С. Афанасьева [2], можно свести к четырем положениям: а) верховенство закона; б) единство законности; в) целесообразность законности; г) реальность законности.

На основе всех этих элементов можно сформулировать существенные признаки законности. Во-первых, причинно-следственная обусловленность законности политико-правовыми процессами, происходящими в обществе и государстве. Во-вторых, всеобщность и общеобязательность требований законности, выражают цели развития государства и пути их достижения. При этом высокая степень абстракции, которая объясняется собирательным содержанием категории «законность», и определяет ее объективный характер. Кроме того эффективное пресечение любых правонарушений и обеспечение неотвратимости наказания за противоправные деяния, осуществление государственных функций по охране законности в соответствии с предписаниями действующего законодательства.

Анализ деятельности прокуратуры в сфере реализации исполнительной власти позволяет раскрыть уровень и состояние законности, служащей определяющим критерием оценки правовой жизни общества. Поскольку любое государство не может обойтись без законов и заинтересованно в проведении их в жизнь. [3]

Содержание правовой действительности под углом зрения практического осуществления права, отметим, что прокурорский надзор [4], осуществляя от имени государства, свои полномочия в сфере общего надзора, решает вместе с другими органами и организациями вопросы политического, государственного, экономического, социального, национального и культурного строительства [5]. При этом прокуратура не подвергает деятельность и акты соответствующих органов государственного управления оценке с точки зрения целесообразности, а лишь осуществляет надзор за тем, чтобы государственные органы, общественные организации, должностные лица и граждане не нарушали закон. Вскрыв нарушение, прокуратура сама его не устраняет, а передает дело на рассмотрение суда, либо соответствующего государственного органа. Исключением из этого общего правила является надзор прокуратуры за исполнением закона при расследовании уголовных дел и частично при надзоре за местами лишения свободы. Здесь прокурор обладает властными полномочиями и сам своей властью может устранить выявленные нарушения закона.

В целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляют в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, коррупционной направленности руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона. В случае неисполнения требований, изложенных в указанном предостережении, должностное лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в установленном законом порядке.

По данным Генеральной Прокуратуры РФ среди лиц, совершивших преступления коррупционной направленности на территории РФ, преобладают те, кто занимают должности в органах исполнительной власти не только на уровне субъекта РФ [6]. При этом в I полугодии 2016 г. их численность ниже в сравнении с 2014 г. и 2015 г. Напротив, в органах исполнительной власти на уровне РФ с каждым годом растет количество должностных лиц, привлеченных к ответственности за совершение коррупционных преступлений. В I полугодии 2016 г. данный показатель вырос на 25,9% в сравнении с I полугодием 2015 г. По данным Министерства Внутренних дел РФ [7], наиболее подверженными коррупционным проявлениям остаются такие сферы деятельности как: осуществление должностными лицами органов исполнительной власти разрешительных и контрольно-надзорных функций.

Вместе с тем, следует не забывать и тот факт, что модернизация российской экономики как обязательное условие успешного развития

страны невозможна без создания благоприятных условий для современного бизнеса, привлечения инвестиций. Поэтому усилия органов прокуратуры в сфере реализации государственных органов власти, других заинтересованных ведомств и общественных институтов должны быть нацелены на защиту прав субъектов предпринимательской деятельности. Об этом говорил и в своем Послании [8] Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин, ведь речь шла о макроустойчивости в развитии экономики и создании финансовых резервов.

Следовательно, предметом прокурорского надзора, в этом случае, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина является их соблюдение федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

Заметим, при осуществлении контроля органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций. Их основа проверки – законность правовых актов, издаваемых органами исполнительной власти, федеральными министерствами и ведомствами.

К сожалению, в последнее время в сфере применения и исполнения законов отмечаются серьезные недостатки. Однако, трудности в реализации законов порождены не только дефектами юридического свойства, но и негативными явлениями в социально-экономических, политических и национальных отношениях. Безусловно нормальной реализации законов препятствуют: объективные и субъективные факторы. Для того чтобы устранить эти факторы необходимо усилить работу правоохранительных органов, которые в свою очередь входят в механизм гарантий законности. Наиболее существенной гарантией в этом случае является прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законности.

С учетом сказанного и в соответствии с третьим разделом статьи Закона «О прокуратуре РФ», именуемом «Прокурорский надзор», мы можем четко определить направления (отрасли) прокурорского надзора.

В основе установленного требования о необходимости соответствия Законам издаваемых названными органами правовых актов лежит закрепленный в Конституции РФ принцип верховенства закона. Правовые акты указанных органов и их должностных лиц носят подзаконных

характер. Они издаются в целях реализации законов и в своей основе имеют закрепленные в законе положения.

Отклонение от текста закона может привести к искажению его смысла, наступлению отрицательных, во многом непредсказуемых последствий. Из – за этого государство всецело заинтересовано в том, чтобы подзаконные акты издавались в точном соответствии с требованиями, заложенными в законе. Надзор за соответствием закону правовых актов является одной из основных задач прокуратуры.

Несоответствие закону правовых актов выражается так:

- отсутствие предусмотренных в законе фактических обстоятельств, являющихся основанием для издания соответствующих правовых актов;
- издание правового акта во исполнение отмененного либо утратившего силу закона;
- произвольное толкование положений закона, обусловившее принятие противоречащего ему правового акта;
- умышленное искажение смысла закона в изданном правовом акте;
- неправильный выбор закона, положенного в основу решения представленных в правовом акте вопросов;
- несоблюдение правил, сроков, формы и процедуры издания актов.

Безусловно, как важнейший институт правоохранительной системы государства, прокуратура не может сохранять без изменений данные ей функции, формы, методы, направления своей деятельности. По мере изменения условий социальной действительности, формирования установок правового поля, упрочнения законности, повышения правовой культуры будут вноситься необходимые коррективы в деятельность прокуратуры. Не исключается даже возможность создания нового самостоятельного органа, который возьмет на себя выполнение обязанностей, реализуемых ныне в рамках надзорной функции прокуратуры. Для этого, естественно, нужны соответствующие условия. Пока они не наступили, функция надзора за исполнением законов должна принадлежать прокуратуре.

Подводя итог выше сказанному, мы делаем вывод о том, что использование на практике методик проведения прокурорских проверок улучшает качество и повышает результативность самого надзора.

Источники:

1. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. -/ Н.Г.Александров -М., 1948;
2. Афанасьев В.С. Законность и правопорядок / Теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 297; Назаров П.С. Правопорядок в условиях формирования правового государства. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ (действующая редакция, 2016)

4. Пилюгина Т.В., Петров В.И. Современные аспекты административно-правового регулирования отношений общества с государственным аппаратом // «Общество и право» № 2, 2016
5. Лапин С.Ю. Особенности прокурорского надзора за рассмотрением заявлений и предварительным следствием по делам о нарушении права интеллектуальной собственности // Следственная практика. - М., 2002.
6. Данные Генеральной Прокуратуры РФ о преступлениях коррупционной направленности: <http://www.fedstat.ru/indicators/org.do?id=62>
7. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2014 году: https://mvd.ru/Deljatelnost/results/annual_reports
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» // Гарант-плюс

Пятница Е.Ю.
*аспирант кафедры криминалистики и правовой информатики,
Кубанский государственный университет*
Pyatnitsa E.Y.
*postgraduate student of the Department of criminalistics and legal
informatics of the Kuban state university*

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ, ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

THE RELEVANCE OF THE STUDY OF INNER CONVICTION AS A PROCEDURAL, HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL CATEGORY

Аннотация. В статье анализируется категория «внутреннее убеждение». Особое внимание уделяется проблеме правильного формирования внутреннего убеждения. Автор предлагает изменения в Уголовно-процессуальный кодекс.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, оценка доказательств, личность судьи, внутреннее убеждение, метод оценки доказательств, результат оценки доказательств, принцип свободы оценки доказательств, совесть, правосознание.

Annotation. The article examines the category of "inner conviction". Special attention is paid to the problem of correct formation of internal beliefs. The author proposes changes to the Criminal procedure code.

Key words: criminal process, proof, evaluation of evidence, the judge's personality, inner conviction, the method of evaluation of evidence, evaluation of evidence, the principle of free evaluation of evidence, conscience, sense of justice.

Об актуальности исследования внутреннего убеждения как процессуальной, исторической и психологической категории.

Согласно онтологическому толкованию понятие убеждения раскрывается как «прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-либо, точка зрения» [1, с. 809], а понятие «внутреннее» - «составляющий содержание, раскрывающий глубину, сущность ...чего-либо» [2, с. 88].

В самом общем виде убеждение представляет собой «прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-либо, точка зрения» [3, с. 809]. Внутреннее убеждение субъектов доказывания «является, с одной стороны, методом оценки доказательств, а с другой, - в качестве результата этой оценки выступает одним из критериев ее правильности» [4,

с. 134]. Внутреннее убеждение основывается на совокупности имеющихся в деле доказательств. Значит, совокупность имеющихся в деле доказательств влияет на оценку относимости, допустимости, достоверности отдельных доказательств и достаточность их совокупности. Влияние это опосредованно внутренним убеждением. То есть, сначала внутреннее убеждение выступает мерилom оценки отдельных доказательств, затем совокупность доказательств корректирует внутреннее убеждение в оценке свойств отдельных доказательств, а в итоге – формирует внутреннее убеждение об их достаточности. Соответственно можно считать процесс формирования внутреннего убеждения цикличным – от части к целому и от целого к части, где внутреннее убеждение выступает и как метод, и как результат. При этом частью следует понимать внутреннее убеждение в отношении свойств отдельных доказательств, а целым – внутреннее убеждение в свойствах их совокупности [5, с. 234].

По мнению Кореневского Ю.В. в уголовном процессе в конце концов наступает момент, когда на основе собранных и проверенных доказательств следователь, прокурор, судья создают мыслительную картину, мысленных образ преступления, остаются, так сказать, наедине с этим представлением. И каждый из них должен решить, правильно ли это представление, соответствует ли оно действительности, не ошибся ли он в своих выводах. Никакого «объективного критерия, лежащего за пределами сознания», здесь нет и быть не может, ибо искомая истина известна нам только в виде наших же представлений, основанных, разумеется, на доказательствах, полученных и проверенных в результате практической деятельности» [6, с. 31].

Таким образом, внутреннее убеждение субъекта познания представляет собой единство субъективного и объективного.

В своих работах Кони А.Ф., выдающийся судебный деятель, всегда уделял большое внимание личности судьи: «Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках» [7, с. 29]. В связи с этим, красной нитью в его работах прослеживается идея оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, прокуроров, адвокатов, следователей, присяжных заседателей.

Роль внутреннего убеждения судьи была неоднозначна в различные исторические периоды. А.Ф. Кони приводит следующую характеристику внутреннего убеждения:

- в эпоху античности – это свобода внутреннего убеждения при ограниченном круге доказательств;
- в эпоху средневековья – это ненужность внутреннего убеждения (все решает суд Божий);

- в эпоху феодализма – это предвзятость внутреннего убеждения (слияние церкви и государства);

- в эпоху абсолютизма – это связанность внутреннего убеждения при теории формальных предустановленных доказательств;

- в эпоху нового времени – свобода внутреннего убеждения, возвращая его в положение античного судьи, но обставляя его личность и деятельность условиями и требованиями, которые обеспечивают, по мере возможности, правильность отправления правосудия [8, с. 88].

В 1832 году Николаем I был учрежден Свод законов Российской империи, XV том которого составляли законы уголовные. Его составляли две книги:

1) «О преступлениях и наказаниях вообще»;

2) «О судопроизводстве по преступлениям» - первый уголовно-процессуальный кодекс России. Именно в этот момент уголовно-процессуальное право приобрело все признаки самостоятельной отрасли российского права.

Кодекс закрепил систему формальной оценки доказательств и лишь принятие Устава уголовного судопроизводства в 1864 году ознаменовало переход к системе свободной оценки доказательств по внутреннему судейскому убеждению.

Общепринято, что применение формальной оценки доказательств недопустимо, поскольку такая оценка ограничивает субъекта познания установленными рамками формализации. Каждое расследование абсолютно индивидуально по своему содержанию, закон не может урегулировать то, что решается в каждом конкретном случае с учетом сложившихся обстоятельств.

Резник Г. М. разъясняет выражение «доказательства оцениваются по внутреннему убеждению» тем, что «они оцениваются независимо от внешних предустановленных критериев. Так протекает оценка достоверности, силы и достаточности доказательств. Внутреннее убеждение характеризует здесь сам процесс познания, поскольку субъект, делая вывод о том, что исследуемые события имели место в объективной действительности, не подводит фактические данные под норму закона, в которой содержится их готовая оценка» [9, с. 20].

Статья 119 Устава уголовного судопроизводства устанавливала: «По выслушании сторон и по соображении всех доказательств, имеющих в деле, мировой судья решает вопрос о вине или невинности подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве».

Статья 804 Устава уголовного судопроизводства обязывала председателя суда напоминать присяжным заседателям, что «они должны определить вину или невинность подсудимого по внутреннему своему

убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела, и что, в случае осуждения подсудимого, они могут, если найдут достаточные к тому основания, признать его заслуживающим снисхождения».

Принятый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. в 323 статье сохранял данное положение: «Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности».

В дальнейшем существо данной нормы изменилось лишь с точки зрения идеологической направленности.

Статья 71 УПК РСФСР 1960 года устанавливала: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием».

«Правосознание – совокупность взглядов, выражающих отношение людей к праву. Взгляды, образующие правосознание, выражают представления людей о том, какие требования может и должно предъявлять право, а равно толкование и оценку действующих правовых норм, а также оценку правомерности или неправомерности поведения людей» [10, с. 497].

Составляющей социалистического правосознания является запрет свободы частной собственности как одного из прав и свобод человека, и не просто запрет, а создание отрицательного правового образа частной собственности и субъекта отношений, с нею связанных. Установление мер уголовно-правового запрета частной собственности сформировало в правосознании негативное отношение к собственности вообще, что прямо влияет на уровень правового поведения граждан.

Судья является гражданином общества, и в его правосознании выражается правосознание общества [11, с. 331].

Статья 17 УПК РФ окончательно закрепила данную норму без идеологической окраски: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Провозглашенная свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению имеет свои ограничения в виде закона и совести, которыми правоприменителю необходимо руководствоваться. Однако если в отношении понятия закона вопросов не возникает, то в отношении понятия совести нельзя сказать того же. Совесть – категория нравственная.

Совесть характеризует нравственную природу не только оценки доказательств, но и всей процедуры доказывания, поскольку является тем самым духовным свойством человека, которое позволяет ему соотносить свои действия с общественной моралью. Любой судья, прокурор, следователь или дознаватель, формируя, проверяя и оценивая уголовные доказательства, должен непременно осмысливать, т.е. ясно и однозначно понимать и представлять нравственную и общественную достоинство осуществляемой им доказательственной деятельности. Общественная достоинство и нравственность формулируемых при оценке доказательств процессуальных выводов, которые впоследствии воплощаются в определенные действия и решения, непременно высвечивают их совесть или несовесть. Ущербная моральная основа или вообще полное отсутствие таковой приводят к искаженной оценке доказательств, извращенному внутреннему убеждению и в конечном итоге – к несправедливым действиям и решениям, по форме являющимися правильными, а по существу противоречащими общественной морали [12, с. 43].

Указание законодателем на одну нравственную категорию заставляет невольно задуматься о существовании других категорий, активно или пассивно влияющих на формирование внутреннего убеждения.

Судья, прежде всего человек. Ему свойственно подвергаться воздействию различных явлений, таких как настроение, воспитание, социальная среда, уровень социализации и т.д. Если мы будем отрицать данный факт, то как объяснить различающуюся практику в уголовном судопроизводстве по однотипным делам?

Несомненно, закон и совесть, которыми руководствуется судья, создают предпосылки для правильного формирования внутреннего убеждения. Внутреннее убеждение складывается в условиях независимости судей при их обязанности противостоять попыткам воздействия извне подобных явлений.

Индивидуально-психологические предпосылки определяющие пригодность к судебной деятельности, выявляются с учетом характера деятельности судьи: «...судебная работа предъявляет к личности судьи многообразные требования, которым должна соответствовать система свойств и качеств личности. При этом имеется в виду не простое сосуществование определенных свойств, а их органическая связь между собой, их взаимодействие в такой системе, в которой одни из них выдвигаются на первый план и являются ведущими, в то время как другие при этом играют вспомогательную роль. Принципиальность, самостоятельность характеризуются наличием твердых убеждений и активным стремлением к их реализации вне зависимости от внешних влияний. Решительность выражается в способности своевременно и без излишних колебаний принимать обоснованные решения и проводить их в жизнь.

Уравновешенность, умение владеть собой проявляются в способности сдерживать себя, подчинять себе нежелательные побуждения. Беспристрастность выражается в готовности объективно оценивать факты и события, высказывания лиц, не доверяясь внешнему впечатлению, в стремлении познать сущность явлений. Все эти волевые качества направлены на регулирование человеком своего поведения и связаны с усилиями, необходимыми для преодоления препятствий на пути достижения цели» [13, с. 89].

Внутреннее убеждение должно формироваться лишь на основании исследования всех обстоятельств дела, опираться на относимые, допустимые, достоверные и в совокупности достаточные доказательства. Поэтому 1 часть статьи 17 УПК РФ правильно было бы изложить в следующей редакции: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом только законом и совестью». Закон в данном случае должен подчеркивать важность противодействия различным воздействиям извне, чтобы правоприменитель абстрагировался в каждом конкретном случае от субъективных моментов и принимал решение объективно, руководствуясь двумя «стажами» - законом и совестью.

Источники и примечания:

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Ожегов С.И., Шведова Н.И. М., 1994.
2. Там же.
3. Там же.
4. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009.
5. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания. 2013.
6. Кореневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. Власихина В.А. М., 2000. – С. 154. Российский судья. 2007. № 2.
7. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А.Ф. Избранные труды и речи / сост. Потапчук И.В., Тула. 2000.
8. Там же.
9. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977.
10. Юридический словарь. М., 1953.
11. Телятников В.И. Убеждение судьи / Монография. СПб., 2004.
12. Будников В.Л. Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве / Российская юстиция. 2010. № 1.
13. Редутная Н.В. Народный судья: профессиональное мастерство и подготовка. М., 1977.

Расулова З.О.

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет*

Rasulova Z.O.

*graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology
Kuban State University*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИИ

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON THE INVOLVEMENT OF A MINORS IN CRIME AND ANTISOCIAL ACTIVITY IN RUSSIA

Аннотация. В данной статье рассматривается *процесс* становления и развития Российского законодательства о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность. Анализируется русское уголовное законодательство, законодательство советского периода и действующее уголовное законодательство.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, уголовное законодательство, указ, преступление, антиобщественная деятельность, родители.

Annotation. This article considers the process of formation and development of the Russian legislation on the involvement of a minors in criminal and antisocial activity. Analyzes the Russian criminal law, the law of the Soviet period and the existing criminal laws.

Key words: involvement of minors, criminal law, decree, crime, the parents, antisocial activities.

Для того чтобы лучше понять содержание и значение ныне действующего уголовного законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере охраны семьи и несовершеннолетних, необходимо проанализировать момент возникновения и изменения содержания таких норм на материале источников права различных периодов существования России.

Охране прав и интересов несовершеннолетних в Древней Руси уделялось мало внимания. Отношения возникающие между родителями и детьми регулировались в основном церковным законодательством. По Уставу князя Владимира (980 — 115 гг.) церковному суду подлежали:

развод, умычка или умыкание, то есть похищение невесты (языческий брачный обычай), виновные в кровосмешении («в племени или сватстве поимутся») [5]. В Уставе князя Ярослава о церковных судах (1015 — 1054 гг.), устанавливаются конкретные меры наказания. Так ст. 2 за «умыкание» чьей-либо дочери с целью вступления с ней в брак, предусматривала материальную ответственность перед церковной властью и перед князем. В уставе так — же содержались запреты и наказания за двоебрачие (ст. 7 и 13), кровосмешение (ст. 12), браки без согласия родителей, принудительные браки, за которые родители отвечают только в том случае, если принуждённые сделают что-либо над собой и т.д. [6]. На начальном этапе развития Русского государства и права мы можем проследить зарождение интереса властей к проблеме преступности против несовершеннолетних.

Соборное Уложение (1649 г.) является одним из документов, в который включались нормы, охраняющие права несовершеннолетних. Данным документом предусматривалось усиление ответственности за общеуголовные преступления, совершаемые против детей. Соборное Уложение стало первым законодательным актом, предусматривающим наказание за вовлечение в совершение различного рода преступной деятельности, в ст. 12 указывается: «А будет такое наругательство над кем учинит чей-нибудь человек, и того человека пытать, по чьему научению он такое наругательство учинил. Да будет тот человек с пытки скажет, что он такое наругательство учинил по научению того, кому он служит, или по чьему научению, и тем людям, кто на такое дело кого научит, и тому, кто такое дело сделает, потому же учинити жестокое наказание, бити их кнутом по торгом и вкинуть их в тюрьму всех на месяц, да на тех же людей, кто на такое дело людей своих научит, правити тем людям, над кем такое наругательство люди их учинят, бесчестие вдвое». В ст. 19 гл. 22 Соборного уложения 1649 г. сказано: «А будет кто пад кем учинит смертное убийство по чьему научению, а сыщется яри то допряма, итого, кто на смертное убийство научал, и кто убил, обеих казнити смертного же». В ст. 25 Уложения определялась ответственность за вовлечение в занятие проституцией (сводничество) замужних женщин и девушек [7]. Возраст, до которого лицо считалось ребенком, не был определен в Уложении. Этот недостаток был присущ Российскому уголовному праву и в дальнейшем.

Впервые, ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность, была установлена в 1845 году, с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Преступления против несовершеннолетних излагались в главе 2 «О злоупотреблении родительской власти и о преступлениях

детей против родителей», в ней предусматривалась ответственность за злоупотребление родительской властью. За вовлечение своих детей в совершение преступления Уложение предусматривало максимальную меру наказания, предусмотренную за то преступление, в совершение которого был вовлечен своими родителями ребенок, если даже они сами не принимали участия в преступлении. Родительская власть была снижена, А. Лохвицкий отмечал: «Это смягчение обуславливалось не только нравственными началами, но и государственным интересом, потому что дети, находясь в безусловной власти родителей, повинуюсь им беспрекословно, тем самым выходили из-под власти государства; самодержавие родителей парализовало самодержавие верховной власти и закона. Теперь власть родителей сохранена законом в пределах, требуемых нравственностью, благом семьи, самих детей и государства» [1].

Дальнейшее развитие исследуемых норм было связано с разработкой Уголовного Уложения 1903 года. Преступления против брачного союза и детей были объединены в одну главу «О преступных деяниях против прав семейственных». В Уложении законодатель дал возрастные разграничения потерпевшего: до 12 лет - ребенок, от 12 до 16 - малолетний; в качестве самостоятельной группы выделены лица в возрасте от 16 до 21 года. В ст. 361 главы XVIII «Посягательства на союз семейный» Уложения 1903 года предусматривалась уголовная ответственность родителей и лиц, осуществляющих попечение и надзор за малолетним, в частности, за обращение или отдачу не достигшего 17 лет для нищенствования, бродяжничества или безнравственного занятия. Согласно Уложению родитель виновный в совершении различных противоправных действий в отношении несовершеннолетнего, наказывался тюрьмой. Причем в некоторых случаях суд мог лишить виновного власти над несовершеннолетним (современное лишение родительских прав) [14]. В Уложении прослеживаются изменения при законодательном закреплении вопроса о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений. Тем не менее проблема оставалась мало разработанной.

Периоды социальных потрясений в обществе 1917-1920 г. характеризуются ростом преступности. Высокая смертность взрослого населения страны явилась одной из причин быстрого увеличения числа безнадзорных детей и подростков. Многие из них, попадая в поле зрения преступных элементов, привлекались к совершению преступлений, занятию проституцией, попрошайничеством, приобщались к ведению преступного образа жизни, такая ситуация свидетельствовала о перспективах роста преступности несовершеннолетних в ближайшие годы. С первых дней Советской власти, охрана детства и борьба с

беспризорностью были определены как задачи первостепенной значимости. Послереволюционное законодательство также уделяло внимание борьбе с преступностью против несовершеннолетних.

14 января 1918 г. В.И. Лениным был подписан важнейший законодательный акт - Декрет Совета народных комиссаров РСФСР о комиссиях по делам несовершеннолетних. Вопрос предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий получил развитие после издания Декрета от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» и разработки инструкции комиссиям по делам несовершеннолетних – комиссии были обязаны привлекать к судебной ответственности взрослых при установлении преступного участия (ст. 14) [8]. В Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. отмечается расширение круга деяний нарушающих права и законные интересы несовершеннолетних, за которые взрослые лица несут ответственность. Так в Уголовном кодексе 1922 г. была введена норма предусматривающая ответственность взрослых лиц за посягательство на интересы правильного нравственного и физического воспитания несовершеннолетних. Ст. 171 УК предусматривала ответственность взрослых лиц за вовлечение подростков — девушек в занятие проституцией. Если вовлеченные девушки не достигли совершеннолетия либо состояли на попечении обвиняемого — наказание на срок не ниже 5 лет лишения свободы [9]. В 1926 г. был принят второй Уголовный кодекс РСФСР. Ч. 2 ст. 158 предусматривала ответственность за оставление родителями малолетних детей без всякой поддержки, а равно понуждение детей к занятию нищенством [10]. Указанная норма является прообразом действующей в настоящее время ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий».

В уголовное законодательство 1935 г. были внесены дополнения. 7 апреля 1935 г. принято постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних». Ст. 73 предусматривала ответственность в виде лишения свободы на срок не ниже 5 лет «за подстрекательство или привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в принуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством». В 1936 году УК РСФСР был дополнен ст. 73.2, которая предусматривала ответственность за подстрекательство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях, а также понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством — лишение свободы на срок не ниже 5 лет.

С принятием нового Уголовного Кодекса в 1960 году в

законодательство об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность были внесены изменения. В гл. 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» содержалась ст. 210 «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность». В статье предусматривалась ответственность также за вовлечение в антиобщественную деятельность. Грабовская Н.П. полагает, что «В ст. 210 предусмотрены следующие составы: 1) вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность; 2) вовлечение несовершеннолетних в пьянство; 3,4,5) вовлечение несовершеннолетних в занятие попрошайством, проституцией или азартными играми; 6) использование несовершеннолетних для целей паразитического существования» [2]. Под использованием несовершеннолетних для целей паразитического существования понималось — получение доходов за счет преступной или иной антиобщественной деятельности несовершеннолетних, если такое использование является для виновного основным или дополнительным источником существования [11]. Вовлечение в преступную деятельность предполагало активные действия — уговоры, угрозы, обещания, обман, предложения. Отсутствие активного поведения не давало оснований для применения статьи. Указ Президиума Верховного Совета от 3 июля 1965 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», заменил слова в статье 210 «в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми» словами «в пьянство, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, либо склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических веществ». Сперанский К.К. отмечает, чтобы считать преступление по ст. 210 оконченным, достаточно совершения взрослым умышленных действий с целью приобщения несовершеннолетнего к ведению паразитического образа жизни и извлечения нетрудовых доходов. Необязательно чтобы несовершеннолетний систематически занимался попрошайничеством или азартными играми [3]. Также статью 210.1. дополнила норма об ответственности за «доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний, наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом от двух до трех минимальных месячных размеров оплаты труда». В 1987 г., Указом Верховного Совета от 29 июня дополнительно введена ответственность по ст. 210.2. «Вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, не являющихся наркотическими, влекущих одурманивание». Данное деяние

наказывалось лишением свободы на срок до пяти лет.

В УК РФ 1996 г. впервые в истории отечественного уголовного права, посягательства на нормальное существование семьи и развитие несовершеннолетних объединены в отдельную главу «Преступления против семьи и несовершеннолетних» (гл. 20). В самостоятельных статьях рассматривается ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (ст. 150) и в антиобщественные действия (ст. 151) [12]. Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в ст. 151 были внесены изменения. Уточнен возраст субъекта преступления (18 лет), исключена такая форма преступного деяния как вовлечение в занятие проституцией. Статья дополнена примечанием: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи вовлечения несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, если это деяние совершено родителем вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства» [13]. Указанные изменения свидетельствуют о сложности рассматриваемых вопросов и постоянного обновления уголовного законодательства.

Таким образом, анализ развития норм о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий показал, что изначально закладываются основы защиты семьи, а через них защиты прав несовершеннолетних. В Древней Руси регулирование отношений возникающих родителями и детьми, осуществлялось большей частью нормами церковного законодательства. Охране права и интересов несовершеннолетних уделялось мало внимания, норм предусматривающих ответственность за преступления против несовершеннолетних не существовало. Соборное Уложение 1649 г. стало первым законодательным актом, предусматривающим наказание за вовлечение в совершение различного рода преступной деятельности. В Уложении не был определен возраст вовлекаемых, поэтому можно предположить, что ими могли быть несовершеннолетние лица. В 1845 году, с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных была впервые установлена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность. В Уголовном Уложении 1903 года законодатель дал возрастные разграничения потерпевшего, преступления против брачного союза и детей были объединены в одну главу. Послереволлюционное законодательство также уделяло внимание борьбе с преступностью против несовершеннолетних, отмечается расширение круга деяний, нарушающих права и законные интересы несовершеннолетних, за

которые взрослые лица несут ответственность.

Источники:

1. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб, 1867. С. 189.
2. Курс советского уголовного права. / Под ред. Беляева Н.А. Л, 1981. Т. 5. С. 53.
3. Сперанский К.К. Уголовно — правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов-на-Дону. 1991. С. 109.
4. Павлов Д. В. История развития отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественную деятельность. Ленинградский юридический журнал. № 4. 2009. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-otechestvennogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-predusmatrivayuschego-otvetstvennost-za-vovlechenie>.
5. Церковный Устав Владимира. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/699292>
6. Устав князя Ярослава о церковных судах. Режим доступа: <http://history.syktnet.ru/01/01/001.html>
7. Соборное Уложение 1649 года. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#22>
8. Декрет от 4 марта 1920 г. Режим доступа: <http://istmat.info/node/41195>
9. Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>
10. Уголовный Кодекс РСФСР 1926 г. Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>
11. Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/
12. Уголовный Кодекс РФ 1996. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
13. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/
14. Уголовное Уложение 1903 г. Режим доступа: <http://studopedia.org/9-104155.html>

Сёмик А.А.
*профессор Кубанского социально-экономического института,
д.и.н., к.пс.н., доцент*

Sëmik A.A.
*Professor of Kuban Social and Economic Institute,
dhs, k.ps.n., associate professor*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО ДЕПУТАТА

LEGAL LIABILITY OF MUNICIPAL DEPUTIES

Аннотация. В статье раскрываются особенности муниципально-правовой ответственности в отношении депутатов представительных органов муниципальных образований. Анализируются соответствующие нормы муниципального права. Формулируются предложения по совершенствованию данного института.

Ключевые слова: муниципально-правовая ответственность, депутат, муниципальное образование, население, голосование.

Annotation. The particularities municipal-legal responsiblity open in article in respect of deputy representative organ municipal formation. They are analysed corresponding to rates of the municipal right. The offers are formulated on improvement given institute.

Key words: municipal-legal responsiblity, deputy, municipal formation, population, voting.

Депутатский статус в нашей стране представляет собой совокупность норм, регулирующих полномочия депутата и включает в себя такие составляющие, как выборы депутата, срок полномочий депутата; основания досрочного прекращения депутатской деятельности; полномочия депутата представительного органа местного самоуправления; права и обязанности местного депутата; ответственность депутата; депутатская этика; ответственность органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц, физических и юридических лиц за невыполнение законодательства о статусе депутата; гарантии осуществления депутатской деятельности [1, с. 48]. Из выше перечисленного рассмотрим один аспект этого статуса – юридическую ответственность, которая является непременным атрибутом любой властной структуры [2, с. 9].

В этой связи надо отметить, что Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. [3] значительное внимание уделяет регулированию вопро-

сов деятельности представительных органов местного самоуправления, в том числе депутатов, которые входят в эти органы. Имеется даже специальная статья (ст. 40) – «Статус депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления», где достаточно подробно раскрываются полномочия депутатов и гарантии осуществления ими своих полномочий. Однако в этой статье ничего не говорится об ответственности депутата.

Однако, это не значит, что закон о местном самоуправлении вообще обходит данный вопрос – он находит отражение в ст. 71 («Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед государством»), в соответствии с которой:

«1. Основания наступления ответственности органов местного самоуправления, депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления перед населением и порядок решения соответствующих вопросов определяются уставами муниципальных образований в соответствии с настоящим Федеральным законом.

2. Население муниципального образования вправе отозвать депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления в соответствии с настоящим Федеральным законом».

Как видно, речь, разумеется, не может идти о применении к депутату мер принуждения [4, с. 29] – санкция данной ответственности предусматривает только досрочное прекращение полномочий. В ч. 1 указанной ст. 71 дается ссылка на другие статьи этого же закона и уставы муниципальных образований. Однако с формальной точки зрения ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в других статьях больше не содержит норм, определяющих юридическую ответственность депутата представительного органа муниципального образования, что можно расценивать как недостаток юридической техники [5, с. 34], который мы не рассматриваем.

Во второй части этой же ст. 71 речь идет об отзыве депутата, который является действительно важной формой муниципально-правовой ответственности [6, с. 318].

Отзыв депутата действительно возможен – в соответствии со ст. 24 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако процедура эта достаточно сложная, что отмечалось в литературе [7, с. 114]. Указывается, в частности, что основаниями для отзыва депутата (как и члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления) – далее мы не будем повторять наименования этих категорий лиц) могут служить только его конкретные противоправные решения или

действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке. При этом процедура отзыва депутата должна обеспечивать ему возможность дать избирателям объяснения по поводу обстоятельств, выдвигаемых в качестве оснований для отзыва.

Необходимо отметить, что далее следует главное условие: «Депутат считается отозванным, если за отзыв проголосовало не менее половины избирателей, зарегистрированных в муниципальном образовании (избирательном округе)».

Здесь надо отметить, что федеральный законодатель принял неоправданно высокую планку для решения данного вопроса. Дело в том, что после отмены порога явки депутат может быть избран простым большинством при любом количестве избирателей, пришедших на избирательный участок – теоретически он может стать результатом волеизъявления небольшого числа избирателей. Далее, статистика последних лет показывает, что фактическая явка на выборах депутатов местного уровня составляет всего 20-30%, при этом победивший депутат получает, как правило, 10-15% голосов от общего числа зарегистрированных избирателей. Тогда как для отзыва, законодатель требует не менее 50%. Таким образом, налицо явный перекося. В связи с этим, на наш взгляд, нужно данную норму изменить, а именно установив, что депутат считается отозванным, если за это проголосовало не менее 50% плюс один голос не от общего числа избирателей в избирательном округе, а от числа избирателей, пришедших на голосование.

Что касается других условий отзыва, то они носят процедурный характер инициирования голосования по отзыву. Этот вопрос отдается на усмотрение самих муниципальных образований. Однако мы полагаем, что федеральный законодатель должен задать определенные условия, жестче которых на местах установить не могут, учитывая, что уставы противоречиво подходят к решению данного вопроса. Так, например, в Уставе г. Краснодара имеется только дублирование норм федерального закона [8].

На наш взгляд, можно установить например, что для инициирования голосования населением по отзыву депутата (а именно это основной вопрос), достаточно, чтобы инициативная группа избирателей в количестве не менее десяти человек представила в местные органы власти соответствующий протокол о необходимости проведения голосования по отзыву депутата данного избирательного округа с указанием соответствующих мотивов, и после регистрации собрала в поддержку этого предложения не менее 5% от общего числа избирателей этого округа. Затем, после проверки подписей подписных листов местный орган власти назначает голосование. При этом следует использовать имеющиеся в муници-

пальном законе институты, позволяющие делать эти процедуры гласными [9, с. 32].

Кроме того, как нам представляется, федеральный орган должен указать и другие виды юридической ответственности депутатов представительных органов с тем, чтобы их деятельность была более эффективной [10, с. 58]. При этом нужно учитывать, что ответственность депутатов представительных органов местного самоуправления реализуется: во-первых, как позитивная ответственность, т.е. ответственная деятельность по решению вопросов местного значения; во-вторых, как негативная ответственность [11, с.43], соответственно ответственность депутатов перед населением наступает в результате утраты доверия перед государством - в случае нарушения действующего законодательства, перед физическими и юридическими лицами - в порядке, предусмотренном действующим законодательством [12, с. 184.]. Депутат, будучи выборным должностным лицом представительного органа местного самоуправления, предпринимая в соответствии со своими функциями определенные действия, которые могут повлечь за собой не только позитивные, но и негативные последствия, должен быть поставлен в условия, которые бы минимизировали возможность нарушения интересов населения, физических лиц: то есть влекли бы ответственность за нарушение этих интересов [13, с. 192]. Например, целесообразно обязать депутата участвовать в публичных слушаниях, которые проводятся в его округе, где он избирался [14].

Подводя итог можно сделать вывод, что вопросы юридической ответственности муниципальных депутатов не имеют в настоящий момент достаточной нормативно-правовой базы ни на одном уровне власти. Из этого следует, что размытость механизма применения мер ответственности, отсутствие санкций и самое главное - правовой базы приводит к успокоенности народных избранников всех уровней, которая, к сожалению, переходит в самоуспокоенность и как следствие не способствует улучшению дел в муниципальном образовании. Такой подход, безусловно, не отвечает современным российским требованиям, учитывая сложное финансовое положение большинства муниципальных образований [15, с. 135], и его необходимо корректировать.

Источники:

1. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права / Под общ. ред. О.В. Старкова. Москва, 2012. С. 48.
2. Турицын И.В., Упоров И.В. Теоретическая конструкция публичной власти и ее конституционно-правовое преломление в России // Право и практика. М., 2015. № 2. С. 4-10.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» //

Справочно-правовая система КонсультантПлюс (дата обращения – 15. 12. 2015 г.).

4. Курдюк П.М., Упоров И.В., Акопян А.В. Преступность как социально-опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации. Краснодар, 2007. С. 29.

5. Упоров И.В., Курдюк П.М., Курдюк Г.П. Правотворчество в современной России. Краснодар, 2003. С. 34.

6. Кокотов А.Н., Соломаткин А.С. Муниципальное право России. М., 2005.

7. Упоров И.В., Старков О.В. Муниципальное право Российской Федерации. Москва, 2015. С. 114.

8. Решение городской Думы Краснодара от 21.04.2011 № 11 п.6 (ред. от 09.07.2015) «О принятии Устава муниципального образования город Краснодар» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс (дата обращения – 17. 12. 2015 г.).

9. Упоров И.В., Кузовлева Г.В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 30-34.

10. Алексеев И.А. Содержание и виды муниципально-правовой ответственности // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 58-62.

11. Старков О.В. Упоров И.В. Юриспруденция. Введение в специальность. Москва, 2005. С. 43.

12. Конституционное (государственное) право России: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Смоленский М. Б., Упоров И. В., Звягольский А. Ю.]; под ред. М. Б. Смоленского. Москва, 2009. С. 184.

13. Краснов М.А. Проблемы ответственности в местном самоуправлении // Местное самоуправление: современный российский опыт законодательного регулирования. М., 1998.

14. Звягольский А.Ю., Тамазов З.Г., Упоров И.В. Правовое регулирование института публичных слушаний и его реализация в муниципальных образованиях. Москва, 2008.

15. Упоров И.В., Старков О.В. Финансовое право. Москва, 2013. С. 135.

Сопина Л.Ю.
*студентка юридического факультета,
Кубанский социально-экономический институт*

Дынько А.П.
*доцент кафедры гражданского права и процесса
НОУ ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук*

Sopina L.Yu.
*law student,
Kuban Social and Economic Institute*

Dinko A.P.
*associate Professor of Civil Law and Procedure
"Kuban Social and Economic Institute"
candidate of Legal Sciences*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PECULIARITIES OF LEGAL STATUS OF MINORS INVOLVED IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация. В данной статье исследуется правовое положение несовершеннолетних. И рассматривается возможность участия несовершеннолетнего в гражданском процессе в качестве самостоятельного лица, а также через законных представителей.

Annotation. This article examines the legal status of minors. And the possibility of participation of minors in civil process as an independent entity, as well as through legal representatives.

Ключевые слова: несовершеннолетние, суд, гражданское судопроизводство, семья, опекуны (попечители), государство, дееспособность

Key words: minors, court, civil proceedings, family, guardians (trustees), state capacity

Участие несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве связано с множеством проблем, вызванных различными обстоятельствами, и, прежде всего, недостатками правового регулирования, а также отсутствием надлежащего подхода к вопросам реализации прав несовершеннолетних граждан.

Одной из самых важных проблем является определение гражданского процессуального статуса несовершеннолетнего как участника гражданского процесса.

Обозначенная проблема заслуживает особого внимания еще и потому, что без определения роли ребенка в судебном разбирательстве, а также положения и объема прав и обязанностей, невозможно конкретизировать его как участника гражданского судопроизводства.

Как издавна известно, одной из главных предпосылок возникновения гражданского процессуального правоотношения является наличие гражданской процессуальной правоспособности, которой в свою очередь обладает каждый гражданин с момента рождения. По гражданскому законодательству РФ граждане наделяются способностью лично осуществлять гражданские процессуальные права и нести обязанности.

Так в статье 36 ГПК закреплено, что: «Гражданская процессуальная правоспособность – это предусмотренная нормами гражданского процессуального права способность субъекта приобретать (иметь) гражданские процессуальные права и гражданские процессуальные обязанности» [2].

Закон РФ также наделяет такой способностью, в равной мере, всех физических и юридических лиц, обладающих в соответствии с законодательством РФ правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов, имея в виду лишь возможность участия их в гражданском процессе в качестве сторон и третьих лиц.

Однако, гражданское процессуальное законодательство не допускает никаких ограничений процессуальной правоспособности несовершеннолетних и иных граждан. Все лица, обладающие субъективным материальным правом, должны иметь возможность обращения за его защитой, т. е. непосредственно гражданскую процессуальную правоспособность.

Для осуществления процессуальных прав и обязанностей в суде посредством совершения процессуальных действий необходимо обладать процессуальной дееспособностью.

Гражданская процессуальная дееспособность – это способность субъекта лично осуществлять свои права и исполнять свои обязанности, а также иметь возможность поручать ведение своего дела представителю (ст. 37 ГПК) [2]. В полном объеме гражданская процессуальная дееспособность принадлежит гражданам, достигшим возраста 18 лет, и организациям. Совершеннолетнее лицо может лично совершать процессуальные действия (самому предъявлять иск, заключать мировое соглашение, отказываться от иска или признать его, заявлять ходатайства в процессе, доказывать и т. д.).

Несовершеннолетний как участник судебного процесса, в котором он может выступать как самостоятельное лицо, согласно ст. 35 ГПК РФ, обладает всеми процессуальными правами и обязанностями, а именно:

- право знакомиться с материалами дела,
- делать выписки из них и снимать копии.

Ознакомление с материалами дела может происходить как во время, так и вне судебного разбирательства. Данное право принадлежит и представителям. Сюда также можно отнести:

- право предоставления доказательств
- активное участие в исследовании доказательств;
- право задавать вопросы участникам процесса;
- заявлять ходатайства

Эти права позволяют лицу, участвующему в деле, доводить до суда в установленной процессуальной форме свои процессуальные требования.

В соответствии с п.4 ст. 37 ГПК РФ «несовершеннолетние лица от 14 до 18 лет имеют право самостоятельно защищать свои интересы в случаях, предусмотренных Федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных правоотношений». Таким образом, участие несовершеннолетнего лица в гражданском судопроизводстве по основаниям мало отличается от участия в процессе «дееспособного» гражданина.

Приоритетом в данном случае будет являться волеизъявление несовершеннолетнего лица, однако при обнаружении противоречий в гражданско-процессуальном заявлении или действиях несовершеннолетнего и его законного представителя суд обязан давать оценку данным объяснения в совокупности с другими доказательствами по делу [4].

По сравнению с личным участием несовершеннолетних лиц в гражданском производстве чаще встречается случай, когда их интересы представляют и защищают законные представители – родители, усыновители, опекуны, попечители и иные лица, которым это право предоставляется федеральными законами (ч. 1 ст. 52 ГПК РФ).

Родители могут представлять интересы своих детей в возрасте до 18 лет при условии, что между их интересами нет противоречий [5].

Процессуальное положение законных представителей определено таким институтом гражданского процессуального права, как представительство, закрепленное в гл. 5 ГПК РФ. Законные представители действуют в процессе от имени несовершеннолетнего и в его интересах, создавая для него права и обязанности (ст. 52 ГПК РФ).

Однако, учитывая особый статус несовершеннолетнего лица, законодатель устанавливает определенные ограничения в действиях законного представителя (п. 3 ст. 52 ГПК РФ). Исходя из этого, суд не вправе принимать отказ законного представителя от иска или признание им иска по имущественному спору, стороной которого является несовершенно-

летний, находящийся под опекой или попечительством, если на это в рассматриваемом судом деле нет согласия органа опеки и попечительства.

Законные представители могут поручать ведение дел другому лицу, избранному ими в качестве представителя. В таком случае будет иметь место договорное представительство (ст. 54 ГПК РФ).

В законодательном порядке закрепляются и права иных лиц, которые могут представлять интересы несовершеннолетнего. К таким лицам можно отнести администрацию детского дома, органы опеки и попечительства, если возникла необходимость участия законного представителя до назначения опекуна или попечителя. Согласно п. 2 ст. 123 СК РФ «до устройства детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью или в соответствующее учреждение выполнение обязанностей опекуна или попечителя возлагается на органы опеки и попечительства». Детям, находящимся постоянно на полном государственном попечении в воспитательных учреждениях, лечебных учреждениях, учреждениях социальной защиты населения и других аналогичных учреждениях, опекуны (попечители) не назначаются. В этих случаях в соответствии с п. 1 ст. 147 СК РФ выполнение их обязанностей возлагается на администрацию этих учреждений.

В заключении хотелось бы отметить, что в законодательстве РФ уделяется немало внимания вопросам гражданско-правового положения несовершеннолетних лиц.

Источники:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) [Текст] // Российская газета. - 1993. - 25 декабря.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 03.07.2016)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 года (ред. От 03.07.2016), (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016)
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015)
5. Беспалов, Ю. Ф. Защита гражданских и семейных прав ребенка в Российской Федерации [Текст] / Ю. Ф. Беспалов. - М., 2009.
6. Иванова, С. А. Некоторые процессуальные особенности судебного рассмотрения гражданских дел, связанных с воспитанием детей [Текст] / С. А. Иванова. - М., 2008.
7. Клепикова, М. Участие несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве [Текст] / М. Клепикова // Арбитражный и гражданский процесс. - 2007. - № 6.
8. Ненашев, М. М. Процессуальная правоспособность и дееспособность: некоторые проблемы теории и практики [Текст] / М. М. Ненашев // Арбитражный и гражданский процесс. - 2011. - № 5.

Тараканова Л.А.
*преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Кубанский социально-экономический институт*

Пономаренко М.С.
*студент юридического факультета
Кубанский социально-экономический институт*

Tarakanova L.A.
*Lecturer, Department of Civil Law and Procedure
Kuban Social and Economic Institute*

Ponomarenko M.S.
*the law student
Kuban social and economic institute*

ПЕРЕМЕНА ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ В РАМКАХ ЦЕССИИ И ЕЁ ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

CHANGE OF PERSONS IN OBLIGATIONS UNDER PROCESS AND ITS LEGAL FEATURES

Аннотация. В статье рассмотрены перемена лиц в обязательстве в рамках цессии и ее правовые особенности

Ключевые слова: уступка, договор, должник, кредитор

Annotation. The article describes the change of persons in the obligation under the assignment and its legal features

Key words: concession, contract, the debtor, the creditor

Проблема определения форм имущественного оборота в экономической жизни людей всегда была актуальной и, пока есть обмен, будет оставаться таковой. Это обусловлено динамичностью развития социально-экономической реальности в целом и в связи с этим вовлечением в сферу товарно-денежных (меновых) отношений все большего количества разнообразного вида имуществ. Среди них особое место занимают права требования и обязанности исполнения. Характерной чертой существования указанного имущества является отсутствие естественных форм его бытия, что определяет возможность его чувственного познания исключительно посредством объективации присущей ему нарицательной стоимости в определенной юридической форме с использованием специальных средств юридической техники. В качестве таких средств могут выступать договор, ценная бумага, расписка и прочие документы.

Естественно, что такой довольно сложный механизм определения форм существования имущества предполагает достаточную степень развития экономических отношений в обществе, когда не только простой

обмен вещей, но и применение денег в гражданском обороте не удовлетворяют в необходимой степени его потребности. Все это, а также то обстоятельство, что основным объектом нашего научного исследования выступает достаточно необычный вид имущества - права требования, подвигает нас начать исследование юридических форм его оборота с позиций исторического анализа.

Юридическая терминология, определяющая общие правила движения прав требования как имущества от одного лица к другому известна еще из римского права. Это цессия, деликация, суброгация, регресс и их разновидности. Некоторые из этих форм забыты, другие сохранились, но изменили свою правовую природу и получили иное, нежели прежде, определение. Среди них, на наш взгляд, наибольший интерес представляет цессия. [2]

Цессия как объект теоретического исследования прошла сложный путь. Связано это с необычностью ее правовой природы, поскольку сама постановка вопроса о замене лиц в обязательстве, устранении одних и назначении других кажется странной, поскольку приходится отрывать право от его носителя и передавать другому лицу не только само «чужое» право, но и абсолютную возможность его осуществления, правомочия. Все это противоречило устоявшимся догматам о личном характере субъективных прав у сторон в обязательстве. Именно поэтому римские юристы упорно пытались найти юридический механизм замены лиц в обязательствах, который концептуально не противоречил бы тем устоявшимся догматическим представлениям о природе субъективного права, которые существовали в то время. Данная проблема не разрешена до сих пор. В литературе совершенно справедливо ставится вопрос о том, что решение указанных проблем во многом зависит от определения того, «составляют ли субъективные права и юридические обязанности содержание правового отношения или занимают в нем какое-то иное место».

Уступка требования (цессия) совершается в форме договора, в котором, по сложившейся юридической терминологии, лицо, передающее требование, именуется цедентом, а новый кредитор – цессионарием. Такой договор должен быть совершен в той же форме, что и сделка, из которой вытекает уступаемое требование, т.е. в письменной или нотариальной.

Предметом передаваемых прав чаще всего являются денежные требования, и назначение цессии состоит в проведении взаимных расчетов. Предметом цессии могут быть и другие обязательства, например, о выполнении работ или оказании услуг. Однако уступка требования допускается в отношении не всех прав. Согласно ст. 383 ГК переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жиз-

ни или здоровью, не допускается. По общему правилу не может передаваться другому лицу требование по банковской гарантии (ст. 372 ГК). [1]

Не могут передаваться и личные неимущественные права, например, основанные на членстве кредитора в коммерческой или общественной организации, а также права на нематериальные блага личности, непередаваемость которых прямо оговорена в законе (п. 1 ст. 150 ГК). Наконец, следует иметь в виду, что уступка права требования может быть исключена договором, и в крупных коммерческих сделках, когда их участники заинтересованы в стабильности взаимоотношений, такое условие нередко предусматривается.

Правовая природа уступки требования в литературе оценивается по-разному. Одни авторы считают, что цессия представляет собой особую сделку абстрактного характера. Другие отождествляют ее с той сделкой, на которую опирается *переход права*, составляющий предмет цессии, т.е. купля-продажа, дарение.

Обоснованность этой второй точки зрения усматривается в том, что нормы ГК о цессии не регламентируют достаточно полно отношения между старым кредитором и новым, а придание цессии качества особого договора позволяло бы обходить в предпринимательских отношениях запрет дарения, установленный ст. 575, 576 ГК.

Однако текст ГК не подтверждает приведенные соображения, и к отношениям при уступке требования нет необходимости применять сложный набор правовых норм о купле-продаже или дарении, поскольку цессия — более простая юридическая сделка, а возникающие в этом случае вопросы могут решаться на основании общих правил о сделках и договорах. [3]

Заключение договора об уступке требования усложняет структуру обязательственных отношений и создает правоотношения между тремя ее участниками: цедентом, цессионарием, который становится новым кредитором, и должником по обязательству. При этом возникают и требуют решения три группы вопросов:

- 1) легитимация нового кредитора;
- 2) определение объема переданных по цессии прав;
- 3) пределы ответственности цедента и должника по обязательству перед новым кредитором.

1. Должник (за названными выше изъятиями, когда цессия невозможна) не вправе возражать против состоявшейся цессии, однако может не исполнять обязательство новому кредитору до представления доказательств перехода требования к данному лицу (его легитимации). В этих целях первоначальный кредитор должен предоставить новому кредитору документы, удостоверяющие переданное право требования, и сообщить сведения, имеющие значение для реализации требования.

2. В отношении объема переданных новому кредитору прав ст. 384 ГК устанавливает, что право первоначального кредитора переходит к новому в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе на неуплаченные проценты

3. Для определения ответственности цедента, передающего другому лицу свое право, принципиальное значение имеет норма ст. 390 ГК, согласно которой первоначальный кредитор, уступивший требование, отвечает перед новым кредитором за недействительность переданного ему требования, но не отвечает за неисполнение этого требования должником, кроме случаев, когда первоначальный кредитор принял на себя поручительство за должника перед новым кредитором. [4]

При цессии правовое положение должника по обязательству не может быть ухудшено, и он вправе выдвигать против требования нового кредитора все те возражения, которые имел против первоначального кредитора к моменту своего уведомления о переходе прав по обязательству к новому кредитору (ст. 386 ГК). Если же уведомление не последовало, этим моментом должна считаться дата предъявления к нему требования новым кредитором.

Такие возражения могут иметь как процессуальный, так и материальный характер и включать все допускаемые законом средства правовой защиты. В частности, возможно заявление должником просьбы о зачете его требования к первоначальному кредитору (ст. 412 ГК). Должник может также использовать в своих интересах возможные встречные требования к новому кредитору.

Особенность уступки требования в силу закона состоит в том, что в этом случае договор цессии не заключается, а новый кредитор на основании нормы права может требовать от должника то, что им было исполнено в интересах должника, причем требование нового кредитора всегда будет денежным. При несвоевременном его погашении должник обязан уплатить проценты и несет имущественную ответственность в форме убытков, если таковые будут доказаны.

Случаи уступки требования в силу закона предусматриваются как в ГК, так и в ряде других законодательных актов. В общей форме их круг определен в ст. 387 ГК, где на первое место поставлено универсальное правопреемство (реорганизация юридических лиц, наследование), а также названы отдельные случаи сингулярного перехода требований в силу закона.

Сингулярный переход прав кредитора к другому лицу имеет место, когда нарушен договор и ввиду этого поручитель должника или залогодатель (не являющийся должником) исполнили свои обязательства перед

кредитором. В таких случаях затраты поручителя и залогодателя должны быть компенсированы; поэтому закон ставит их на место кредитора, имеющего право требовать уплаченное ими от должника. При этом объем требований поручителя и залогодателя к должнику может иметь особенности, вытекающие из их отношений с должником, за которого они ручались.

Уступка права требования в силу закона имеет место в ситуации, когда третье лицо, чтобы не утратить свое право на имущество должника (право аренды, залога и др.) вследствие обращения кредитором взыскания на это имущество, за свой счет удовлетворяет требование кредитора без согласия должника. В этом случае к такому третьему лицу переходят права кредитора по обязательству в соответствии с правилами ГК о цессии (ст. 313 ГК).

Должник обязан платить долг» - этот принцип должен быть положен в основу деятельности правоприменительных органов при разрешении вопросов об уступке права требования. Обязательство должно быть исполнено, долг должен быть погашен, невзирая на наличие первоначального кредитора - специального субъекта, длящихся и тому подобных отношений. [5]

Изучение института уступки права требования убедительно доказывает, что современный гражданский оборот настоятельно требует снятия различных преград и заслонов для все более активного применения цессии. Хронические неплатежи, огромная взаимная задолженность различных российских организаций могли бы быть сведены к минимуму, если бы цессия заняла свое достойное место не только в системе российского гражданского права, но и нашла всемерную поддержку у правоприменительных органов.

Источники:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации
2. Шестаков Виталий Анатольевич. Цессия в российском гражданском праве
3. Гражданское право РФ. В 2-х томах. Т 1_под ред. Садикова
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения.
5. Керимова Марина Алексеевна. Уступка права требования в гражданском законодательстве России.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Материалы II Международной научно-практической конференции

Печатается по решению научно-методического и
редакционно-издательского советов КубГУ и КСЭИ

Подписано в печать 23.12.16.
Формат 60×84. Усл.печ.л. 10. Тираж 500 экз.

Издательство Кубанского социально-экономического института.
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, 3.
Типография ООО «Межотраслевой центр профессиональной
переподготовки»